

Жан-Луи Тьеро
Штауффенберг. Герой операции «Валькирия»

Новая версия (Этерна) –

— НОВАЯ ВЕРСИЯ —

Жан-Луи Тьеро

Штауффенберг

Герой операции

«Валькирия»

«Тьеро, Жан-Луи. Штауффенберг: Герой операции «Валькирия»»: Этерна; Москва; 2011
ISBN 978-5-480-00248-5

Аннотация

Сегодня Штауффенберг представляется рыцарем на белом коне, выделяющимся на фоне немецкой армии, скомпрометированной преступным режимом и даже ставшей его сообщницей. Подобно героям греческой истории, жертвовавшим своей жизнью ради демократии, Штауффенберг остается в нашей памяти убийцей тирана, тем, кто 20 июля 1944 года хотел избавить свою страну от злого гения, приведшего ее к поражению.

Но кем же на самом деле был полковник Шенк фон Штауффенберг?

Используя устные свидетельства и неизданные архивные материалы, Жан-Луи Тьеро восстановил жизненный путь этого аристократа, католика, воина и патриота до мозга костей. Он показывает, как непредвиденное и не принятое поражение 1918 года покачнуло его убеждения и привело к тому, что он увидел в национал-социализме едва ли не спасительное лекарство. Главное – автор восстановил достаточно точно этапы, которые привели Штауффенберга от разочарования к оппозиции нацизму, от соблазна уйти в себя к вступлению душой и телом в заговоры, направленные на физическое устранение Гитлера, от организации покушения 20 июля к христианскому восприятию самопожертвования ради гипотетического спасения своих соплеменников.

С точностью историка и пламенностью адвоката Жан-Луи Тьеро оживляет в этой книге личность, внесенную в пантеон истории Второй мировой войны.

Подробности жизни, которых вы еще не знали!

Настоящая правда о герое операции «Валькирия»!

Жан-Луи Тьеро Штауффенберг. Герой операции «Валькирия»

Jean-Louis Thiériot. Stauffenberg

Ouvrage publié avec l'aide du Ministère français chargé de la Culture – Centre national du livre

Издание осуществлено с помощью Министерства культуры Франции (Национального центра книги,)

Перевод осуществлен по изданию: *Jean-Louis Thiériot. Stauffenberg. Perrin, Paris, 2009*

© Perrin, 2009

© В. В. Егоров, перевод на русский язык, 2011

© Палимпсест, 2011

© ООО «Издательство «Этерна», издание на русском языке, 2011

* * *

Клемантине Тассен

«Spiritus ubi Vult spirat»

«Провидение творит то, что хочет»

Нашим младшим командирам и солдатам, павшим в боях в Афганистане в августе 2008 года, во время написания этой книги:

старшине Себастьяну Девезд, 8-й ПМП,

сержанту Дамьяну Бюши, 8-й ПМП,

сержанту Николя Грегори, 8-й ПМП,

сержанту Родольфу Пенону, 2-й ПМП,

капралу Меламу Баума, ТМП,
капралу Кевуиену Шассену, 8-й ПМП,
капралу Дамьену Гайе, 8-й ПМП,
капралу Жюдьену Ле Паону, 8-й ПМП,
капралу Антонию Ривьер, 8-й ПМП,
капралу Алексису Таани, 8-й ПМП

«Я прибыл сюда не для того, чтобы говорить о поражении, потому что я узнал о силе немецкого народа, о его добродетелях, его отваге и мне безразличен мундир и даже идея, которая владела умами тех солдат, что шли на смерть таким большим числом. Они были смелыми людьми. Они добровольно жертвовали своими жизнями. За неправоное дело, но их поступок не имел к этому никакого отношения.

Они любили свою родину» Франсуа Миттеран, речь в Берлине 8 мая 1995 года

«В Германии существовала оппозиция, объединявшая самых великих и самых благородных людей, которые были когда-либо сотворены историей народов. Эти люди боролись, не имея помощи внутри страны и помощи извне. Их мучили угрызения совести. Их поступки и их самопожертвование стали основой возрождения Германии»

Уинстон Черчилль

Пролог

Здесь кроется какая-то тайна. Из всех выступивших против Гитлера немцев Штауффенберга во Франции знают менее всего¹. Хотя именно он и совершил самый решительный поступок, был единственным, кто едва не убил Гитлера 20 июля 1944 года, единственным, кто организовал серьезный заговор против национал-социалистической системы, единственным, кто выступил одновременно и мозгом, и разящей рукой заговора, единственным, кто мог бы изменить ход войны. Так почему же тогда о нем все молчат? Потому что он не вызывает симпатии сразу же. Консерватор, аристократ, военный, христианин, женоненавистник, Клаус фон Штауффенберг был не из того теста, из которого его век так любил лепить своих героев. Он не обладал ангельским очарованием Софии Шоль – и ее товарищей из «Белой розы», – расстрелянной накануне ее двадцать первого дня рождения за распространение листовок в Мюнхенском университете. Он не был и пролетарием, как Георг Эльзер, скромный столяр из Штутгарта, в одиночку взорвавший бомбу в пивном кабаке нацистов «Бюргербройкеллер» в Мюнхене. Он не имеет ничего общего с силами прогресса из «Красной капеллы», умудрившимися создать антинацистское движение с помощью Советского Союза. Короче говоря, он вовсе не походит на общепринятый образ участника Сопротивления.

Однако же его жизнь была очень увлекательной. Она сопряжена с трагедиями века, его ужасными и светлыми периодами. Родившийся в 1907 году, он был еще подростком, когда рухнула Германская империя. Его юность прошла в обстановке конца света, мук поражения, версальского диктата, Веймарской республики, в страхе перед революцией и в тревоге нового порядка. Для юноши его положения, воспитанного в военно-монархических традициях, это означало двигаться в неизвестном направлении через страну отчаяния. И тогда он сбежал от этого, окунулся с головой в мечты, в литературу, в романтизм, в поэзию. В том возрасте, когда молодые люди выбирают себе учителей, он нашел для себя волшебника в лице великого поэта-символиста Штефана Георга. И будущий офицер выковал для себя оружие защиты, держа в руке перо. В отличие от большинства своих приятелей, которые любили вино, охоту и котильон, он ценил больше всего книги и мыслителей. Будучи уверен в том, что герои книг и просто герои отлиты из одного металла, он в 1927 году поступил на службу в армию. Эта двусмысленность осталась с ним навсегда. Блестящий военный, хорошо разбирающийся в тактике, выделяющийся в лучшую сторону в ходе штабных учений, он продолжал дружить с

¹ Кроме одной биографии, опубликованной в 1966 году (Иоахим Крамарц «Жизнь и смерть офицера. Штауффенберг»).

музой. Ему не нравились низменные развлечения эскадрона, лейтенантские гулянки, демонстрация грубой силы. Те, кто ожидал увидеть в нем рейтара, находили поэта. В этом проявлялся его характер. А также его двусмысленность.

Испытывая тоску по прошлым временам, терзаясь страхом перед красными, он совершенно не замечал всей опасности национал-социализма. С едва прикрытым удовлетворением он приветствовал приход к власти Гитлера. Не будучи убежденным нацистом, он видел в них знак возрождения немецкой нации, возможность отмены Версальского мира, восстановление армии, обретение гордости за страну. Прозорливостью он не отличался. Как и весь немецкий народ, он поддался на соблазнительные обещания фюрера. Будучи по натуре прежде всего эстетом, он видел красоту храмов света и не слышал при этом звона разбитых витрин в «Хрустальную ночь». В этом его судьба очень показательна. Он разделил всеобщее восхищение общества, хотя и цивилизованного, теми «демоническими силами», которые Гете давно уже обнаружил в «немецкой душе».

Началась война, появился энтузиазм, счастье оттого, что Польша пала за три недели, а Франция – за пять. Но с этим пришли и первые сомнения, быстро переросшие в уверенность. Он узнал о жестокости на Востоке, о концентрационных лагерях, о холокосте. И все колебания исчезли. Он участвует в несправедливой войне, значит, он должен поспособствовать ее прекращению. У него начались муки осознания. Он был поражен в самое слабое место: была задета его честь. Как и все офицеры, он принял присягу на личную верность фюреру. Выступить против него означало нарушить присягу. Для того чтобы перейти духовный Рубикон, избавивший его от обязанности повиноваться, ему пришлось приложить все силы своего интеллекта, опереться на религию, поскольку католицизм допускал убийство тиранов. Начиная с 1942 года он стал участником Сопrotивления, хотя военное положение страны было еще далеко не отчаянным. Совместно с потомственными офицерами, которые были в оппозиции к Гитлеру – таких было намного больше, чем принято считать, – совместно с политиками консервативного или прогрессивного толка, он готов был пойти на любые варианты, чтобы свергнуть деспота. После ранения, полученного на фронте в Тунисе, это стало его единственным навязчивым желанием. Он стал мыслить как политик, а действовать – как военный. Всеми фибрами своей души выступая за консерватизм, он оказался одним из немногих, кто поддерживал связи с социалистами и синдикалистами. Встал выше кастовых предрассудков и умело организовал невероятный заговор, используя приказы Гитлера, чтобы в назначенный день повернуть их против тирана. Он стал стержнем знаменитого плана «Валькирия». Но в решающий час его товарищи по заговору постоянно находили веские основания для того, чтобы отложить покушение. И в июле 1944 года он решил произвести его лично. 20 июля он сделал это своими руками.

Его судьба заслуживает внимания. Это вовсе не противник фашизма с первых его дней, но этот цельный человек – упорный враг его. Его жизненный путь был извилистым, полным колебаний, противоречивым. И от этого он стал тем более интересным, поскольку пролегал параллельно с путем Германии. В 1942 году, когда Штауффенберг понял глубоко преступный характер режима, которому служил, их пути разошлись, и он пошел своей дорогой.

Давайте же совершим с ним путешествие, которое началось в Штутгарте, в тихих замках маленьких дворов Германской империи, продолжилось в бурные годы между двумя мировыми войнами и закончилось вечером 20 июля 1944 года под пулями расстрельной команды после полного волнений и неожиданных поворотов событий дня. Дня, когда оставалось совсем немного, чтобы Гитлер был убит, а нацизм уничтожен.

Юность, прошедшая в лучах света и в тени

Париж, 20 июля 1944 года, отель «Рафаэль», столовая офицеров оккупационных войск неподалеку от Елисейских Полей, около полуночи. В большом синем салоне ярко горят огни. Шампанское течет рекой. Все чокаются. Бокалы звенят от соприкосновения друг с другом. Официанты снуют из погребка и обратно. В едином порыве штаб группировки вермахта² в

---

² Вермахт, германскую армию, наследницу рейхсвера времен Веймарской республики и императорской армии,

Париже отмечает странную победу – гибель фюрера и, естественно, окончание войны. Те, что пьяны более других, приняв стойку «смирно» и застегнув воротнички мундиров, щелкают каблуками и поднимают бокалы «за смерть свиньи».

Небывалая сцена! Несколькими часами раньше главнокомандующий войсками во Франции генерал Карл-Хайнрих фон Штюльпнагель взял на себя смелость подчиниться указаниям одного хмурого полковника из Берлина, графа Клауса Шенка фон Штауффенберга. Примерно в 14 часов он собрал офицеров своего штаба в отеле «Мажестик» и объявил им о смерти Адольфа Гитлера и о незамедлительном приведении в действие плана «Валькирия», предусматривающего захват всей полноты власти армией, отстранение от дел государственной администрации и партии.

Конкретно предусматривалось арестовать членов СС и СД³, самых фанатичных нацистов.

Штюльпнагель отдал приказ собрать в Булонском лесу ударные силы, несколько подразделений десантников и хорошо вооруженной мотопехоты под командованием надежных офицеров. Поздно вечером эти войска бесшумно рассредоточились по французской столице. Никто ничего не заподозрил. В 23 часа началась операция. Телефонная связь СС и СД была прервана. Их внезапно обезоружили в казармах неподалеку от Триумфальной арки и на квартирах. Около 1200 человек сдались, не оказав никакого сопротивления. Люди в зелено-серых мундирах нейтрализовали подразделения в черной униформе, а их руководители были арестованы. Командующего группировкой обергруппенфюрера СС Оберга взяли под арест. Руководителя СД полковника Кношена застрелили в особняке на улице Фош, найдя его, довольно пьяного, в публичном доме, который он так любил посещать.

В Военном училище генерал Ганс фон Боинбург уже назначил расстрельные команды. Двор посыпали песком, чтобы кровь расстрелянных ночью нацистов лучше впитывалась. В течение всего дня юристы штаба поспешно составляли обвинительные заключения против людей Гимmlера⁴ в Париже. Их обвиняли во всем: в депортации евреев, в подрывах синагог, в злоупотреблениях полномочиями и в коррупции. Мотив не имел значения. Надо было дать палачам узнать цену пролитой ими крови. Для проформы военные трибуналы выносили приговоры, которые приводились в исполнение незамедлительно.

Переворот прошел без осложнений. Вермахт, эта старая Германия, гордящаяся своими титулами и традициями, мог быть доволен тем, что совершил. Армия снова взяла власть в свои руки. Эти выскочки из СС, эти палачи из гестапо наконец-то оказались под арестом. Под лепниной отеля «Рафаэль» армия могла шумно праздновать свой успех.

Внезапно из радиоприемника, передававшего несколько часов подряд военные марши, донесся чей-то голос. Этот голос объявил, что фюрер намерен обратиться к немецкому народу. Оцепенение. Недоверие. Тишина. Застыв, присутствующие услышали, как этот хорошо всем знакомый голос объявил, что некая клика «глупых, честолюбивых, преступных и бессовестных офицеров» попыталась убить его в его Ставке в Восточной Пруссии и что он остался цел благодаря Богу. Они услышали, как он провозгласил о том, что «будут беспощадно уничтожены преступные элементы», которые подняли на него руку. Для присутствующих это было роковым

следует отличать от СС, состоявшей в большинстве своем из нацистов-фанатиков. Долгое время было принято противопоставлять вермахт, который якобы действовал по правилам войны, и войска СС с их вспомогательными формированиями, на которые списывались все преступления. Якобы вермахт, возглавлявшийся офицерами, пропитанными аристократической и христианской культурой, не был замешан в кровавых ужасах режима. Хотя эта версия и не совсем ошибочна, реальность более серьезна. Вермахт тоже повинен в ряде преступлений фашизма. С некоторых пор немецкая историография и общественное мнение стали относиться к этому намного критичнее. Однако было установлено, что в 1944 году в Париже, имея во главе таких людей, как генерал фон Штюльпнагель, подполковник фон Линштов, Эрнст Юнгер или Цезарь фон Хофакер, войска придерживались антинацистских взглядов, выражали явный консерватизм и были полны желания любой ценой заключить мир с Западом до наступления полной катастрофы и вторжения в страну советских войск. См.: Август фон Кагенек *«Испытание совестью»*, 1996, *«Преступления вермахта»*, 2004 (указатель и каталог).

3 «Зихерхейстдинст»: служба безопасности рейха, политическая полиция СС.

4 Рейхсфюрер СС, руководитель СС всего рейха.

ударом. Именно их жизни потребовал этот восставший из ада голос. Маленький австрийский капрал⁵ снова победил.

Прошло время путчиков, началось время мучеников. Основным механизмом этого молниеносного переворота был Штауффенберг, человек, к роли повстанца никоим образом не стремившийся, скорее наоборот.

Обещания на заре жизни

Над его колыбелькой собрались все добрые феи. Родившемуся 15 ноября 1907 года в Штутгарте Клаусу Филиппу Марии Шенку, графу фон Штауффенберг, казалось, суждено было стать одним из счастливейших людей на земле.

Штауффенберги происходили из семейства потомственных дворян Швабии, род которых уходил корнями в XIII век, когда на территории между Дунаем и долиной Неккара их предок стал чем-то вроде *министериалесом*⁶ при дворе графа Цоллерна, бывшего в те времена могущественным правителем Франконии. С годами богатство и знатность семейства возросли. В 1698 году император Леопольд I сделал их баронами. Одна из ветвей семейства получила в 1791 году графский титул. Они принимали активное участие в написании истории края. Решительно встав в ряды католиков в ходе Реформации, они занимали самые высокие церковные посты в епископствах Аусбурга или Вюрсбурга. Один из представителей семейства был даже князем – епископом Мюнстерским. Другие часто оказывали ценные услуги королю Баварскому и герцогу Вюртембергскому, ставшему королем после распада Священной империи. В период между 1867 и 1871 годами Штауффенберги заседали в ландтаге Мюнхена. Кстати, именно Людовик II возвел в 1874 году прадеда Клауса в ранг графа Баварского.

В конце XIX века семейство перебралось в Штутгарт. Было вполне естественным то, что граф Альфред, отец Клауса, поступил на службу к королю Вюртембергскому Вильгельму II⁷. Он начал свою ничем не выделяющуюся карьеру в 1-м уланском полку. В 1880 году он стал лейтенантом, в 1897 году – капитаном, в 1900 году был назначен командиром эскадрона. Его талант заключался в том, что он был непреклонен, отличался слепым чувством долга, строгим уважением к обычаям и педантичностью при исполнении своих обязанностей. В том же году его назначили королевским камергером и обер-шталмейстером, а в 1908 году он стал обер-гофмейстером. Король ценил его именно за то, что он не был придворным. Практичный, придиричивый, конкретный, экономный, взрывной и нетерпеливый, он твердой рукой руководил жизнью придворных институтов. Он твердо стоял на своем в ходе торгов с барышниками, стремившимися всучить для королевских конюшен второразрядных лошадей. Он присматривал за всем. Но когда дело не касалось его служебных обязанностей, он проявлял простоту натуры. Он обожал что-то мастерить, украшать комнаты коврами, проводить электричество, копаться в саду, подрезать розы или болтать с фермерами из Лаутлингена.

Лаутлинген был прибежищем отшельника, его малой родиной, его *хайматом*⁸. Это поместье, расположенное в нескольких десятках километров от Штутгарта в глубине Эяхталя, не очень далеко от озера Констанц и дунайских источников, было очаровательным. Замок выделялся светлым пятном посреди деревушки с населением в несколько сотен душ. Не

---

5 Гитлер родился в австрийском городке Браунау, что неподалеку от города Линц. Немецкое гражданство он принял много позже.

6 Управляющий дворцом в средневековой Германии.

7 Не надо путать его с Вильгельмом II, королем Прусским и германским императором, который правил в те же года.

8 Будучи основным элементом германской культуры, *хаймат* отличался от понятия *фатерланд*. Первый означает малую родину, деревню, регион, который близок человеку, а второе понятие означает родину в традиционном смысле слова.

имевший ничего гигантского, этот замок с тридцатью комнатами на трех этажах был сооружен между 1842 и 1846 годами и представлял собой здание со строгими линиями, подчеркнутыми только угловыми камнями и антаблементами из темного песчаника, и украшенное лестницей в итальянском стиле, спускавшейся в парк. Подлинное очарование заключалось не в самом доме, бывшем в совокупности довольно обычным, а в комплексе всего имения с его вспомогательными постройками XVII века, с его водяной мельницей, с его отделанными рустиком конюшнями и с его крепостной стеной с башнями, оставшимися от древнего феодального замка. В имение входили две фермы площадью 150 гектаров. Это было одновременно и мало и много. Достаточно для того, чтобы жить в честном достатке, но недостаточно, чтобы можно было позволить себе большие изыски. Этого вполне хватало для того, чтобы обладать такими бесценными дарами, как свобода и независимость. Жалование и доходы от сдачи земли в аренду не были главной целью Альфреда.

Его жена Каролина, урожденная Юксюль-Гилленбанд, была полной противоположностью мужу. Он стоял на земле, а она была устремлена к звездам. Женились они не по любви. Ему было около 45 лет, и он уже подумывал о покое. Ей было 29, и она знала, что затянувшееся ожидание прекрасного принца могло обернуться одиночеством. Он желал взять в жены женщину своего круга. Она тоже не хотела нарушать традиции. Оба они хотели иметь детей. И в марте 1904 года они поженились. Он сожалел о том, что она была протестанткой, но это не имело большого значения. Она была из очень знатной семьи. Ее отец был подполковником австро-венгерской кавалерии. По материнской линии она была прямым потомком фельдмаршала фон Гнейсенау, ставшим наряду с Шарнхорстом и Блюхером организатором военного выступления Пруссии против Наполеона.

Несмотря на то что все в семье было, казалось, как надо, реальность была несколько иной. Каролина не была обычной женщиной. Добропорядочная немецкая жена в те времена должна была подчиняться правилу четырех «К»: *Kinder, Kaiser, Küche, Kirche*, то есть дети, император, кухня, церковь. Однако обиденная жизнь была ей совершенно чуждой. Она любила музыку, литературу, искусство, красоту, которые заставляли отступить повседневные тяготы. Она поддерживала переписку с поэтами, принимала у себя музыкантов, организовывала свои вечера. Материнские заботы она переложила на других. Кухня для нее заключалась в подчеркивании карандашом блюда в меню. К тому же чаще всего это делала гувернантка. Она любила разговаривать с детьми, наставлять их, ласкать, но всем остальным занималась кормилица. Она была ветреной, смешливой, беззаботной и искренней. По портрету юных лет ее можно было принять за англичанку дорафаэлевских времен, настолько она казалась тонкой, с устремленным в бесконечность взором, со строптивой и ироничной улыбкой, словно она была полностью оторвана от превратностей судьбы. Однако она вовсе не была законченной эгоисткой. Современники единодушно отмечали ее психологическое чутье, ее такт и умение владеть собой. Она вскоре стала подругой королевы Шарлотты, супруги старого короля Вильгельма. Каролина была полностью ей предана. Для того чтобы доставить удовольствие своей королеве, она стала ездить верхом, хотя до смерти боялась лошадей.

Удивительно, но эта семейная пара, казавшаяся вначале столь неудачно подобранной, жила очень счастливо. При дворе Штутгарта все восхищались удачным сочетанием в семейной упряжке в стиле барокко нежной Каролины *Дули, Ду Либе* (любимой) для близких и тупицы Альфреда, *Громыхали*, – поскольку изысканными манерами он не отличался. В течение года они проживали в просторном служебном помещении старого замка Штутгарта *Альтер Шлосс* в нескольких шагах от королевского дворца *Ноейс Шлосс* и дворца Вильгельма, где служил Альфред. Хотя жилище и было престижным, но там не было тепла и, главное, света. Каролине очень не нравилось это почти средневековое здание, стены которого выделяли селитру, но она не показывала вида.

15 марта 1905 года на свет появились близнецы Александр и Бертольд. Родители были без ума от счастья. Каролина повадилась записывать чуть ли не ежедневно развитие своих детей, и это продолжалось до самого 1922 года. Она очень скоро уловила различия в их характерах. Бертольд казался более застенчивым и в то же время более решительным. Однажды она записала: «В его очаровательных глазах такое глубокое выражение, что задаешься вопросом, что происходит у него в голове, и это наполняет невероятным страхом». Была ли предчувствием

тревога матери, или же это просто совпадение? Этого не знает никто.

Во всяком случае, горе вскоре коснулось своим крылом этого семейства, которое, казалось, было благословлено богами. 15 ноября 1907 года у графини фон Штауффенберг случились преждевременные роды на восьмом месяце беременности. Снова оказалась двойня. Первый мальчик, Клаус Филипп был крепким здоровым бутузом. Именно ему суждено было войти в историю как «человеку 20 июля». Второй, Конрад-Мария, прожил всего один день. Родители были убиты горем. Для Клауса эта смерть стала чем-то вроде морального надлома, как только он смог это осознать. Ему недоставало брата, которого он так и не узнал. Это сблизило его с Бертольдом, который с 1909 года взял младшего брата под свое крыло. Но дружба со старшим братом не могла заменить отсутствие близнеца. Его это постоянно тяготило. Всякий раз, оказываясь перед распятым, он молился за упокой души Конрада-Марии. В 1912 году, во время отдыха в Лаутлингене, его мать записала в дневник, что сын каждый день собирал цветы и почтительно клал их перед фотографией новорожденного. В 1914 году, когда он неудачно упал, на слова родителей о том, что у него есть ангел-хранитель, он сразу же ответил: «Я его знаю – это мой младший братик».

Каролина была любящей матерью. Каждый день, несмотря на светские обязательства и вопреки принятым тогда обычаям, она по нескольку часов проводила с детьми. Она рассказывала им истории на немецком, французском или английском языках. Лишь для поэзии она делала исключение: стихи читались только на немецком. В четыре года они наизусть знали «Лорелей» Гейне или «Король Ольхи» Гете. Их завораживали звучность и ритмика языка. В 1912 году она пришла в восторг, услышав, как ее сыновья бойко выговаривали балладу о всаднике с ребенком: «Кто этот всадник...»⁹. Она также рада была распахнуть перед ними двери германских рапсодий.

Семейство жило в полной гармонии. Мальчиков объединяло взаимное понимание. «Когда я отчитываю одного из мальчиков, – записала их мать, – и ему становится грустно, другие чувствуют себя потрясенными и бросаются ко мне на шею с мольбами: "Дули, утешьте его, утешьте же его, он так несчастен"». Самым послушным был Александр, самым умным – Бертольд с удивительной для его лет находчивостью. В 1913 году, в возрасте 8 лет, он увлекся Балканской войной и тщательно переставлял флажки на карте в атласе. Он прочитывал все, что попадалось ему под руку, после того, как гувернантка научила его читать в возрасте четырех лет. Его восхищала «Песня о нибелунгах». Он прочел ее раз, затем перечел в варианте для взрослых. Он стал представлять себя Зигфридом, освобождающим Брунгильду из огненной тюрьмы. Потом он познакомился с музыкой Вагнера, которую мать играла ему на пианино. Сумел спеть «Проклятие золоту» – это навсегда осталось в его памяти. Он приобщил Клауса к своим рыцарским мечтаниям. Да так сильно, что в возрасте четырех лет младший ребенок заявил, что хочет стать героем и это единственное, что его интересует. Он бросился наперерез лошадям, чтобы доказать, что не испытывает страха. И это не было фантазией восторженного ребенка. Когда в 1914 году ему удаляли гланды, он вызвал восхищение медперсонала клиники. Он не издал ни единой жалобы, ни единого стога. Просто сказал, едва улыбнувшись: «Я вел себя героически. Поэтому, когда я вырасту, смогу воевать, как солдат». Клаус был отъявленным сорвиголовкой, заводилой.

В возрасте пяти лет, когда Ее Величество явилась в *старый замок*, чтобы выпить чаю, он отвесил ей безупречный поклон, но его поцелуй руки оказался несколько неожиданным... Он укусил королевскую ладонь до крови! Выросшая при дворе в тени камергеров и под закрытой короной¹⁰, королева для него была всего лишь бабушкой, пусть и чуть более торжественной.

9 Начало известной баллады Гете «Король Ольхи»:

«– Кто этот всадник, что из дома прочь
Несется через лес в столь поздний час,
Под ветра вой, когда закат погас?
– Отец свое дитя увозит в ночь.»

10 Закрытые короны характерны для домов суверенных правителей, а вот другие короны являются открытыми: корона барона, корона графа.

В 1913 году закончилось обучение с домашними преподавателями. Клаус поступил в класс, специально организованный для пяти отпрысков семей высшего света. Наконец-то он мог соперничать со старшими братьями, которые уже целый год посещали лицей Людвиг-Эберхарда в Штутгарте. Начиная с этого возраста он всегда стремился быть первым.

А во всем остальном жизнь протекала довольно мирно в окрестностях Штутгарта, Лаутлингена и имений друзей. Он все еще играл с кузенами, полдничал на ферме, дрался с мальчишками, а затем возвращался в салон для последнего поклона и поцелуя матери в лоб.

Год 1914-й: и распахнулись врата ада

Блаженство молодых Штауффенбергов было тем более полным, что они испытывали чувство принадлежности к одному из самых великих народов земли, принадлежности к Германской империи, которую кропотливо возвел Бисмарк и об учреждении которой было провозглашено в Зеркальной галерее Версаля в 1871 году. Они были воспитаны на патриотической литературе, на книгах для детей, прославлявших древних германских героев. Вильгельм II представлялся им новым Карлом Великим, новым Фридрихом Барбароссой, новым Фридрихом II Хогенштауфеном. Перед их взорами проходили величественные картины: херуск Арминий, разгромивший римские легионы в Тевтонбургском лесу, рыцари Тевтонского ордена во главе с их магистром Германом фон Зальца, победившие боруссцев и заложившие основу современной Пруссии, Король-Сержант, сделавший свое королевство мощной военной державой, Фридрих II Прусский, поднявший свою страну на уровень влиятельнейших королевств континентальной Европы, или безвестные герои Битвы народов под Лейпцигом, которые в 1813 году разгромили Наполеона, проявив вновь обретенную отвагу немецкой нации.

На трибуну национального энтузиазма поднялись также писатели. Разве средневековые *миннезингеры* не воспевали устами Вальтера фон дер Фогельвейде: «Мой император, Господь повелел мне поспешить к вам, чтобы стать его посланцем. Он владеет небом, вы – властелин на земле... Вы являетесь наместником Бога». Сказки для детей тоже не остались в стороне. «*Волшебный рог мальчика*» Клеменса Брентано и Ахима фон Арнима или сказки братьев Гримм восхваляли некое идеальное общество, созданное на земле, подчинение начальству, уважение к старшим, семье, послушание и веру. Уже тогда за шутливым тоном можно было услышать нотки антилиберализма и антисемитизма. Уже тогда торговцы и евреи, объединенные в одну достойную осуждения группу, выставлялись в качестве обманщиков и ростовщиков. Такие романтики, как Хелдерлин, Новалис, Хердер, Тик или Эйхендорф, вели более или менее похожие речи, усиленные колдовством глагола: любовь к земле и к крови, националистическая патетика, прославление военных ценностей, соединение земной империи и империи небесной. По выражению германиста Альбера Бегена в работе «*Романтическая душа и мечта*», Германия стала «тем народом, который мог стать Христом современной истории».

Это лукавое позиционирование было тем более мощным, что реальность, казалось, полностью соответствовала выдумке. К 1914 году население рейха менее чем за сорок лет увеличилось с 39 до 67 миллионов человек, и нация стала самой многочисленной в Европе. Страна начала создавать колониальную империю в Конго, Камеруне, Океании. Она обогнала Францию и стала второй в мире экономической державой после Великобритании. На дипломатической арене она стала неоспоримым стержнем Тройственного союза, объединив под своим крылом Австро-Венгрию и Италию. В военной области страна обладала самой сильной армией на континенте, а ее военно-морской флот начал серьезно конкурировать с флотом Англии. Дети Штауффенбергов, особенно старшие, знали эти цифры. Их увлекала военная сторона дела. Они с энтузиазмом говорили о спуске на воду дредноутов адмирала Тирпица, этой гордости кайзера. Перефразируя фразу Лютера «*Мой Бог – моя крепость*», все говорили: «*Мой рейх – моя крепость*». Как написано в детском альманахе, обнаруженном в фонде Штауффенбергов в Берлине, три крепости, восстановленные императором за большие деньги, стали краеугольными камнями этого вновь обретенного величия. На востоке это был Мариенбург, гнездо Тевтонского ордена, символ «*Похода на восток*», в центре – крепость

Вартбург, убежище Лютера, символ крушения могущества римской церкви, на западе, в Эльзасе, – замок-крепость О-Кенингсбург, символ разгромленной Франции.

Легко можно себе представить, какие соблазны и заблуждения могли внушить подобные мероприятия молодым неокрепшим умам. Восторги от этой *тевтонской фурии* были охлаждены родителями Штауффенбергов. Как убежденный католик, Альфред считал Лютера не освободителем, а виновником раскола страны. Он-то знал, что именно Пруссия низвела Вюртемберг до статуса задворок Великой Германии. Хотя там все еще был свой король, но его права были крайне ограниченными. Это скорее походило на выживание. Штутгарт не был Берлином, Вильгельм II Вюртембергский не был Вильгельмом II Прусским. У него не было военного зуда, страсти к блестящим мундирам и шикарным парадом. Он любил свои засаженные виноградом долины Неккара и свой милый город Штутгарт. Об его благодущии ходили легенды. Без всякого эскорта он регулярно прогуливал свою собаку по улицам своей столицы и всегда отвечал на знаки почтения поданных. Он был так популярен, что социалисты из СПГ написали в своей газете в 1916 году: «Во взаимоотношениях между королем и народом нет ни единого облачка [...]. В Вюртемберге, даже если монархия превратится в республику, ничего не изменится». Но монарх не строил никаких иллюзий. Он часто говорил своим близким, в частности Альфреду, что он будет последним из династии, кто правил страной. Очень большой была угроза как со стороны Пруссии, так и со стороны республиканцев. Но граф фон Штауффенберг отказывался смириться с этим. Он надеялся на то, что удастся противостоять духу времени.

Эти тонкости были совершенно не понятны десятилетним мальчишкам. Они предпочитали все, что гремит, все, что сверкает, развевающиеся на ветру флаги и тяжелый размер немецких маршей. Это стало видно по их реакции на начало войны. Прекрасным летом 1914 года семейство проводило отпуск в Лаутлингене. Никто не был ничем обеспокоен. Сараево было так далеко. Убийство 28 июня наследного принца Австро-Венгрии Франца-Фердинанда представлялось одной из перипетий в кровавой истории Балкан. В середине июля даже Вильгельм II не верил в возможность начала войны. Он объявил о своем отъезде на курорт. При этом не учитывались дьявольские трения между союзами: Тройственным союзом и Антантой. В конце месяца адский бикфордов шнур был подожжен. После того как Белград отклонил ультиматум Вены и Австрия объявила Сербии войну, Россия провела мобилизацию и заявила о своем намерении разыграть карту славянской солидарности. Альфред фон Штауффенберг сразу же сел в поезд, чтобы присоединиться к королю в Людвигсхафене. Даже несмотря на то, что Вюртемберг препоручил Пруссии представлять интересы на дипломатической арене, двор должен был быть переведен на военное положение. 1 августа Германия объявила всеобщую мобилизацию, 3 августа она объявила войну Франции, а 4-го – Великобритании. Пороховая бочка, на которую стала похожа Европа, была готова взорваться, один блок приготовился пойти на другой.

Каролина не была охвачена патриотической лихорадкой. Совсем наоборот. Она отметила, что в Лаутлингене на улицы вышло множество людей, но энтузиазма на их лицах не читалось вовсе. Женщины плакали. Мужчины переживали за урожай. Это, несомненно, было проявлением мудрости прирейнских жителей: они-то хорошо знали, что такое война и оккупация. «Сколько же несчастий нас ждет в будущем, – написала она. – Все говорят только о расстрелянных шпионах, о мостах через Дунай, которые якобы были заминированы, об аэропланах, летавших над Штутгартом».

Естественно, дети были совсем иного мнения. Они слушали только победные реляции о разгроме русских войск при Танненберге маршалом Гинденбургом 30 августа, об оккупации Бельгии, о том, что французов отбросили за Марну. Возбуждение достигло предела. Клаус был ужасно огорчен тем, что не мог участвовать в войне, пока ему не исполнится восемнадцать лет. Он завидовал своим братьям, которые могли уйти в армию на два года раньше его. И тогда он сделал то, что было в его силах. Он стал молиться за солдат. Его утренняя молитва всегда начиналась словами: «Господи, сделай так, чтобы все наши солдаты вернулись домой, чтобы все раненые выздоровели, чтобы все погибшие попали в рай». Старый замок Штутгарта был частично переоборудован в госпиталь. С тех пор Клауса беспокоило только это. Раненые поражали его своим стоицизмом. Однако смерть бродила рядом. 13 августа 1914 года сын его

дяди Бертольда фон Штауффенберга был сражен пулей в грудь на русском фронте. Битва на Сомме в 1915 году стала роковой для одного из кузенов Шлабрендорфов. В 1917 году Альфред фон Хофаккер, еще один двоюродный брат, погиб на высоте 301. Семейство не испытывало оптимизма. Каролина записала в своем дневнике: «Под Верденом мы погибнем от потери крови».

Но для Клауса, Бертольда и Александра это было все возраставшей славой, они не обращали внимания на увеличивавшиеся страдания, тем более, что война была далеко и связана с длинными каникулами. Они все больше времени проводили в Лаутлингене. Туда частенько приезжала родня: тетя Ош, двоюродная тетка Каролины, или дядя Нукс, Альфред фон Юкскуль-Гилленбанд, веселый вояка, привозивший с собой аромат венской легкомысленности. Офицер Генерального штаба, заместитель военного атташе при Великой Порте. Рассказанные им истории походили на восточные сказки. Те, кто приезжал с фронтов, привозили эпическое вдохновение и запах пороха. Для подростков эта война была жизнью с острым привкусом приключений, далекой от грязи, крови и бесчисленных страданий.

Кормилица-англичанка, мисс Бэрри, стала жертвой повышенной шпиономании. Она больше не могла выходить на улицу из-за своего сильно выраженного заморского акцента. В 1916 году ей пришлось уехать под насмешки мальчиков. Вскоре после этого лицей Людвиг-Эберхард был закрыт и превращен в тюрьму. Одна из преподавательниц лицея, фрау Диппер, была направлена в Лаутлинген, где ее приняли с почестями, достойными ее положения. Дети поехали встречать ее на повозке, запряженной ослом. Это была возможность испытать ее. И поэтому они подстегивали ослика. Она приехала вся разбитая. Но ни разу не пожаловалась. Это было неплохо. Дети ее приняли.

Работа шла как обычно, и дни сменяли друг друга. Дети увлеклись музыкой. Клаус стал прекрасным виолончелистом. Они замкнулись в этом узком семейном кругу. Когда началась беспощадная война подлодок, Александр, Бертольд и Клаус решили организовать патриотический концерт в одном из оставшихся не реквизированными залов лицея с благословения Каролины и Альфреда, покоренных такой пылкостью и такой предприимчивостью детей. Концерт имел большой успех. Он позволил собрать 1200 марок в помощь семьям погибших отважных подводников...

Поражает одновременно интеллектуальное любопытство этих молодых людей и продолжавшая проявляться чисто детская шаловливость. Летом 1918 года Клаус в одном из своих писем выразил сожаление о том, что не имел возможности много читать, «поскольку в семействе Юкскуль читать не любят и стараются постоянно чем-то заняться». Одновременно он в нем рассказал, как они играли в жандармов и вора и что они намерены были соорудить на дереве в глубине парка хижину: «Мы погрузили в двуколку весь наш скарб. Она несколько раз едва не перевернулась. Нам повезло, что она доехала до места без происшествий. Но ко времени приема чая мы уже сидели в нашем гнездышке». В разгар этих элегических сцен Альфред постоянно напоминал детям об их обязанностях, в частности о христианском милосердии. Поскольку мужчины были на фронте, следовало оказывать помощь их семьям. И вот клан Штауффенбергов вышел в поле. С половины седьмого утра они собирали животных, выгоняли их пастись часто по десять часов в день под палящим солнцем. Но никто из членов семейства на это не жаловался, скорее наоборот. Клаус после этого навсегда сохранил нежные чувства к занятиям сельским хозяйством и к людям, которые работали на земле. Это навсегда осталось его Германией. Чтение сказок братьев Гримм гармонично дополнилось мозолями на руках, полученными от черенков вил. «Чистые души в чистых телах» – такими были молодые Штауффенберги, когда ход войны начал грозить обернуться катастрофой для рейха.

Первые предвестники этого уже нарушили покой глубокого тыла: в 1916 году были введены первые ограничения; в 1917 году страна стала испытывать нехватку угля, нарушилось железнодорожное сообщение, стала сказываться морская блокада; в 1918 году начались революционные забастовки, спартаковцы стали выставлять свои требования, Штутгарт подвергся бомбардировке с воздуха¹¹. События в России ясно показали, что старый порядок

---

11 Очень незначительные, было сброшено наугад всего несколько бомб.

жизни не был больше нерушимым. Все начали бояться большевистской угрозы. Но Россия была далеко, а Германия на Восточном фронте побеждала. Разве Ленин проехал из Швейцарии в опломбированном вагоне через всю Германию по распоряжению Генерального штаба не для того, чтобы посеять смуту в стане врага? Не он ли подписал 18 марта 1918 года Брест-Литовский мир, положивший конец боевым действиям на востоке, закрывший второй фронт и обеспечивший рейху солидные территориальные завоевания? Вся военная мощь теперь могла быть сосредоточена на западе против Франции и Англии, к которым присоединились Соединенные Штаты Америки. На первый взгляд ситуация для государств Центральной Европы вновь стала благоприятной. 21 марта фронт союзников был прорван, 5-я британская армия разгромлена. Войска кайзера дошли до Амьена. Каждый месяц предпринималось новое наступление: в апреле во Фландрии, в мае – в Шмен де Дам, в июне – в Пикардии. И всякий раз франко-британские войска отступали, но немцам никак не удавалось одержать решающую победу. Хотя немецкие солдаты и снова могли мыть сапоги в Марне, как это было в 1914 году, форсировать реку им опять не удалось. Несмотря на сменявшие друг друга победные режиссии, все это никого не успокаивало. Генеральный штаб начал проявлять озабоченность, тем более что американцы начали поставлять в больших количествах войска и вооружение для того, чтобы вовремя заткнуть дыры, образовавшиеся после ужасного кровопускания в результате германского наступления. У империи уже не было резервов. Победу надо было одержать как можно скорее, или ее одержать не удастся никогда.

Однако для Штауффенбергов ситуация пока не представляла никаких угроз. Их скорее беспокоил внутренний фронт, поскольку они прекрасно знали российский опыт. В августе 1918 года тетка Улла, председатель германского общества Красного Креста, несколько дней провела в Лаутлингене. Она недавно вернулась из Страны Советов, где в течение нескольких месяцев ездила по многим лагерям для военнопленных. То, что она увидела в той стране, привело ее в ужас: массовые расстрелы, голод, первые депортации, гражданская война между красными и белыми. Особенно поразила ее дикая расправа в Москве с одним из ее друзей, графом Мирбахом, убитым без суда и следствия по решению местного совета, хотя у него был дипломатический паспорт¹². Те люди не уважали никого и ничего, даже древние принципы прав человека. Те люди были дикарями. Александр, Бертольд и Клаус с раскрытыми ртами слушали рассказы об этих ужасах. Для них с тех пор понятие зла стало ассоциироваться с красной угрозой.

Больше того, военное положение страны резко ухудшилось. День 8 августа стал «днем траура по немецкой армии». Английские танки прорвали немецкий фронт. Началось отступление. Хотя оно и производилось в организованном порядке, это стало началом конца. Даже слушая ложные официальные сообщения, никто уже не строил иллюзий. 29 сентября от имени Генерального штаба фельдмаршалы Гинденбург и Людендорф сообщили императору о том, что войну выиграть военными силами больше не представляется возможным и что следует начать поиски дипломатического решения. Проще говоря, это означало, что война была проиграна. Они чувствовали, что здание империи трещало по швам от ударов как извне, так и изнутри. Участились забастовки и восстания. Для спасения того, что еще можно было спасти, они потребовали назначения правительства, которое могло бы вступить в контакт с Соединенными Штатами и начать проведение институциональной реформы, направленной на превращение империи в парламентскую монархию. Для этого 3 октября канцлером был назначен князь Макс Баденский. Но было уже слишком поздно.

23 октября американцы отказались вести переговоры, пока не будут реализованы четырнадцать пунктов президента Вильсона: ликвидация монархии, установление демократического режима правления, реализация права народов на самоопределение. 27 октября Германия капитулировала. Император сбежал в Верховную ставку в Спа. В Киле восстала военно-морская эскадра, моряки двинулись на Берлин, по всей стране начали формироваться советы рабочих и крестьян. Они захватывали улицы и заводы. Вильгельм II

---

12 Вероятно, автор ошибается: решение о покушении на германского посла было принято ЦК партии эсеров, и Мирбах пал от рук эсеров, работавших в ЧК. – *Прим. пер.*

уехал в Нидерланды и отрекся от престола в пользу принца-наследника. Но все было тщетно. 9 ноября социалист Шейдеман срочным порядком объявил в Берлине о создании республики, чтобы не дать спартаковцу Карлу Либкнехту возможности опередить себя и провозгласить советскую социалистическую республику. 11 ноября было заключено перемирие. Оно было очень суровым по отношению к Германии, потерявшей, в частности, весь левый берег Рейна.

Парадоксально, но уже не в первый раз в истории армии гибнут ради того, чтобы вражеские солдаты не топтали священную землю отчизны. Но политики, а не военные, запросили перемирия. Армия еще готова была сопротивляться, пусть и в течение всего нескольких недель. Звездные иерархи вышли на сцену во всем белом. Они смогли убедительно доказать угрозу революционных событий. Фронт так и не был прорван союзниками. Рухнул именно тыл. Родился миф об ударе кинжалом в спину... Он продолжил отравлять политическую жизнь Германии в течение последовавших двадцати пяти лет, тем более что внешне все говорило в его пользу.

В Штутгарте все думали примерно так же. Последние месяцы 1918 года стали кошмарным сном. В начале октября все уже заговорили о мире. Умеренность стала уже не модной. В своих записках Дули отметила: «После стольких лет траура, после такого количества пролитой крови мир станет позором». Клаус был потрясен. Он рыдал. Однажды вечером он заявил: «Моя Германия не может умереть, и пусть она даже погибнет, но она возродится еще более великой и прекрасной. Бог существует. Он этого не допустит».

Королевству Вюртемберг суждено было пасть вместе с остальной Германией. Вильгельм II не верил в то, что оно смогло бы уцелеть. В обстановке всеобщей катастрофы его единственной заботой было избежать кровопролития. Он решил, что история сделала крутой поворот, что время монархий прошло. 2 ноября, несмотря на гнев Альфреда, он отказался последовать совету своих адъютантов установить пулеметы в окнах дворца, чтобы не допустить в него революционеров. Из старого замка Штауффенбергам было все прекрасно видно. «Перед дворцом, – написала графиня фон Штауффенберг, – слышался сильный шум, словно рычание. Толпа редела, раздавались гневные речи». 8 ноября генерал-губернатор дал понять, что не может больше отвечать за поведение своих войск. 9 ноября комитеты рабочих и солдат во главе с красногвардейцами штурмом взяли дворец. Король незадолго до этого объявил о созыве конституционной ассамблеи для того, чтобы «на фоне глубокого отчаяния перед угрозой голода и иностранной оккупации наш народ смог быть защищен и высказался по поводу желаемой им формы правления». Напрасный труд. Под окнами старого замка шатались опьяневшие от злости женщины с растрепанными волосами, расхристанные мужчины, размахивавшие красными флагами или черными знаменами анархистов, солдаты в рваных мундирах с оружием в руках. Королевская гвардия сложила оружие безо всякой попытки оказать сопротивление. Сановники разбежались в поисках убежища. В 11 часов над дворцом был водружен красный флаг. Флаг королевства Вюртембергского, «золотой фон с тремя полуветвями в венке», канул в Лету. Чернь заполнила коридоры дворца. В нем оставались только самые преданные люди, в первых рядах которых был Альфред. Будучи до конца предан своему господину, он при поддержке придворного врача и канцлера фон Нейрата смог помешать разъяренным людям трогать короля. В обстановке, ставшей еще истеричнее из-за отчаянно вывших гудков заводов и из-за начавшейся всеобщей стачки, звонков трамваев, которые не могли проехать по забитым народом улицам, королю все же удалось покинуть дворец на двух больших каретах. До трагедии, которая случилась в доме Ипатьева, дело пока не дошло. Но кортеж был осыпан оскорблениями и плевками. Несколько близких королю людей сопровождали его в изгнание. Среди них был и обер-гофмейстер граф фон Штауффенберг. Свиту короля составляли также первый адъютант майор фон Ром и военный министр генерал фон Гравениц. Было видно, как подлинной седой бороде монарха текли слезы. Он вел себя очень благородно. Просто сказал: «Я не сержусь, но обидно уезжать таким вот образом, когда вся армия меня предала». Ночью экипаж въехал в ворота замка Бебенсхаузен. Король был спасен. Как позже сказал наследный принц, «обер-гофмейстер был единственным, кто не потерял голову в эти минуты страданий. Он был самым надежным».

Клаус от всего этого пришел в отчаяние. Он не понимал, почему власть сдалась черни без борьбы. 15 ноября он отказался от празднования своего дня рождения. Когда все кругом

рушилось, он не хотел ничего праздновать. А матери сказал, что это был «самый грустный в его жизни день рождения». Ему было всего 11 лет. Он только что увидел конец мира. Но это было только начало.

Красная опасность

На глазах убитого горем сына Альфред развил бурную деятельность. Он получил неограниченные полномочия от Вильгельма II на проведение переговоров с Вюртембергской республикой по поводу отречения короля. Тот согласился отказаться от трона и своих имений в Штутгарте и Людвигсбурге при условии, что его супруге будет выплачиваться рента в 100 000 марок, что ему оставят его личное состояние и что земли дворянства не будут экспроприированы. У нового правительства голова была занята другим, и ему не хотелось озлоблять крестьян, которые по большей части были арендаторами крупных аристократических поместий и которым не понравилось бы, чтобы их хозяев, к которым они уже привыкли, сменили новые владельцы. Граф фон Штауффенберг очень умело провел эти переговоры. 30 ноября дело было сделано. Король официально отказался от трона, сохранил свое имущество, аристократия тоже ничего не потеряла. Они просто стали подчиняться общему праву, отказавшись от привилегированного положения.

Эти события не могли скрыть растущего страха имущего класса. В Берлине власть находилась в руках реформаторов из СПГ во главе с Фридрихом Эбертом. Совет народных комиссаров назначил выборы в Учредительное собрание на 19 января. Эберт хотел основать правовое государство, *рехтсштат*, а вовсе не социалистическую республику. Придерживаясь марксистских взглядов, он отнюдь не верил в светлое будущее и не желал кровавых разборок. Но так думали далеко не все. Левое крыло СПГ составляли независимые социалисты из НСПГ, а также спартаковцы, руководимые Карлом Либкнехтом и Розой Люксембург. Они опасались того, что у них украдут их победу. В конце декабря революционные матросы из *Фольксмарине* (народный флот) отказались покинуть королевский замок и конюшни в Берлине. Хуже того, они там закрепились, а также заняли общественные здания, управление полиции, радио. 6 января восстание спартаковцев достигло своего апогея. Вопрос стоял ни более ни менее, сообщал печатный орган этого движения газета «*Красное знамя*», как о «передаче всей власти советам рабочих и солдат, которые каждые три месяца будут переизбирать своих депутатов в центральный комитет». Остаткам старой императорской армии с помощью добровольцев удалось подавить революцию. Кровь была пролита обеими сторонами. С пленных офицеров срывали обмундирование, их линчевали перед Брандебургскими воротами. Со своей стороны, и силы правопорядка потеряли контроль над собой. 15 января 1919 года Роза Люксембург и Карл Либкнехт были убиты. В Берлине был восстановлен порядок. Но какой ценой? Ценой десятков погибших! Ценой зарождения дикой взаимной ненависти между социал-демократами и коммунистами, которые стали называть своих политических оппонентов «социал-предателями». Этой ненависти суждено было иметь очень тяжелые последствия! Что же касалось большинства населения, то у людей остался стойкий страх перед большевистской угрозой, замешанный на чувстве антисемитизма в связи с тем, что многие из бунтарей были евреями. Тревога была тем более сильна, что, казалось, добрая половина Германии была охвачена огнем. В Дюссельдорфе была разоружена полиция, в Бремене Совет рабочих и солдат провозгласил Социалистическую республику, в Гамбурге деловые кварталы города подверглись грабежу, бургомистр Дюссельдорфа был взят под стражу, в земле Рейн-Вестфалия было объявлено о национализации шахт, в Вильгальмсхавене восстали военные моряки.

Отголоски событий в Берлине и происшествий в провинциях доносились до Штутгарта довольно быстро. Все были охвачены страхом. Хотя говорить о спартаковском восстании в Вюртемберге не приходилось, но тем не менее волнения там усиливались. В январе 1919 года Каролина фон Штауффенберг тщательно отметила в своих воспоминаниях: перестрелки на улицах, всеобщая забастовка, отключения электричества. Печатные станки издательств газет контролировались агитаторами. Буржуазная пресса прекратила свое существование. Дули рассказала о «туманных ночах, наполненных выстрелами и короткими командами». Она добавила к этому, что неразумно было «выходить в город прилично одетыми». В конце января

семья решила уехать в деревню из опасения ухудшения обстановки в городе.

Тревожно было и в Баварии, где находилось одно из имений семьи Штауффенберг. Курт Айснер, глава временного революционного правительства спартаковской направленности, произносил все больше зажигательных речей. 21 февраля он был убит графом Арко-Цинбергом, опасавшимся большевизации старого католического консервативного государства. Это стало катализатором усиления боевых действий. Ландтаг не смог собраться на заседание. Рабоче-крестьянский совет объявил об учреждении диктатуры пролетариата, о вооружении советов, о введении цензуры и о захвате пятидесяти заложников. В их число попал дальний родственник Клеменс фон Штауффенберг. Бавария была охвачена ужасом. Каролина написала: «Наступило время избиения аристократов». Так и оставшийся сорвиголовой, дядя Нукс присутствовал на нескольких митингах спартаковцев. Он рассказал о них ужасные вещи: «Гнев пролетариата кажется огромным. Это – опустошительная волна, которая сметет все». Однажды, поскольку его заметили, ему пришлось бежать. 7 апреля была образована Баварская советская республика. Она объявила об отделении от рейха. Законное баварское правительство скрылось в Бамберге. Вместе с армией и добровольческим корпусом «Оберланд» оно направилось в Мюнхен. Его поддержала вся крестьянская Бавария. Спустя несколько дней город был освобожден. Но заложников успели расстрелять. Кровь рода Штауффенбергов окропила алтарь революции. Кровь пролилась и в других местах. С 3 по 8 марта в Берлине прошла «кровавая неделя». По приказу социал-демократа министра внутренних дел Ношке порядок был опять восстановлен, но ценой жизни 1200 человек. Добровольцы преследовали революционеров даже в бедном районе Александерплатц.

Если мы хотим понять брожение в умах и политику тех лет, стоит обратиться к писателям. Перечтем книгу «Проклятые» Эрнста фон Саломона. Его герой, бывший кадет императорской армии, пережил все события тех времен, страх перед коммунистами, жажду действий, участвовал в боях на стороне добровольческого корпуса, занимался преступной деятельностью в организации «Консул» и прошел через застенки. Какой бы ни была жизнь автора, его роман достоин прочтения, потому что в нем показана растерянность поколения, в котором смешивались отчаяние и культ насилия. Вот так он описал рабочие манифестации: «Позади знамени плелась некая беспорядочная масса усталых людей. Женщины, путаясь в широких юбках, шли в первых рядах; касалось, что голод избородил их серые лица. На головах их были темные платки, они дрожащими голосами пели какой-то марш, который никоим образом не соответствовал их тяжелой нетвердой походке. За ними шли мужчины всех возрастов, солдаты, рабочие, а также большое число представителей мелкой буржуазии. На их лицах читалась угрюмая решительность и ничего более [...]. Некоторые из них несли кастрюли в качестве солдатских котелков, а позади вымокшего на дожде красного знамени над этим шествием виделись полусферы зонтов». Зонты победили сабли. Эта сцена была тем более поразительной, что через несколько страниц после этого Саломон рассказывает о кошмарной охоте на погоны, жертвой которой стал он сам. Толпа бросалась на любого, кто более или менее походил на офицера старой империи. Его оскорбляли, били, оплевывали только за то, что он не захотел снять мундир.

В заключение Саломон констатирует: «В нас жила одна уверенность в том, что этот мир, при рождении которого я присутствовал и который я не принял и не одобрил, должен был неизбежно и окончательно рухнуть и больше никогда не появляться на свет».

Пусть личный опыт юного Клауса бы значительно менее жестоким, чем опыт автора книги «Проклятые», но он смутно все это ощущал на себе. Неудовлетворенность пожертвованного поколения так и сочилась отовсюду. Он видел офицеров, обманутых в их геройских поступках и ставших теперь безработными, высокопоставленных государственных служащих, изгнанных из их кабинетов, и потрясенных развитием событий родителей. Он принадлежал к семейству, которое служило королям и императорам, которое всегда считало, что дворянское достоинство предполагало службу и славу. Это, совершенно очевидно, и считалось властью. Она должна была принадлежать людям, которых провидение сделало своими избранниками. А тут на его глазах Германия разваливалась. В 1919 году социалист Эберт был избран президентом республики. Бывший портной сел в кресло, в котором сидели Гогенштауфены, Габсбурги, Гогенцоллерны. Это было немыслимо! А какая-то работница стала первой дамой республики.

Это не укладывалось в голове. Альфред фон Штауффенберг не скрывал своего отчаяния: «Нынешнее правительство – это сборище проходимцев. На государственной службе нет больше ни одного достойного человека». А Клаус сказал своей матери: «Мне бы хотелось поскорее оказаться в вечности рядом с Богом. Мы живем в такое ужасное время». Ему было всего двенадцать лет. Для того чтобы понять его последующую жизнь, не стоит забывать, что он пережил в 1918 и 1919 годах.

Взросление в условиях Версальского мира

Жизнь, в конце концов, продолжилась. Несмотря на беспорядки в Баварии, где случился путч Каппа, режим начал постепенно стабилизироваться. 19 августа была провозглашена Веймарская республика. Разношерстная коалиция социалистов-реформаторов из СПГ, либералов и католиков-центристов худо-бедно руководила государственными делами. Нестабильность правительства стала нормой. Парламент регулярно распускался. Однако временное большинство в нем позволяло государственным делам кое-как идти своим ходом.

Самым главным событием был навязанный союзниками Версальский договор, знаменитый «диктат». Базируясь на идеализме Вильсона, желании обеспечить экономическое господство Великобритании и стремлении Франции заставить побежденного заплатить за пролитую кровь, западные переговорщики не знали пощады. Все кружилось вокруг статьи 232 договора, которая определяла Германию единственным виновником войны. Это было определением ответственности за разжигание войны, и эта тема постоянно присутствовала в политической жизни за Рейном. Это и определило суровость условий заключения мира: выплату огромной контрибуции, размер которой должен был быть определен позднее, возвращение Франции Эльзаса и Лотарингии, возвращение Бельгии округов Эйпен и Мальмеди, передача управления Саарским районом на 15 лет Лиге Наций, оккупацию левого берега Рейна в течение 15 лет, передачу Польше округа Познань, Восточной Пруссии и Данцигского коридора, что разрывало территорию рейха, проведение плебисцита для определения статуса земель Шлезвиг и Верхней Силезии. Рейхсверу запрещалось иметь в своем составе более 100 000 человек, танки, самолеты и подводные лодки, то есть армия должна быть совершенно небоеспособной. Эти положения, усиленные дезорганизацией, волнениями гражданского населения и тяжестью репараций – 5 миллиардов золотых марок надо было выплатить только в 1920 и 1921 годах, – неизбежно привели страну к глубочайшему экономическому кризису. Марка обесценивалась с каждым днем. В июле 1922 года один доллар стоил 450 марок, а в декабре уже 8000 марок. Но самое худшее было еще впереди. Обнищание затронуло все слои общества, за исключением крупной буржуазии, которая воспользовалась инфляцией, чтобы нажиться на своих инвестициях. В период брожения умов этот класс, столь великолепно описанный Вики Баум в романе «Гранд-отель», начал становиться объектом всеобщего неприятия и недовольства. Это было время осуждения спекулянтов.

Как ни покажется странным, но семейство Штауффенберг, казалось, не сильно страдало от кризиса. Почти все их богатство составляла земля, и это обеспечило им относительную защиту. Даже в самые трудные времена людям надо что-то есть. Гораздо больше они страдали от оскорбления, нанесенного национальному самолюбию. В сентябре 1919 года семья вернулась в Штутгарт. Альфред стал председателем фонда по управлению имуществом королевской семьи Вюртембергов. Этот пост он занимал до выхода на пенсию в 1928 году. Он с семьей поселился в просторной квартире в доме 18 по улице Егерштрассе, в некотором отдалении от центра города, вдали от его беспорядков и волнений.

В письмах и записках Каролины довольно мало упоминаний об экономическом кризисе, хотя он был основным предметом заботы юной Веймарской республики. Детей, казалось, вообще не интересовала эта тема. Только Клаус один раз коснулся ее в 1920 году в детском журнале, который он решил основать совместно с братьями. Журнал назвали «Гермес», он, естественно, выдержал только первый номер. Написанная им статья была посвящена теме «Безработица – главная опасность процветанию немецкой нации». Вот и все, совсем немного. Экономика наводила на них скуку.

Куда больше их интересовали интеллектуальные приключения. Сразу же после окончания

уроков в лицее Эберхард-Людвиг, где они учились на «отлично», дети искали спасение в книгах. Квартира на Егерштрассе и замок Лаутлинген были похожи на жужжащий рой, где читали книги, строили планы, размышляли, декларировали стихи. Младший по возрасту, Клаус принимал активное участие во всех разговорах. На этом кипении мыслей стоит остановиться более подробно, поскольку это позволяет понять мировоззрение членов семьи Штауффенберг.

Каждый из них положил свой камень в фундамент семейного здания. Дули находилась в постоянной переписке с Райнером Марией Рильке. В служении этому немецкому певцу, прославлявшему искусство ради искусства, глубоко спиритическому, полностью ушедшему в себя, далекому от компромиссов в действии, Каролина создала вокруг себя некий мирок, где только слово становится поступком. Когда люди воспевают то, что «свершиться сможешь ты лишь в людях, в ангелах, в мадоннах»¹³, когда они отказываются от поступков, от взаимности в пользу лишь одних внутренних мечтаний, считая, что «любимой быть – в огне сгорать. Любить – навеки пламя излучать [...]. Любимой быть – смиренно умереть. Любить – жить вечно и гореть»¹⁴, это есть определенный прием отказа от мира и означает, что люди желают полностью предаться мечтаниям и уйти в иные миры.

Александр, Бертольд и Клаус, каждый на свой манер, примкнули к этой литературной аполитичности, свободной от установившихся догм и идеологических взглядов. Александр отошел от католической веры. Он предпочел довольно расплывчатый пантеизм единению в великом всем. Начиная с 1923 года он перестал причащаться, потому что больше уже не верил в реальное присутствие Господа. Бертольд присоединился к нему в чистом агностицизме, оставаясь в восхищении от движений души, рейнских мистиков, учителя Эккерта или святого Франциска Ассизского. Все увлекались немецким романтизмом, Хелдерлином, Новалисом, Хайнрихом фон Клейстом... Этих авторов объединяло то, что они проповедовали мечтательность, музыку, поэзию. Новалис считал, что «поэзия – это свидетельство и поступок». Жан Поль¹⁵ был явно очарован магией звуков, когда писал: «О, музыка, эхо из другого мира, вздох ангела, который находится внутри нас, когда слово теряет свою силу, только ты являешься нашим голосом, которым люди зовут нас из своих застенков, только ты можешь покончить с их одиночеством и объединить все вздохи, которые они испускают в изоляции». Тем не менее надо помнить о том, что при этом сей романтизм исповедовал национализм, а это было тем более опасно, что он пропагандировался известными авторами. Достаточно лишь перечест последние поэмы Хелдерлина. Направление мысли понять легко.

Читатель начинает испытывать головокружение от красоты языка. Как автор молебнов Иоганн Георг Харманн в XVIII веке, человек начинает полагать, что «язык – это святое, потому что он принадлежит каждому в отдельности, а национальный язык принадлежит всему народу». Поскольку все имеют один язык и одну родину, то устами поэта-романтика Людвиг Тика провозглашается, что «родина для нас является первым из достояний, нашим верховным достоянием». Если к этому добавить антирационализм Хердера и идеализм Фихте с понятием «народного разума», пронизывающее его «Обращение к немецкой нации», то очень скоро можно подойти к понятию «единство народа», отмечающее все другие народы. Именно этими соображениями и был наполнен начиная с 1852 года антисемитский бред Вагнера.

Хотя Клаусу было всего 14 лет, но он уже написал своему кузену Францу фон Юксюлю: «Сейчас у меня один лишь бог. Это – Хелдерлин». Он кажется большим реалистом, чем его братья. Его страстью стала архитектура, древние германские монументы, сады. Он с наслаждением окунулся в «Принципы архитектуры» Пауля Клопфера. Эту книгу подарила ему сама королева Вюртембергская. В это потерянное время он думает над тем, как украсить Лаутлинген, и даже составляет проекты этих работ. Он также подстегивает братьев, стараясь вывести их из состояния мечтательности. Они с друзьями организовали небольшую

---

13 См. «Часослов».

14 См. «Мальтийские тетради».

15 Настоящее имя: Иоганн Пауль Фридрих Рихтер. – Прим. пер.

театральную труппу. Возможно, в этом был знак: в репертуаре этой труппы очень скоро стала читаться тема самопожертвования и убийства тиранов, будь то пьеса «Эмпедокл» Хелдерлина или «Юлий Цезарь» Шекспира. Александр играл в ней Брута, Клаус – Лукуса.

В то же время он продолжал оставаться юношей своего возраста. Став скаутом, он числился в одном отряде с братьями. Они обожали походы в лес, игры при свете луны, походные костры, у которых рассказывались легенды древней Германии, пелись песни ландскнехтов, тех самых ландскнехтов, что «бились за новый имперский порядок» под знаменами разных кондотьеров.

11 января 1923 года время безмятежной юности закончилось. В их жизнь беспощадным вихрем ворвалась суровая реальность. Поскольку Германия прекратила поставки угля во Францию, Раймон Пуанкаре решил оккупировать Рур. Протестуя против этого, Штрейземен, канцлер рейха, призвал к всеобщей забастовке и пассивному сопротивлению. Это было время унижения, колониальные войска издевались над немецким населением. Начались нападения на французских оккупантов, вызванные в ответ репрессии. Появились мученики, как Лео Шлагетер, которого французские военные расстреляли за приведение в негодность железнодорожного пути.

Дети Штауффенбергов вышли из своего эстетического отупения. Они были патриотами. Теперь они стали националистами, смутно понимая это, но испытывая жажду деятельности. Поставленный перед свершившимся фактом, главнокомандующий вооруженными силами генерал фон Зеэкт решил, что не может больше обходиться 100 000 военнослужащих. Он организовал тогда фантомную армию «Черный рейхсвер», благодаря ускоренному обучению резервистов, которые оставались на службе всего по несколько месяцев. Союзники все это видели, но молчали.

Александр и Бертольд решили пройти подготовку курсантов. Бертольд прервал для этого изучение права, Александр – истории искусства. Причины, заставившие их сделать это, были понятными. Александр написал: «При таком развитии событий мы все должны быть на своих местах, поскольку все это закончится ужасным образом». Бертольд от него не отставал: «Думать о будущем не имеет смысла. Все закончится диким хаосом. А если это закончится по-другому, нас ждет наихудший вариант американизма. Во всяком случае, хорошо, что мы отправляемся в Людвигсбург – училище начальной военной подготовки. Кто знает, сколько еще пройдет времени до того, как это нам понадобится». Бертольд не был принят по состоянию здоровья. Александр прослужил три месяца в престижном 17-м кавалерийском полку в Бамберге, где традиционно проходили службу отпрыски самых титулованных католических семей голубой крови.

Для Клауса это было временем одиночества. После прибытия Александра из училища близнецы вернулись к учебе в университетах Гейдельберга и Йены. Кроме того, они начали набираться основополагающего духовного опыта, присоединившись к кружку поэта Штефана Георге, одного из лидеров эстетического фундаментализма. Мы часто будем возвращаться к этому кружку учеников Георге, потому что многие историки усмотрели в нем корни попытки государственного переворота 20 июля. А пока запомним то, что старшие братья были покорены, что Клаус с нетерпением ждал того момента, когда он сможет присоединиться к великим временам поэзии. А также то, что он с религиозным почтением читал книги этого великого человека – «Седьмое кольцо» или «Звезда союза». На золотистых обложках уже стояла свастика.

В 1923 году повседневная жизнь была менее бурной. После оккупации французами Рура вновь начались волнения. На улицах стали маршировать люди в коричневых рубашках со свастикой на рукавах. Забавный человечек – прибывший из Австрии болтун с плебейским акцентом, некто по имени Адольф Гитлер – даже попытался произвести в Баварии государственный переворот, потерпевший неудачу, несмотря на поддержку генерала Людендорфа. Его партия национал-социалистов в Вюртемберге была практически никому не известна. Зато существовало множество других партий и течений. Германские националисты носили повязки с цветами бывшей империи (черно-бело-красный), прогрессисты – цвета Веймарской республики (черно-желто-красный), коммунисты из ГКП обожали флаг славного Советского Союза. В стенах лицея Людвиг-Эберхарда все было относительно спокойно. Но за

его стенами все было наоборот. Случались драки. Ученики «Красного фронта» частенько подкарауливали «буржуйских детей», чтобы разделаться с ними. Обстановка все более накалялась. Лицей однозначно выразил свою политическую принадлежность путем символики. До самого 1933 года он оставался украшенным императорскими цветами, а 18 января там продолжали отмечать юбилей свергнутой монархии с такой же энергичностью, с какой ругали Версальский договор.

По словам одноклассников Клауса, он не проявлял при этом большой политической ангажированности. Он был юношей мягким, мечтательным, увлеченным искусствами. Он активно участвовал в подготовке выставки репродукций произведений современного искусства, которая была организована преподавателями лицея. Несмотря на то что консервативные круги с отвращением глядели на композиции «Мост» или «Голубой всадник» таких мастеров, как Отто Дикс, Эмиль Нольде или Эрнст Макке, на их искаженные формы, они казались Клаусу зеркалом разрушенного мира. Земля его не удовлетворяла. Он мечтал о небе, о мире порядка, где у каждого есть свое место в излишней разумности. Один из его одноклассников после войны вспоминал, что Клаус постоянно говорил о своей бессмертной душе, что он хотел достичь «могущества», хотя никто точно не знал, было ли понятие души христианским или языческим, а могущество – временным или духовным.

В любом случае, у него начали формироваться политические взгляды. В одном из школьных сочинений, написанных им в 1923 году, ему надо было прокомментировать выражение Шиллера «Свобода, порядок, единство». В нем он процитировал основных писателей движения, которое потом назвали «консервативной революцией»¹⁶. Он упомянул о двух работах Освальда Шпенглера – «Закат Запада» и «Пруссачество и социализм». Из этих работ он извлек пока еще упрощенные, но достаточно ясные выводы. Для того чтобы выжить, Германия должна создать сильное национальное государство, не подверженное ни экономической конкуренции, ни социальной нищете, нечто вроде третьего пути между марксизмом и либерализмом. «Свобода принадлежит нации, – написал он, – нации, в которой индивидуум растворяется, чтобы духовно самореализоваться». Он восхвалял единство народа, в котором должны раствориться личные устремления. Он хотел разумных вождей, аристократии таланта, где благородство по рождению уже означает достоинство. Он явный противник либерализма, капитализма и демократии. Ключевыми словами являются «закон и порядок». Его идеал – классовое государство. Самым примечательным является то, что, несмотря на выдержанность в тоне «народности»¹⁷, в его сочинении нет ни единого намека на антисемитизм.

Антисемитизм был чумой, поражающей все больше и больше умы немцев. Древний христианский антисемитизм «еврей-христопродавец» дополнялся экономическим и расовым антисемитизмом. Достаточно привести несколько примеров: справа были малопонятный Ницше, Гобино со своим «Эссе о неравенстве человеческих рас», Хьюстон Стюарт Чемберлен, зять Вагнера, с выпущенной десятками тысяч экземпляров книгой «Основы XX века», воспевавший нордическую расу и утверждавший, что Иисус, как и царь Давид, был арией, что это святой Павел приписал христианство евреям, и что посему следовало придать вере перворожденную чистоту. Слева были Маркс с работой «Еврейский вопрос» и социалистический лидер Дюринг, для которого «еврейский вопрос, как вопрос религиозный, принадлежит прошлому. В качестве расового вопроса он приобретает громадное значение для настоящего и будущего». Добавим сюда экономические трудности 20-х годов прошлого столетия и наплыв в страну сотен «восточных евреев», евреев, изгнанных из Польши, не сумевших интегрироваться, на которых население показывало пальцем. Теперь картина

---

¹⁶ Это было не движение, а разнородный набор мыслителей, придерживавшихся взглядов ярого национализма, глубокого исторического пессимизма, желания порвать как с экономическим либерализмом, так и с социализмом, прославлявших культ власти и военных ценностей. Основными лидерами там были Эрнст Юнгер, Освальд Шпенглер и Артур Меллер Ван ден Брук.

¹⁷ Данное понятие «народности» трудно перевести. Оно использовалось националистами для прославления всего немецкого, соответствовавшего народному разуму, и противопоставлялось всему «ненемецкому», иностранному. Оно связано с понятием единства нации, возведенного в высшую степень.

завершена.

Семейство Штауффенберг явно сопротивлялось этому чумному вихрю. Многие ученики-евреи посещали лицей. Кое-кого удалось позднее найти. Один из них, Эдуард Ловинский, став профессором Чикагского университета, вспомнил о том, что молодой Штауффенберг был прекрасным школьным товарищем. О, вовсе не от него ему приходилось страдать, а от своих же собратьев по религии, немецких евреев, отказавших ему в праве вступления в «Бунд Камерад» только потому, что он был «ост-юде», «восточным евреем». Другого одноклассника, восточного еврея Лотара Бауэра, Клаус регулярно приглашал на чай в квартиру на Егерштрассе. А вот с еще одним одноклассником-евреем произошла интересная история. Его звали Лотар Бах, и он был сыном почтенного семейства из Франкфурта, близким другом Клауса. Услышав о попытке государственного переворота, он сразу же вспомнил, что его постоянно приглашали на дни рождения друга, хотя «многие одноклассники-христиане не были приглашены. Я очень этим гордился». В 1936 году Лотар Бах вступил в движение сионистов и уехал в Палестину. Там он стал активным членом «Хагана», подпольной еврейской военизированной организации, которая боролась против британских оккупантов.

В 1923 году Клаус сказал, что не был антисемитом. Его преподаватель религии Артур Гутман заявил, что свастика была символом антисемитизма. Клаус возмутился: «Я вовсе не антисемит, но мне нравится свастика, она – символ Древнего Египта». Да, это было трагической двусмысленностью толкования символов. Штефан Георге, недавно открытый им наставник, тоже попался на эту удочку и разрешил поместить свастику на обложках своих работ.

Одно из сочинений, датированных 24 января 1923 года, позволяет проникнуть в мир мыслей и мечтаний Клауса. Оно показывает высоту его мировоззрения, врожденное благородство, патриотизм, который нельзя исключить, а также несколько расплывчатый идеализм. Сочинение называлось «Кем ты хочешь стать?». Оно заслуживает того, чтобы процитировать длинные отрывки из него: «Для всех, кто предан родине и новому рейху, есть лишь одна достойная профессия, которую показали нам древние греки и древние римляне и которая сделает нас рыцарями в самом возвышенном понимании этого слова: быть и стать достойными участниками битвы за родину, а затем принести себя в жертву ради народа, в битве, которой от нас ждут. Вести праведную жизнь, полную борьбы [...]. Каждый может, независимо от его профессии, достойно служить своей родине. Для этого следует отдать все силы и уделить все свое внимание освоению выбранной профессии и проявить свою мощь в избранной форме. Я хочу строить, стать архитектором [...]. Я считаю, что это так прекрасно – расставлять все по местам, вносить порядок, смысл и разум в абстрактные формы [...]. Одним словом, удовольствие я нахожу в том, чтобы строить здание камень за камнем. Я хочу вложить свой разум в строительство, но подчинив его немецким принципам для того, чтобы каждое возведенное мною здание становилось чем-то вроде храма, посвященного немецкому народу и родине. Одновременно, ради того чтобы лучше познать мой народ и другие культуры, чтобы путь мой был более ясен, мне бы хотелось также изучить и историю [...]. Таковы мои сегодняшние желания. Они могут измениться, но главное состоит в том, чтобы начать движение по выбранному пути с открытыми глазами, ясно и радостно, чтобы смело достичь поставленной перед собой цели». Служба, искусство и родина – вот триптих молодого человека, которым стал Клаус, граф Шенк фон Штауффенберг.

Вскоре ему суждено было окончить лицей и войти в два круга, которые определили его жизнь: вначале умом он присоединился к кружку поэта Штефана Георге, а чуть позже вошел в круг действия – поступил на военную службу. Рейхсвер заменил ему архитектуру. Но в любом случае, речь опять шла о том, чтобы служить.

Юноша, перо и шпага

Вырасти, повзрослеть, служить – вот цель, которую поставил перед собой Клаус, став юношей. Но путь оказался трудным. В период между 1924 и 1926 годами появились грозные тучи. Братья были далеко. Друзей у него было мало. Отец осуждал новые времена. Мать пряталась за словами. Он чувствовал себя покинутым, одиноким, как может чувствовать только

запоздалый подросток. К тому же он постоянно болел. У него были слабые легкие. Врачи определили у него туберкулез. Частые мигрени вынуждали его нередко проводить время в постели. Возбужденный, нервный, полный фантазий, брызжащий нерастратченной энергией, он довел себя до болей в желудке, едва не нажив язву. Лицей он покинул. После многих недель отсутствия ему уже не хотелось возвращаться к одноклассникам. Они казались ему слишком заторможенными, слишком грубыми, слишком приземленными, слишком далекими от его высоких мечтаний. Однако, чтобы иметь возможность сделать приличную карьеру, надо было получить степень бакалавра. Он решил сдать экзамены экстерном. Начиная с 1924 года он уже знал, что сможет это сделать. Он намного превосходил знаниями других, и это чувство превосходства осталось у него навсегда. Но администрация лицея была другого мнения. Пусть он ходит на занятия, как и все остальные! Ему пришлось повоевать, прибегнуть к помощи высокопоставленных знакомых. Наконец, в 1925 году, нужное разрешение было получено. И вот 5 марта 1926 года он уже стал обладателем бесценного сезама при исключительно высоких оценках: «отлично» по французскому, истории, географии, немецкой литературе, «хорошо» по философии, греческому языку, естественным наукам. Он оказался прав. И правильно оценил себя.

К счастью, во время этих двух лет неприятностей у него было утешение, с лихвой их окупившее: его увлечение поэтом Штефаном Георге, с которым уже виделись его братья и с которым ему удалось лично встретиться в году и иметь более продолжительную беседу зимой года. Слова, которые он употребил, говоря о своем «учителе», не оставляют никакого сомнения в огромной важности для него этой встречи. Одному из приятелей, бывшему членом организации «*Перелетные птицы*», объединявшей христианскую молодежь, пригласившему его войти в эту организацию, чтобы служить евангельским ценностям, Клаус ответил: «Я следую не за идеями, а за людьми». При этом он имел в виду конкретного человека, своего поэта и волшебника. В одном из писем Штефану Георге, датированном октябрём 1924 года, он излил все свое духовное преклонение: «Учитель... [...]. Чем более жизнь предстает перед моим взором, чем больше гуманность открывается передо мной, тем более срочным мне кажется действие, тем более темной мне кажется моя кровь, тем более далеким слышится мне звук моего голоса, тем более странным видится мне смысл моей жизни, тем глубже я чувствую, как меня потрясают ваши глубокие чувства и величие ваших прекрасных проявлений».

Восхищение было столь большим, что некоторые историки увидели в нем ключ ко всей последующей жизни Клауса. Одна из работ под названием «*Неизвестная Германия: Штефан Георге и братья Штауффенберг*»¹⁸ представляет поэта вдохновителем событий 20 июля, хотя тот умер за десять с лишним лет до этого. Не желая углубляться в интеллектуальный детерминизм, полагаем, что есть смысл более подробно остановиться на этой любопытной личности. Его появление в жизни юного Штауффенберга действительно стало поворотной вехой, чем-то вроде экзистенциального возрождения.

Штефан Георге: поэт, волшебник или гуру?

Во Франции есть понятие «великий писатель»¹⁹, в Германии – «великий поэт». Георге был явно одним из них. Национальное самосознание сплотилось вокруг поэтов, которых считали пророками нации: Гете, Шиллер, Хелдерлин, Клейст и пр. «Страна поэтов и мыслителей», – написала мадам де Сталь в своем произведении «*О Германии*». Достаточно забытый в наши дни, Штефан Георге был явным наследником классиков. Он даже чувствовал себя Наследником. «Я – голос Хелдерлина в нашем веке», – написал в журнале «*Записки об искусстве*», который он издавал с 1912 года.

Как в Германии, так и за ее пределами он вызывал к себе непонятный сегодня интерес. Хотя его личная жизнь остается тайной, многие старались сделать его «звездой». Ежедневная

---

¹⁸ Манфред Ридель. «Неизвестная Германия: Штефан Георге и братья Штауффенберг», 2006.

¹⁹ Образ этот подробно описан в «Местах памяти» Симона Нора.

газета «*Дойче тагесцайтунг*», одно из крупнейших изданий Веймарской республики, написала в своем номере от 11 июля 1928 года: «Дух Георге снова заставляет струиться уснувшие источники, он отыскивает забытые сокровища, оживляет блеск лучей солнца, древняя земля вновь источает свои ароматы, жертвы и камни поднимаются к небесам, возрождается волнение, оно снова чувствуется людьми, отмечаются праздники и горят огни, плетутся венки, зажигаются факелы, рынок отделяется от святого порога, все это происходит внутри людей, и это очень символично...» Журнал «*Литература*», представлявший в те годы в Германии нечто вроде объединенных «НФЖ» и «*Журнал двух миров*», пошел еще дальше: «Прочитайте восхитительные строки "*Стихов времен*" и "*Расплат*" из сборника "*Седьмое кольцо*", и вы поймете, против кого направлены эти беспощадные выпады. Они были направлены против общества, потерявшего всякую совесть, погрязшего в самом постыдном материализме, растерявшего самое лучшее из того, что у нас есть: кровь. Эти "*Стихи времен*" безжалостно отбрасывают все, что устарело. Они открывают всю полноту ненависти, наполняющей великого революционера Георге, и именно в них полностью проявляется глубина задачи, которая управляет его судьбой. Тут речь больше не идет об искусстве и поэзии, он касается более высоких ценностей человека, а эта война ведется с помощью оружия, которое пророк выковал сам: священного, очищенного, поэтического и пророческого слова».

Франция не отставала. В ноябре 1928 года ему был посвящен целый номер «*Немецкого обозрения*», в совет директоров которого входили такие знаменитости, как Жан Жироду, Леви-Брюль, Томас Манн и Жюль Ромэн. Тон оставался прежним. Андре Жид разразился восторженным письмом. Шарль Дю Бо написал хвалебную статью на двадцати страницах. Другой сотрудник накропал статью, заканчивавшуюся такими словами: «Наша вера в будущее рождена доверием, которое объединяет нас с тремя святыми: Гете, Хелдерлином и Георге, нашей верой в рождение классической немецкой культуры, в появление классической немецкой нации путем становления религии классического искусства.»

Кем же был этот могучий человек, способный вызвать такой порыв? Он родился в 1866 году и впервые прославился в качестве основного переводчика французской поэзии на немецкий язык. Он бывал в Париже, перевел Маларме, участвовал в поэтических четвергах. Его законом стал символизм, его девизом – искусство во имя искусства, его Граалем – магия слова. В своих сборниках поэм, «*Гимны*», «*Странствия*», «*Альбагаль*», он воздал должное своим французским учителям:

ВИЛЛЬЕ, что был довольно горд для трона,
ВЕРЛЕН, ребенок покаянный или грешник,
И ты, покрытый кровью воин мысли МАЛАРМЕ.

Начиная с 1903 года источник его вдохновения коренным образом изменился. Он был охвачен платонической страстью к некоему Максимилину, трагически ушедшему из жизни в 1904 году. Этого молодого человека он возвел в ранг божества, святого хранителя, искупителя, короче говоря – полубога. С той поры его поэзия стала культом, жертвоприношением, литургией в память о Максимилине и его ипостасях. Все опубликованные произведения пронизаны все той же кантиленой: «*Седьмое кольцо*», «*Звезда союзов*», «*Новый рейх*». По словам Хофманшталя, бывшего в течение некоторого времени его учеником, он возвел «чудесное королевство на основе слов, образов и знаков». Несколько тем прослеживалось в творчестве Георге до самой его смерти в 1933 году. Поэтический долг: «умру иль стану формой». Обожествление реальности и тела: «боготворите тело и поселите Бога в нем». Антиматериализм и культ молодости: «А новый Человек на новых пишет досках,/Пусть старцы нажитым кичатся». Презрение к толпе, к равенству и к демократии: «Единые для всех познания есть обман». Поклонение прекрасному и жертвоприношению: «Один со всеми, но в пути, где злато ждет,/Порядок будущий толпой пренебрежет./Мы – роза, мистика, младая страсть,/Мы – Крест, страданьем насладимся всласть». Наконец, постоянно прослеживается тема абсолютного повиновения вождю, воспетого в поэме под названием «*Ученик*», проливающей свет на отношения покорности, которые связывали юных Штауффенбергов с их «учителем».

О страсти мне твердите вы, но мне она чужда,
И сердце только от любви к Учителю стучит.
Любовь ваша нежна, мне ж благородная любовь нужна,
Учитель благородный, лишь тобою жив пиит.

[...]

Не нужно мне за это все награды никакой,
Ее в глазах Учителя читаю без помех,
Она мне дорога: ведь выше всех Учитель мой,
Я подчиняюсь величайшему Учителю из всех.

Все это всего лишь литература. «Прощай, реальный мир, прощай надолго», – написал Георге в стихотворении «*Входная*». Однако твердой уверенности в этом нет. Следуя традиции, унаследованной от романтиков, и в частности от Жана Поля с его «*Незримой ложей*», он полагал, что лишь немногие, тщательно отобранные просвещенные были в состоянии нести в мир свои пророческие слова. В 1904 году он написал своему ученику Карлу Вюлькселю, что «все освободительные и плодотворные мысли исходят из тайных кружков». Вокруг него собралась группа элиты – «*Тайная Германия*» – из молодых людей, объединенных одними возвышенными целями и отвращением к царившему вокруг материализму, будь то материализм времен Вильгельма или Веймара. В состав этой неформальной группы входило не более ста человек, прошедших тщательный отбор. Среди них были представители различных профессий, такие как «немецкий» литератор Макс Коммерель, скульпторы Франц Мехнерт и Людвиг Тормален, известный еврейский историк Канторович и поэт Рудольф Бокхарт. Все они образовывали «Государство поэтов», государство, которое, по словам последнего, представляло собой «сакраментальное высшее правительство, стоявшее над народом». Когда представлялся случай, «Государство» собиралось для того, чтобы послушать стихи учителя, распеваемые хором, словно псалмы или молитвы. «Учитель» был скорее владыкой муз, нежели господином себе самому. Раздвоение между жизнью созерцательной и жизнью активной было неизбежным. Хотя он и написал в 1924 году: «Какая разница, существует ли это государство – государство Георге – в реальности или не существует. Главное в том, чтобы иметь волю создать это государство», он все-таки добавил: «То, что кажется сегодня существующим лишь поверхностно, "*Тайная Германия*", единственно живая организация нашего времени, воплотится в словах». Но уж очень сильно было искушение перейти от созерцания к действию. Чувствуется, что Георге разрывался между позывами оставаться в пустыне и желанием принять участие в реальных событиях. Он стал участником неразрешимого спора, который начал «*Фауст*» Гете: «В начале было слово. – Нет, в начале было дело». Георге был слишком стар для того, чтобы сделать этот последний выбор, но обратил свое внимание на своих учеников. В 1928 году он стал мечтать о том, «чтобы какой-нибудь великий человек действия подхватил наши прекрасные идеи и воплотил их в политическую реальность [...]». Это сможет сделать только человек дела, политик, который в один прекрасный день воплотит в себе и реализует в политических действиях идеи "*Тайной Германии*". Это перекликалось с известным мифом о «*Киффенхаузере*», происходившим от названия того плато в Тюрингии, где спал «спрятанный император Фридрих Барбаросса» до того самого момента, когда пришла пора вернуться в мир, чтобы возродить великую Германскую империю. Некоторые его ярые приверженцы без колебаний сделали более конкретные выводы и осмелились дойти до отвратительных утверждений. Макс Коммерель²⁰ в своем труде «Поэт как проводник в творчество немецких классиков», опубликованном в 1928 году, написал: «Только война заставляет народ проснуться [...]. Народ, над которым кружатся боги, который рождает своих героев [...]. Приходит время, и остается только этот народ [...]. Все остальные народы становятся народами второго сорта [...].

²⁰ Следует отметить, что, несмотря на подстрекательные высказывания, Коммерель не попался в нацистскую западню. Начиная с 1933 года он стоял в стороне от всего того, что могло говорить в пользу идеалов национал-социализма.

Страна, над которой распростерты крылья ангелов Бога, не признает никакого права, кроме своего. Тот, кто отрицает свое божественное предназначение [...], является противником Бога». Даже несмотря на то, что Георге дистанцировался от Коммереля, эти слова наглядно свидетельствуют о том, что могло быть почерпнуто из этого интеллектуального котла: волна прилива самых противоречивых страстей, родившихся по указке какого-нибудь вдохновленного «учителя». Главенство гуру, тайное признание, малое число избранных – все эти элементы квазисекты были присущи кружку «Тайная Германия». Больше того, члены организации не знали друг друга. Это было что-то вроде интернационального «Государства». В первом издании своей монументальной биографии Фридриха II Гогенштауфена Канторович²¹ вспоминал, что в 1924 году, когда он отправился в Неаполь и на Сицилию для участия в праздновании семисотлетней годовщины со дня основания университета, на могиле покойного императора в соборе Палермо он увидел венки. На нем была только одна надпись: «Своим императорам и героям от "Тайной Германии"». Известный историк добавил: «Народ императора жив и все же не живет [...]. Это был знак внимания, которое стало проявляться, пусть даже и не в имперские времена, не только в кружке избранных²², к понятию Великой Германии». Он указал, что «Тайная Германия» была чем-то большим, нежели лихорадочным пророчеством очарованных подростков. Это было паутиной, не имевшей ни пределов, ни четких очертаний, отвечавшей потребностям определенного слоя немецкой молодежи, сбитой с толку духом времени.

Мы не знаем, было ли это только литературным, политическим или даже чувственным сообществом, но ясно одно: все три брата Штауффенберг входили в узкий круг избранных.

Племя Штауффенбергов и учитель

Появление молодых Штауффенбергов в этом заколдованном круге в 1923 году не ускользнуло от внимания учителя. Его покорили очарование, ум и красота трех этих молодых людей. Добавим сюда немного снобизма. Тот, кто хотел управлять сознанием новой Германии, не был равнодушен к тому, что среди его последователей есть представители ряда «знатных семейств». В стихах, посвященных Бертольду, он упоминает «Его Высочество», его «права сеньора», его ауру «принца молодежи». Клаус тоже получил свою долю славы. Он был назван «вождем из легенды», «чудесным ребенком», «королевским отпрыском», а главное «белокурым наследником рода Гогенштауфенов и Отто».

Так родилась легенда. На основании смутных семейных преданий и явного созвучия фамилий Штауфен и Штауффенберг, Георге сочинил легенду. Клаус и его братья якобы происходили из рода Гогенштауфенов, династии, которая в Средние века так прославилась Священную Римскую империю германской нации. А верили ли сами братья в это рискованное родство? Вряд ли. Но в конце-то концов, так ли это было важно. Упиваясь мифологической мыслью учителя, они готовы были принять миф за реальность. Разве этот миф не был из тех, что «не существуют, но продолжают жить со времен создания мира»? От этого они чувствовали свое огромное превосходство над людьми и вещами. Особенно Клаус.

Восхищение было взаимным. Мы уже упоминали о письмах Клауса к Георге. Александр тоже не оставался в стороне. В 1926 году он обратился к поэту как «к своему наставнику, своей судьбе, своему Господину, своему учителю, своему духовнику, своему королю, своему отцу, своему судье, своей крови». Для всякого, кто хотя бы немного знает литературу, намек этот очень понятен. И к тому же мужественен, похож на молитву, которую Хайнрих фон Клейст посвятил Генриетте Фогель накануне их брачной кровавой ночи²³: «Мои добродетели, мои

---

²¹ Данный текст тем более интересен, что после того, как он был одним из самых близких учеников Георге, Канторович отошел от него из-за антисемитизма, который начал процветать в окружении поэта и который прославляли такие люди, как, например, Коммерель.

²² Ясно, что речь идет о кружке Штефана Георге, куда входил и сам Канторович.

²³ Хайнрих фон Клейст и Генриетта заключили пакт о самоубийстве. Письма, которыми они обменялись

достоинства, мои надежды [...], мое будущее и мое блаженство, [...] мой заступник и мой адвокат, мой ангел-хранитель, мой херувим, мой серафим...» Как и положено было в тайном обществе, вхождение в круг избранных отмечалось ритуальным поцелуем.

В одном из посвященных учителю стихотворений Бертольд говорит о нем словами, которые показывают глубину его мистической преданности: «Мои призывно губы шевелились,/ В твоих зрачках угадывалось счастье,/Когда ж уста слились, то все свершилось /И губы дали молчаливое согласие». Все это из области мистики? Возможно. Георге испытывал глубокое отвращение к плотским чувствам, он мечтал о сублимированной трагической любви таких великих влюбленных, как Элоиза и Абеляр, Данте и Беатрис. Кроме того, существует этакое типично немецкое братство мужчин – «брудершафт», близость мужчин, в которой нет ничего порочного. Кому-то это могло показаться началом более или менее явной гомосексуальной связи. Это возможно. Однако ничто в последующем поведении молодых Штауффенбергов не подтверждает это предположение.

Во всяком случае, вопрос об этом встал достаточно серьезно, и поэтому в начале 1924 года Каролина фон Штауффенберг отправилась в Гейдельберг, где поэт жил в доме Канторовича вместе с Бертольдом. Ее беспокоило окружение ее детей. Но поэт явно ее успокоил. Он оказался таким старым, таким мудрым, таким целомудренным в своих устремлениях, что она не увидела ничего предосудительного. И после этого она уже ни разу не предпринимала никаких действий для того, чтобы удалить детей из «Тайной Германии». В глубине души она, безусловно, была довольна тем, что сыновья вошли в число избранных великого человека, которого прославляла вся Германия. Возможно даже, что она позавидовала им в том, что они имели возможность принимать участие в этих праздниках разума, которые были недоступны ей, проводившей праздную жизнь в Штутгарте или в Лаутлингене.

Одна фотография, сделанная в ноябре 1924 года в Берлин-Грюнвальде в домике кучера, где жил Георге, наглядно показывает его власть над учениками. В комнате ничего нет, на стене висит единственное фото поэта, икона самому себе. Худой, почти костлявый, старый, «похожий на священника», по выражению Жида, он походит на какого-нибудь кардинала времен Возрождения, снедаемого аскезой и внутренним огнем. Прикрыв глаза, он восседает, словно на троне, словно он поглощен загадочной молитвой. Справа от него стоят Клаус и Бертольд и горящим от восторга и покорности взором смотрят на него. Особенно Клаус. Он слегка наклонился вперед, словно стараясь уловить священные слова учителя.

На другой фотографии, сделанной в том же месте, запечатлена небольшая группа преданных учеников: Макс Коммерель, Йохан Антон, Альбрехт Граф фон Блюмменталь, Вальтер Антон и три брата Штауффенберг. Если добавить сюда Франца Мехнерта и Людвиг Тормелена, то получится узкий круг друзей, в котором Клаус продолжал вращаться всю свою жизнь. Все они внешне похожи на серьезных денди. У каждого челка или завиток на лбу, на каждом шелковый бант вместо галстука, особенные одежды типа камзола времен Возрождения и, главное, поясной ремень, как знак их общей принадлежности к этой духовной милиции, коей являлось «государство» Георге. Эти снимки вызывают реальное ощущение неловкости, тем более что поэт постоянно вторгался в их личную жизнь. В 1931 году, когда Бертольд решил жениться на блистательной русофобке Мике Классен, поэт добился отсрочки свадьбы, потому что посчитал, что претендентка не была на высоте ожидаемого.

Клаус, как кажется, постепенно начал освобождаться от этой обременительной зависимости. Однако он остался в очень близких отношениях со своим ментором и продолжал переписываться с ним до самой его смерти в 1933 году. Спустя несколько лет после этого он сказал одному из своих однополчан: «Это были совершенно другие времена при иных обстоятельствах, не стоит придавать этому слишком большого значения». Но даже в 1943 году, после гибели на Восточном фронте Франца Мехнерта, ставшего по предложению Бертольда главой «Фонда Георге», созданного для продолжения дела «учителя», Клаус без колебаний согласился его возглавить.

незадолго до смерти, являются классическим примером немецкой гиперболической влюбленности. Они представляли собой бесконечную молитву из слов любви.

Выбор оружия

Поэзия не исключала выбора профессии. Клаус по-прежнему колебался между желанием стать архитектором или военным. Он хотел бы возводить здания, оставлять свое имя в камне на долгие годы. Однако времена к этому не располагали. Когда едва оправившаяся от судорог своего рождения Веймарская республика вроде бы начала притворно показывать признаки возрождения²⁴ ценой отказа²⁵ от территориальных претензий и от равенства в правах с другими государствами, в частности в военной области, возможно самым разумным для Клауса было бы уйти в мирок форм. Но между искусством и действием он выбрал действие.

Это было достойным поступком. Он понимал, что слабое здоровье могло помешать его службе. Но у него хватило воли пойти до конца в своем решении. Его не пугали трудности, испытания, бессонные ночи, привалы под дождем. Дух должен был укрепить тело. В первые годы службы он часто страдал гастритом. В 1931 году ему даже поставили диагноз «плеврит» легких, что вынудило его на несколько недель уехать лечиться в Бад Кольберг вместо столь долгожданного отпуска. Но он всякий раз преодолевал испытания.

Но проблемы со здоровьем были не самой главной темой его беспокойства. Больше всего его волновала природа режима в стране. Веймарская республика была ему глубоко отвратительна. Он ненавидел этих болтливых политиков, этих оплывших жиром гражданских лидеров, этих аферистов в жакетах, которые за золото покупали себе дворянство. Ему все это было противно. Его тяготило то, что он служил им. Его отец вел себя еще более замкнуто. После крушения империи он продолжал хранить верность дому Вюртембергов и считал служителей нового режима «проходимцами». Но Клаус был не из тех, кто выбрал внутреннее изгнание. Из уроков истории он понял, что если слишком долго оставаться на Авентинском холме, есть опасность остаться там навсегда. Моральной, чисто теоретической чистоте одиночества он предпочел схватку, не страшась при этом запачкать руки. Он служил не республике, а рейху. Политические режимы меняются, родина вечна. А когда настанут времена испытаний, ей понадобятся крепкие люди, особенно если внутренний порядок надо будет очистить от большевиков или агитаторов всех мастей.

Несмотря на несколько туманные надежды Штефана Георге на новую аристократию, в Клаусе говорила голубая кровь. Благородство обязывало. Клаус не хотел забывать то, что ношение шпаги вначале было привилегией, а уж потом стало обязанностью. История его семьи наглядно это демонстрировала. Он очень гордился тем, что был правнуком фельдмаршала фон Гнейзенау. В одном из писем к Рудольфу фон Лершенфельду он ясно излагает свою мотивацию: «Настоящее призвание аристократии [...] состоит в служении государству в любой из выбранных профессий [...]. Армия, естественно, является самой почетной из них». Примерно такие же слова он употреблял в 1926 году, стараясь убедить отца в правильности своего выбора. Удивляет тон письма. Он считал себя некой исторической личностью, которая «должна служить Германии в первых рядах». Он знал, что первые годы службы станут тяжелыми, что ему придется страдать от вульгарности себе подобных или командиров, что благодарности за поступок ждать не приходилось. Но он был готов «пожертвовать несколькими годами молодости на служение родине в ожидании появления человека, которому можно будет всецело доверять и который в конце концов придет». Запомним эту фразу! Будущий немецкий офицер ждал прихода мессии.

---

²⁴ Благодаря плану Доуса, принятому в 1923 году под эгидой США, предусматривавшему отсрочки по выплате репараций, были открыты двери Германии для притока американских капиталов, столь необходимых для полностью обескровленной экономики страны.

²⁵ В рамках договора Локарно, заключенного в 1925 году, по которому рейх отказывался от территориальных претензий на западе, но мог прибегнуть к силе для восстановления своих границ на востоке. Договор подписали Германия, Бельгия, Франция, Великобритания и Италия. Появившийся на свет при помощи акушерских щипцов в руках министра иностранных дел Штреземана, он открыл перед Германией двери Лиги Наций (1926 год) и сделал возможным подписание в 1928 году пакта Бриана – Келлога, «осуждавшего войну» как средство разрешения конфликтов.

Стать офицером его заставило чувство долга. Это не было его призванием. Он частенько жаловался на эту беспокойную жизнь, которая не давала ему возможности встречаться с родственными душами. В 1929 году он написал Максу Коммерелю, своему давнему приятелю из «*Тайной Германии*»: «Можешь ли ты представить себе состояние духа человека, который вот уже несколько лет не может больше сочинить ни единого стихотворения, который должен постоянно что-то делать и растрчивать себя, у которого нет ни минуты на личную жизнь?» Иногда он бывал даже удивлен обоснованностью своего выбора. Можно себе представить, какие бури бушевали в его голове, если в 1928 году он открылся отцу: «Вся трудность не в том, чтобы преодолеть обстоятельства и сопротивление, она в том, чтобы найти силы продвигаться вперед, несмотря на наши сомнения, оставаясь полностью послушным самому себе». Но сомнения – это из области чувств, а поступок – проявление воли. И поэтому он сжимал зубы. К тому же, когда человек становится кавалеристом из Бамберга, он перестает принадлежать самому себе.

Кавалерист из Бамберга

В тогдашней Германии выбор полка говорил очень многое о личности человека. Когда 1 апреля 1926 года Клаус фон Штауффенберг поступил на службу в 17-й кавалерийский полк в Бамберге, это не было делом случая. Кавалерия наряду с флотом всегда считалась аристократическим видом вооруженных сил. Приверженцы плюмажа и крепкой руки, кавалеристы с некоторым пренебрежением глядели на «топтунов» из пехоты или на кропотливых математиков из артиллерии.

Среди кавалерийских полков 17-й полк был одним из самых престижных. После роспуска императорской армии и драконовского уменьшения численности рейхсвера именно этот полк стал хранителем традиций всех полков баварской кавалерии. На штандартах четырех боевых эскадронов были эмблемы расформированных частей: 1-го и 2-го кирасирских полков, рейтарского и уланского Бамбергского. Там Клаус был как дома. В свое время его дядя Бертольд фон Штауффенберг был командиром 1-го кирасирского полка. Это было местом сбора самых знатных дворян католического вероисповедания. Большинство офицеров были дворянами. Те, кто не был из благородных семейств, представляли старую служилую буржуазию, которая давно уже ассимилировалась. Все вокруг были своими. Все отмечали одни и те же праздники, посещали одни и те же дома, охотились на одну и ту же дичь. Однородность там была тем более явной, что для производства в офицерский чин требовалась рекомендация будущих собратьев по офицерским погонам. В отличие от Франции, где надо было пройти по конкурсу, в частности в Сен-Сире, куда еще с наполеоновских времен тщательно отбирали будущих военачальников, в Германии не надо было проходить отбор. Человек просто записывался в полк в качестве кадета, получив согласие старших по званию, два года обучался в училище, потом получал звание аспиранта (*фенриха*), затем младшего лейтенанта (*лейтнанта*). Корпоративный дух выигрывал при этом то, что проигрывало продвижение по социальной лестнице. Всю жизнь человек был привязан к полку, как обычно бывает привязан к своей семье. Прочность братства по оружию не следует забывать, чтобы понять путч 20 июля. Пять офицеров из 17-го Бамбергского полка приняли в нем самое активное участие. Привлекались и другие, но никто никого не выдал. В полку молчание было законом. Все проблемы решались в своем кругу. Когда же возникали непримиримые противоречия, все решал суд чести. И никакой военной юстиции, а уж тем более юстиции гражданской.

Клаус чувствовал себя хорошо в Бамберге, в этом закрытом мирке, странным образом напоминавшем кружок избранных «*Тайной Германии*», еще и потому, что этот городок соответствовал его мечтаниям: домики из кирпича и дерева, средневековые сооружения и дворцы в стиле барокко, лениво извинаящая среди домов и парков река Регнитц... Настоящая почтовая открытка для любителя средневековой мифологии или романтических ощущений. Подпертый четырьмя массивными башнями, императорский собор хранил знаменитую статую бамбергского рыцаря, ставшего с конца XIX века одним из символов германской добродетели. Сидящий на коне с выпрямленной спиной, этот коронованный вождь в длинном плаще, элегантно откинута на одно плечо, с лицом архангела, с устремленным вдаль взглядом,

казалось, ожидал возрождения Германии. Штефан Георге посвятил ему одно из стихотворений сборника «Седьмое кольцо», а многие немецкие историки в то время сравнивали его с Парсифалем. Молодого кадета, естественно, увлекла эта легенда. Он написал Бертольдзу: «Я углубляюсь в созерцание этого героя, надеясь быть достойным его». В одном из своих стихотворений, написанных в мае 1926 года, Александр тоже проводит параллель: «Твое лицо, как раньше, грозно,/ Оно пылает, выражая гнев и боль,/ В нас порождая через рыцаря в короне/Надежду дальнюю по имени Король».

Но первые годы службы оставляли совсем мало времени на мечтания. Подготовка была тяжелой, особенно для молодого человека с хлипким здоровьем. С ним обращались, как с рядовым в той старой казарме из красного кирпича, стоявшей несколько в отдалении. Подъем в 5 утра по сигналу кавалерийской трубы, уход за лошадьми, упражнения в пешем строю, марш, контрмарш, военные песни, разборка и сборка оружия, учебная стрельба, продолжительные поездки на велосипеде, наряды на конюшню, верховая езда, шаг, рысь, галоп, преодоление препятствий, выездка по шесть часов в день до изнеможения. И все это под окрики какого-нибудь вахтмейстера²⁶. Штауффенберг все это вынес, не выказывая особенно своего волнения. Только вот его национальная гордость была задета. В соответствии с мирным договором кавалерия не имела права иметь бронетехнику. В то время как все другие армии отрабатывали взаимодействие с танками, немцы были вынуждены тренироваться с обшитыми фанерой грузовиками. К тому же немецкая кавалерия не имела права иметь большое количество пулеметов. Приходилось брать на время вооружение в пехотных полках или выезжать на их полигоны, чтобы иметь возможность учиться обращению с этим основным оружием современной войны. Да и остальное вооружение было устаревшим. Вплоть до 1930 года кавалерия все еще была вооружена пиками. Другими словами, вооружение кавалериста осталось неизменным со времен мировой войны: сабля и короткоствольный карабин.

Хотя уже тогда, опережая своих вероятных противников, генералы рейхсвера отрабатывали взаимодействие между родами войск. Пока французские офицеры кавалерии готовились исключительно в Сомуре, их немецкие коллеги по ту сторону Рейна должны были в обязательном порядке пройти годичную стажировку в пехотном училище. Штауффенберг с октября 1927-го по август 1928 года стажировался в военном училище пехоты в Дрездене. Там жизнь была чуть легче. Аспиранты жили по шесть человек в комнате (*штубе*), которая служила им и учебным классом. Они изучали тактику ведения боя пехотой, учились окапываться, ползать, стрелять из минометов, устанавливать мины. Это не оставило у Клауса необычных воспоминаний. Из его личного дела просто видно, что он был хорошим товарищем, обворожительным, очень красноречивым, умел чрезвычайно четко доложить тактическую обстановку устно, но несколько отставал в составлении боевых документов. Его утомляли детали. Он любил широту мысли, а не запятые. Его тогдашний инструктор, будущий генерал Дитль, вспоминал о его прирожденном даре к командованию и о его способности абстрагироваться от беспокойной обстановки, в частности по вечерам, когда он играл на виолончели. Друзей он не завел, за исключением товарища по 17-му полку Юргена Шмидта. Они были неразлучны, их вскоре стали называть диоскурами. Они вместе читали «Илиаду» и «Одиссею», увлекались античными героями. Клаус редко принимал участие в местных мероприятиях светской жизни, они ему быстро надоели. Он посещал с протокольными визитами только королевское семейство Саксонии, а все немногое остававшееся у него личное время он предпочитал посвящать книгам.

На следующий год в кавалерийском училище в Ганновере он уже блистал. Дилетантизм является искусством, но он мог сыграть злую шутку при выпуске. А ему хотелось быть одним из лучших. И тогда он принял правила игры и начал упорно работать. 1 августа 1929 года он стал лучшим из выпуска среди кавалеристов. И получил редкую награду²⁷: «почетную саблю» за «исключительные успехи в учебе». В конце года он получил звание младшего лейтенанта, а 1

---

²⁶ Сержант.

²⁷ За весь 1929 год рейхсвер вручил всего двадцать одну такую саблю.

января вернулся в свой полк.

Отныне он мог надеть форму офицера кавалерии: фуражку с двумя серебряными галунами, погоны с таким же галуном, темно-синий мундир, черные брюки, длинный парадный плащ серо-зеленого цвета, белые лайковые перчатки, серебряные шпоры, саблю с позолоченным темляком.

Многообещающий офицер

Младший лейтенант, самое прекрасное звание, звание беззаботности и легкости, когда офицер кавалерии вполне соответствует своему образу ухажера и безнаказанного дуэлянта, звание, в котором бросаются самые безумные вызовы и проходят самые экстравагантные оргии. Это теоретически. Но все это было не для Клауса. Естественно, он соблюдал положенные ритуалы: принимал участие в парадах в городе, в балах, участвовал в обедах в полку у командира части, где первый тост поднимался за здоровье королевской семьи Баварии, второй – за императора, а третий – за рейхсвер и никогда за республику. Он ужинал с лейтенантами, где стоя навтыяжку перед *риттмейстером* (командир эскадрона), перед тем, как выпить до дна свой стакан, следовало торжественно спросить: «Господин капитан, младший лейтенант Штауффенберг просит разрешения напиться», и так весь вечер, до изнеможения. Но ничего больше он себе не позволял, только то, что было необходимо. Никаких любовных приключений.

Его подчиненные не могли им нарадоваться. Участливый, внимательный, заботившийся об их подготовке, он сильно отличался от некоторых придиричивых офицеров, которые в своих подразделениях лошадей знали лучше, чем людей. К тому же он не сильно придерживался военного формализма. Он был не из тех, кто наказывал, если воинскую честь, как того требовал устав, солдаты не начинали отдавать за три шага до встречи с офицером и не прекращали отдавать через два шага после того, как поравняются с ним. Прусская дисциплина его раздражала, особенно когда она превращалась в карикатуру на саму себя. Его понятие о роли офицера полностью совпадало с ролью в обществе. Он организовал для солдат курсы обучения грамоте. По воскресеньям он часто водил подчиненных на мессу, но при этом никто не знал доподлинно, было ли это проявлением истинной веры, условностью или движением эстета с католическим воображением.

С равными себе он был весел, расслаблен, остроумен, иногда упрям, но никогда не вел себя надоедливо. Однополчане присвоили ему кличку Штауфф. Один из его тогдашних сослуживцев вспоминает: «Мы его уважали. Но он не был одним из нас, не был как мы [...]. Это был Штауфф». Дистанция, которую он держал в отношениях с другими, не была следствием социального различия. Все они были одного круга. Разница была в интеллектуальном уровне. Он считал сослуживцев слишком фривольными. Он не желал часами гулять по набережной или преследовать сомнительную дичь. Единственную страсть, которую он разделял с сослуживцами, – лошади. Будучи с молодости прекрасным наездником, он постоянно работал со своими личными лошадьми, чтобы иметь возможность достойно выступать на скачках среди офицеров. Но выездка не была его сильной стороной. Зато в конкуре он не знал себе равных. Благодаря ему полк трижды смог победить в национальных военных соревнованиях.

С точки зрения военной подготовки Клаус был очень многообещающим офицером. В аттестации 1933 года его непосредственный начальник командир эскадрона Вальцер дал ему такую характеристику: «Очень уверен в себе, независим в суждениях, критический склад ума, тактическое чутье намного выше среднего, очень любит лошадей и подчиненных, сильно интересуется вопросами общественного развития, историей и религией». При этом небольшой бемоль: «Его воинские навыки и сознание интеллектуального превосходства иногда вынуждают его свысока поглядывать на сослуживцев, с которыми он время от времени обращается с жестокой иронией».

На полях учений он показывал результаты, достойные его притязаний. В 1930 году в ходе крупных маневров с участием всех видов войск он отличился. Подразделение, в состав которого он входил, получило задачу форсировать реку Саал, чтобы напасть затем на лагерь противника. Программа маневров предусматривала подход саперов для наведения переправы через реку. Штауффенберг ждать их не стал. И дал команду форсировать реку вплавь. Его эскадрон

переправился на другой берег. Спустя несколько минут он внезапно атаковал пехоту и артиллерию условного противника с саблями наголо в лучших традициях кавалерии. Генералы его заметили. За этот подвиг маршал Гинденбург включил его с подразделением в состав участников парада по завершении маневров.

Время, которое Штауфф не растрчивал на женщин и на котильоны, он посвящал размышлениям. Он не разделял весьма распространенного в полку презрения к трудящимся. Большинство офицеров не заглядывали в будущее, ограничиваясь лишь сроками получения звания подполковника или полковника, возрастом, когда надо будет покинуть армию, чтобы отправиться заниматься поместьем, которое достанется им после пришедшейся весьма кстати кончины какого-нибудь родственника. Но молодой лейтенант строил на будущее другие, честолюбивые планы. Он чувствовал, что призван сыграть некую роль в национальном масштабе. Хотя он и преуспевал в тактике, но думал при этом о стратегии. Как и все военные мира, он внимательно изучал уроки прошлых войн и битв. В частности, он вступил в спор с одним из друзей Штефана Георге, военным историком Вальтером Эльце, выпустившим недавно два научных труда: первый – исследование битвы при Танненберге, выигранной маршалом Гинденбургом на восточном фронте в 1914 году, а второй – о генерале фон Шлиффене. Эльце выступил сторонником некой формы исторического детерминизма. По его мнению, война была проиграна заранее из-за открытия двух фронтов, а битва при Танненберге была выиграна благодаря тому, что верховное главнокомандование сосредоточило все силы на окружении прорвавшегося противника. Историк из двух этих правил сделал альфу и омегу военной стратегии. Клаус резко выступил против такого образа мыслей. Он утверждал, что принятые в то время решения стали результатом оценки местности и требований времени. Мудрый военачальник должен прежде всего все видеть, оценивать и приспособливаться к местным условиям. Он не согласился с Эльце и послал в ответ статью, посвященную битве при Иссосе, в которой Александр Великий одержал победу над войском царя Персии Дария. Это был законченный труд. В нем он прославлял Александра и его дух завоевателя. Это было выпадом против систематического противопоставления прорыва и окружения. Единственным правилом стратегии, вытекавшим из труда, было соответствие между целями войны и наличием средств. Для Штауффенберга эта статья была изложением его кредо. Теперь нам более понятно, почему начиная с 1942 года он приходил в ужас от неспособности Гитлера изменять свои планы сражений в зависимости от невыгодного для него поворота событий.

Пока его товарищи веселились, он работал. Пока они одерживали очередные победы на любовном фронте, он обвенчался. Он привык ни с чем не тянуть. 15 ноября 1930 года, в возрасте 23 лет, он попросил руки Нины Фреин фон Лершенфельд, которую встретил за несколько месяцев до этого на вечеринке, устроенной семейством избранницы в принадлежавшем им поместье под Бамбергом. Это было вопреки всем тогда принятым правилам. Обычно мужчины женились поздно, в жены брали девушек значительно моложе себя. Только нагулявшись вволю, офицеры решались на женитьбу. А тут не было никаких пикантных историй, ни малейшего намека на роман, никаких любовных писем! Одни лишь запоздалые свидетельства Нины или членов семьи Лершенфельд, отмечавшие, что он был хорошим отцом и примерным мужем. Однажды вечером Нина спросила, почему он выбрал именно ее, хотя вокруг блестящего кавалериста толпами ходили претендентки более умные и красивые. Он ответил просто: «Потому что я знаю, что ты будешь самой лучшей матерью для моих детей». Никакой романтики. Еще более резко он ответил своей будущей теще. В день свадьбы он ей едва не нахамил. Он процитировал слова Фридриха II: «Для офицера жена является необходимым несчастьем [...]. Во время войны жениться нельзя. Но во время мира это сделать необходимо для того, чтобы иметь наследников и продолжателей рода».

Молодой паре пришлось ждать свадьбы до 1933 года, потому что офицерам *рейхсвера* было запрещено жениться, не прослужив восьми лет или не достигнув возраста 27 полных лет. Армия сделала для него исключение. И он произнес слово «да», положив стальную каску у своих ног. В день свадьбы он отказался надеть парадный мундир, объяснив своим близким, что «женитьба – это та же служба».

Чем же можно объяснить эту непостижимую холодность, которую едва можно представить в наши дни? В 1930 году главным еще было найти жену по своему положению. Это

условие было выполнено. Он был так уверен в своем интеллектуальном превосходстве, что полагал, что ни одна женщина не могла быть на его уровне. Поэтому незачем было упускать ту особу, чьи моральные устои его вполне устраивали. Наконец, и это, возможно, было главной причиной, он был вскормлен молоком Штефана Георге и посему не верил в загадочную, эфемерную, невозможную любовь. Он, несомненно, руководствовался стихотворением поэта, наполненным презрительной снисходительностью: «Любовь ваша нежна, мне ж благородная любовь нужна». Его интересовала только идеальная женщина. Реальные женщины были лишь заменителями. Клаус, возможно, был человеком, который не любил женщин. Если только он не предпочитал мужчин²⁸.

Преодоление опасностей

Воинская карьера Штауффенберга была на подъеме. Чего нельзя было сказать о Германии. Великий кризис 1929 года ощущался сильнее, потому что экономика страны сильно зависела от американских капиталов, которые начали массовое бегство назад через Атлантику. Достаточно привести лишь несколько цифр, чтобы оценить глубину катастрофы. Промышленное производство с показателя 88 в 1930 году упало до показателя 59 в 1932 году. В 1929 году в рейхе насчитывалось 2,8 миллиона безработных, в 1932 году их было уже 6,1 миллиона. Безработица затронула почти 44,4 % активного населения, занятого в промышленности. От нее пострадали все социальные слои и категории специалистов. Из 8000 дипломированных инженеров выпуска 1930 года только тысяча смогла найти работу по специальности. Снова началась гиперинфляция. Это было время, когда в стране ходили банковские билеты достоинством в миллиард марок, когда ценники постоянно менялись, иногда по нескольку раз в день, когда за зарплатой надо было приходиться с чемоданом или с ручной тележкой. Как и в самые тяжелые времена зарождения республики, на улицах снова появилась бедность. Покалеченные инвалиды войны получали нищенское пособие. Они ходили в своих мундирах с одного благотворительного мероприятия на другое, представляя собой живой укор стране, которая так относилась к своим героям. Пособия по безработице были сильно урезаны. Государственная казна опустела. В крупных городах перед центрами Армии спасения стояли длинные очереди. Страну сотрясла серия банкротств банков, и это окончательно дезорганизовало экономику. В стране снова стала нарастать социальная напряженность.

Естественно, во всем винили Веймарскую республику, хотя она-то была тут вовсе ни при чем. Ругали и союзников. Однако в 1930 году они срочным образом покинули Рур, а процесс выплаты репараций приостановился²⁹. Настало время национализма, милитаризма, критики существующего режима. Впервые в 1930 году нацисты добились поразительного успеха, получив 18,3 % голосов на выборах 14 сентября. Кабинету Брюнинга не удалось остановить их восхождение. В ходе второго тура президентских выборов 10 апреля 1932 года Гинденбург был переизбран, но Гитлер набрал 37 % голосов избирателей. Большинства в рейхстаге больше ни у кого не было. СПГ и коммунисты из КПГ не смогли выступить единым фронтом. Они перегрызлись между собой, поскольку по логике Коминтерна социалисты были «социал-предателями» или «социал-фашистами». Партии центра были раздробленными. Только Гитлер сумел объединить вокруг себя жизнеспособную коалицию, хотя и не имевшую большинства: «национальный фронт» Хальцбурга, объединивший НСДАП, Немецких националистов и различные организации националистического толка, такие как организация ветеранов войны «*Стальной шлем*» или Лига пангерманистов «*Союз германцев*». Для поддержания порядка и ведения текущих дел канцлер Брюнинг вынужден был прибегнуть к статье 48 Конституции относительно полноты власти. *Де-факто* это стало правлением только

---

²⁸ Ничто не доказывает того, что Клаус был гомосексуалистом. Это всего лишь предположения, основанные на том, что некоторые члены кружка Штефана Георге были признанными гомосексуалистами, в частности Франц Мехнерт.

²⁹ В 1930 году с согласия союзных держав, полученного в 1932 году в ходе конференции в Лозанне.

«кабинета президента», полностью зависевшего от воли древнего 85-летнего маршала. Республика дышала на ладан.

У нас мало сведений о том, как именно Клаус реагировал на возрастание роли нацизма. По этому вопросу он ничего не сказал и уже тем более ничего не написал. Может сложиться впечатление, что он полностью ушел в свои служебные обязанности, будучи более, чем когда либо, уверен в том, что армия была последним оплотом против беспорядка и кризиса, с которыми республика справиться не могла. Во всяком случае, он не проявил никакого открытого сопротивления нацистам. Напротив. С 1930 по 1932 год с молчаливого согласия командиров он по ночам на полигоне полка обучал штурмовые отряды (СА) обращению с оружием и ведению уличных боев. В марте 1932 года его огорчила последняя выходка Веймарской республики, запретившей СА и СС по причине того, что «это – частная армия, государство в государстве, и является источником постоянного беспокойства мирного населения». В письмах к Штефану Георге он возмущался этим актом, «который лишает Германию резерва, в котором она так остро нуждается [...], и мешает готовить умелых бойцов, коих не хватает стране, хотя наши враги концентрируют войска на наших границах». Было ли это выражением согласия с нацистами? Несомненно, нет. В этой переписке нет ни единого намека на поддержку национал-социалистической доктрины или даже на ее существование. Письма касались исключительно военной сферы. Штауффенберг даже уточнил, что эти штурмовики из СА в основном были добровольцами из корпуса «Оберланд», «который так хорошо поработал на востоке». Он, столь нетерпимо относившийся к прогрессивной идеологии, даже не упомянул о социалистической ориентации штурмовиков СА, и в частности их командиров Рема или Штрассера. В штурмовиках СА он видел только дополнительных военных, нечто вроде «ландштурма», которые при необходимости могли бы быть призваны в армию. Он размышлял как солдат. Он не проявлял никакой особой симпатии к маленькому капралу из Браунау³⁰, хотя и не вел себя по отношению к нему враждебно. Для него главным было покончить с проклятием Версаля. Все остальное было вторично. Он стал жертвой всеобщего заблуждения, трагический смысл которого понял с большим опозданием.

Он был доволен переменами, произошедшими в руководстве страной. Новый канцлер фон Папен наделил генерала фон Шляйхера полномочиями командующего рейхсвера и одновременно министра внутренних дел. Это казалось удачным выбором. Запрет деятельности штурмовых отрядов СА и отрядов СС был отменен. «Я снова могу обучать моих резервистов», – написал он тогда своему товарищу капитану Дихлу. Шляйхер благосклонно относился к армии, та отвечала ему тем же. В июле 1932 года, как раз перед тем, как нацисты одержали новую победу при выборах в рейхстаг³¹, набрав почти 38 % голосов, он заявил, что были лишь два решения, которые могли бы обеспечить безопасность рейха: либо всеобщее разоружение, что казалось маловероятным, либо «полное равенство в правах». В октябре 1932 года министр иностранных дел Константин фон Нейрат сделал новый шаг, определив план на пять лет: 22 эскадрильи истребителей, сухопутная армия численностью 145 000 человек, подготовка 300 000 резервистов. Занятые преодолением экономического кризиса в своих странах и усыпленные сиренами «умиротворения», западные державы отреагировали на это очень вяло. В немецкой армии царило воодушевление. Пропагандистская машина заработала на полных оборотах. Командиры подразделений до уровня взводов получили новую программу перевооружения. По всей стране стали ходить почтовые открытки с ее кратким содержанием. 17-й Бамбергский полк получил их 300 штук. Кстати, большинство офицеров поддержали положения статьи 22 Программы НСДАП, предусматривавшей создание большой народной армии (*фольксхеер*), куда в качестве командиров должны были привлекаться офицеры бывшего *рейхсвера*. Именно этого

³⁰ Место рождения Адольфа Гитлера.

³¹ После выборов 1931 года парламент был трижды распущен Гинденбургом по причине отсутствия в нем устойчивого большинства. Перевыборы имели место в июле и ноябре 1932 года. В 1932 году прошли также президентские выборы. Таким образом, это был исключительный год для оценки перемен в общественном мнении. Последние выборы в Веймарской республике состоялись 5 марта 1933 года, а с 30 января Гитлер был уже канцлером. И тогда, в союзе с ННПГ, нацисты получили большинство мест.

все так ждали в течение стольких долгих лет.

Командир эскадрона Вальцер, непосредственный начальник Штауффенберга, заявил тогда публично, что ему была непонятна медлительность «старика»³², который затягивает привлечение «маленького божьего капрала» для формирования нового правительства. «Это – снобизм», – заявил Вальцер... 30 января 1933 года все свершилось. Гитлер был назначен канцлером рейха, фон Папен – вице-канцлером. Нацисты были в меньшинстве, но контролировали ключевые министерства: в Министерстве внутренних дел сидел д-р Франк, в Комиссариате по делам Пруссии³³ командовал Герман Геринг, в Военном министерстве делами заправлял генерал фон Бломберг. Двери Германии распахнулись, чтобы впустить коричневую чуму.

Офицер, рискнувший поставить на свастику

30 января 1933 года добрая половина Германии отмечала праздник. Люди праздновали назначение на пост канцлера того, кто пообещал покончить «с разлагающим влиянием демократического и республиканского духа». Штауффенберг был в числе радовавшихся людей. В тот вечер в Бамберге он был приглашен на ужин к своим будущим родственникам. Все ждали его, чтобы сесть за стол. Но Клауса все не было. Время шло. На улицах происходило шествие народа, штурмовики были в первых рядах. В темноте горели многочисленные факелы. На ветру развевались знамена со свастикой. В коричневых рубашках с повязками на рукавах, в новеньких ремнях и сверкающих сапогах, новые хозяева страны двигались гусиным шагом. Шествие извивалось между старинными домами средневекового города под звуки песен «Германия проснулась» или «Гитлер приказывает, мы подчиняемся». В доме Лершенфельдов царило беспокойство. Что означал весь этот шум? Слова «Песни Хорста Весселя» заставляли вздрагивать, эти тяжелые рифмы обещали уничтожить «красный фронт и реакцию». Жених явился около одиннадцати вечера. Он весь светился от радости. И просто пояснил, что возглавлял шествие, поскольку в такой момент народного единения толпа не поняла бы, почему офицер в форме не хочет ее возглавить. Старый генерал императорской армии сурово его отчитал. Как же можно было компрометировать себя до такой степени со сбродом? Задача вождя состоит не в том, чтобы смешиваться с толпой, а в том, чтобы руководить ею, особенно когда в ней столько плебеев и хамов. Но Клаус и не думал раскаиваться в своем поступке. Это был исторический час. Надо было ему соответствовать. Кстати, великие предки указали путь в ходе великой освободительной войны. Именно на народ, на народную армию опирались вожди, подобные Шарнхорсту и Гнейзенау, чтобы изгнать Наполеона из империи. Наш высородный аристократ был охвачен популистским безумием. Он не хотел от этого отказываться. Ужин был скомкан.

После этого в течение некоторого времени Клаус продолжал действовать в том же духе. Когда он возвращался с учебного поля со своим эскадронам тихой рысью, вдоль Регнитца послышался большой шум. Одна эпоха закончилась, начинались другие времена. Перед древней ратушей, с любопытным смешением архитектуры Средневековья и веселого стиля барокко, являвшейся одновременно символом прочных буржуазных устоев и наслаждения жизнью, в последний раз был поднят черно-красно-золотистый флаг Веймарской республики – черно-красно-горчичный, как говорили его противники, – а рядом был водружен стяг со свастикой, ставший наряду со старым немецким флагом официальным символом рейха. Штауффенберг дал своим кавалеристам команду остановиться повзводно напротив флага

³² Фельдмаршала Гинденбурга.

³³ Пруссия, являвшаяся федеральной землей Веймарской республики, в 1932 году стала напрямую управляться рейхом в лице комиссара по делам Пруссии по причине бушевавших в ней волнений и успеха, одержанного там левыми силами. Это уже было явным нарушением Конституции. Это событие было названо «пруссским переворотом». Именно по причине размеров и количества населения этой земли, являвшейся доброй половиной Германии, и было так важно это назначение Геринга.

Веймарской республики. Скомандовав затем «сабли наголо», он заставил их отдать честь под звуки марша приветствия Фридриха Вильгельма III, что в Германии приравнивалось к отданию чести знамени. Затем его эскадрон парадной рысью с саблями на плече проследовал в конюшни. Едва он спешился, как его вызвали к командиру полка полковнику фон Перфалю. Что означал сей цирк? В 17-м Бамбергском полку честь отдавалась национальному флагу, а не самодельным тряпкам. Штауффенберг был вынужден публично покаяться. Впрочем, у него не было другого выхода. Но послание было ясным. Он с восторгом приветствовал наступление новых времен. Он был кем угодно, но не противником нацизма с самого его зарождения. Были ли он сам нацистом? Возможно, что нет! Как и многие другие, он приветствовал то, что считал позитивным.

Сладкоголосые сирены нового порядка

Первые действия нового канцлера полностью отвечали чаяниям молодого офицера, националиста, народника, противника демократии, большевизма и республики. Ему было всего 26 лет, он был мечтательный, пылкий, жаждущий действия, реванша, а главное – стремившийся покончить с той Германией, которая была низведена в положение государства второго порядка из-за давления на нее победителей 1918 года и парламентских комбинаций, которые, по его мнению, парализовали страну. Гитлер представлялся ему спасителем. 3 февраля он заявил начальнику Генерального штаба генералу Курту фон Хаммерштайну, что перевооружение будет произведено во что бы то ни стало. Эта информация разошлась по гарнизонам. В течение нескольких месяцев все, что не нравилось в Веймарской республике, было разрушено: 4 февраля в соответствии со статьей 48 Конституции фельдмаршал Гинденбург издал указ «о защите народа и государства». Министр внутренних дел получал право запрещать все политические манифестации, закрывать газеты или принимать «все меры, которые он сочтет необходимыми». Политическая жизнь замерла. Для Штауффенберга это означало конец коммунистическим крикунам на улицах. 17 февраля Геринг отдал приказ полиции защищать патриотические организации – включая штурмовые отряды СА, СС или «Стальной шлем» – от врагов государства и при необходимости открывать огонь. 27 февраля Рейхстаг был подожжен голландским коммунистом Маринусом Ван дер Любе. Возможно, за этим стояли нацисты. В любом случае это стало для Гитлера удачным предлогом. Начиная с 28 февраля он отменил все основные свободы: свободу мысли, свободу прессы, свободу передвижений, свободу образования массовых организаций, неприкосновенность жилища, запрет обратного действия уголовных законов, право на двойную юрисдикцию. С того дня власти могли по своему усмотрению арестовывать любого гражданина. Правовое государство, столь милое на словах образованной буржуазии, умерло. 5 марта на выборах нацисты и их союзники получили большинство в 51,8 % голосов. 22 марта большинством в две трети своего состава рейхстаг передал Гитлеру всю полноту власти сроком на четыре года. Все политические партии были распущены или объявили о самороспуске. 14 марта НСДАП стала единственной партией рейха. Какие потрясения! Всего-то менее чем за полгода!

Штауффенберга все это явно не беспокоило. Для него это означало конец «маскарада». Были, конечно, некоторые перегибы. В частности, грабежи магазинов, принадлежавших евреям, в апреле 1933 года, к чему призвала газета «Атака», этот антисемитский капустный лист гауляйтера Берлина. Но он отнес это к переусердствовавшим исполнителям воли партии, а не оценил как гитлеровское мировоззрение, которого он не знал и знать не хотел. Об этом он рассказал Штефану Георге в письме, датированном 21 июня 1933 года, где он определил свое отношение к нацизму. Партия его не интересовала, главное были люди, особенно если бразды правления отдаются лучшим. Это надо понимать – таким, как он. Мистическая сторона вождя полностью соответствовала его внутренней интуиции. Культ молодости также, именно она должна была покончить со старым буржуазным расслоением общества. Он чувствовал, что стоял на пороге революции. Она открывала перед ним чистый лист, где он написал: «Все здесь выходит за рамки обыденного. В этой революции, как и во всех других революциях, можно было увидеть многое из поведения человечества, все его перевоплощения. А в ходе революции буржуа больше не мог притворяться [...]. В конечном счете не партии, а благородные люди

вершат великие дела. Тот, кто заложил в себе твердую основу для своих действий, тот и должен был быть вознагражден за свой ум. Это не было цинизмом, просто способом отделаться от тех, кто был за или против, кто заблудился в бесполезных умственных определениях». Клаус фон Штауффенберг ничего не понимал. Этот умный человек, отвергавший интеллигентность, полагал, что настали новые времена для высокородных странствующих рыцарей. Для него не важен был цвет мундира: зеленовато-серый, коричневый или черный, главное было оставаться в этом мундире Дон Кихотом. Он не понял, что настало время людей типа Санчо Панса.

Он тем более не понимал этого, что развитие событий его успокаивало. Г-н Гитлер казался таким правильным, таким уважительным по отношению к фельдмаршалу фон Гинденбургу, ну просто лубочная картинка древних немецких добродетелей. Пропаганда Геббельса творила чудеса. 21 марта 1933 года Штауффенберг радовался «Дню Потсдама», о котором передавали все радиостанции рейха. Дата эта была выбрана не случайно. Именно 21 марта 1871 года Бисмарк открыл работу первого парламента Второго рейха. Место тоже было символическим: гарнизонная церковь. Именно там находилась могила Фридриха Великого, «старого Фрица», которого привык ценить народ. Церемония была отлажена до мельчайших деталей. Гитлер, в гражданском платье, поприветствовал Гинденбурга, на котором был мундир фельдмаршала империи, под доброжелательные взгляды кронпринца в мундире гусара смерти. «Символическим было то, что на парадном дворе замка друг напротив друга стояли два ряда разных людей: по одну сторону находились офицеры рейхсвера, которые присягали фельдмаршалу, а у другой стены стояли штурмовики в коричневых рубашках, присягнувшие на верность канцлеру. Символично было рукопожатие, которым обменялись Гинденбург и Гитлер, в то время как стоявший на втором плане по стойке "мирно" офицер в каске как бы говорил своим присутствием: "Именно я стал мостиком между прошлым и будущим, между империей Вильгельма и возрождающимся рейхом". Символическим был венок, который оба действующих лица возложили совместно на могилу великого короля. Символическим было, наконец, и то, что все присутствующие пели хорал Баха. Под сенью своих великих людей прошлого вчерашняя Германия как бы передавала эстафету Германии завтрашней. Геббельс сказал: "Это исторический момент. Честь германского герба восстановлена [...]. Невидимая длань Господа благословила серый город, этот символ прусского величия и долга"». Французский посол в Берлине Франсуа-Понсе отметил в своем донесении: «С точки зрения логики "День Потсдама" может показаться удивительным парадоксом, если не необдуманном мероприятием. Но с точки зрения обработки общественного мнения, создания великих мифов, это событие представляет собой некую инициативу, является важной пропагандистской находкой». А Клаус, так обожавший предания и символы, так предрасположенный к поэтической концепции жизни, получил возможность написать Бертольд: «Сегодня немецкая молодежь встретила со своими предками».

Голос разума не был услышан, когда говорил аффект, особенно если самые мудрые слои общества, казалось, присоединились к движению. Католик по воспитанию, Штауффенберг с восторгом отметил отмену интердикта партии церковью и подписание конкордата в июле 1933 года со Святым престолом³⁴. Он отвел угрозу новой религиозной войны, гарантировал свободу вероисповедания. Но Клаус не заметил, что католики были поставлены под контроль немецких протестантов вследствие избрания епископом рейха монсеньора Мюллера, яростного приверженца национал-социализма, прославившегося до 1933 года своими антисемитскими

---

³⁴ Этот конкордат был объектом многочисленных исследований. Он ни в коем случае не означал согласия церкви с нацизмом, а выражал стремление юридически защитить то, что было еще возможно: свободу вероисповедания, свободу учебных заведений, свободу действия благотворительных организаций. На самом же деле Гитлер в очередной раз не сдержал своего слова, и католическая церковь стала в дальнейшем объектом многочисленных репрессий. Но она осталась разделенной на сторонников политики наименьшего зла, старавшихся «договориться» с нацистским режимом и руководимых монсеньором Бертрамом, и сторонников политики непримиримости, во главе которых были архиепископ Мюнхенский монсеньор Фаульхабер, епископ Мюнстерский монсеньор фон Гален, епископ Берлинский монсеньор фон Прейзинг и епископ Кельнский монсеньор Фрингс. Однако сейчас ясно, что этот конкордат смог смутить многие умы и толкнуть некоторых на законное сотрудничество с режимом, следуя примеру, данному, казалось, сверху.

сочинениями³⁵. Клаус также не уловил неоязыческие тенденции режима. Он просто отметил, что раз церковь больше не выступает против режима, значит, нет никаких проблем.

Напротив, будучи человеком военным до мозга костей, он восхищался первыми успехами немецкой дипломатии или, скорее, первыми поднятиями головы: выход из состава Лиги Наций в октябре 1933 года или официальное объявление о перевооружении армии, начатое по приказу генерала Бека от 14 декабря 1933 года и предусматривавшее увеличение вооруженных сил за четыре года с 21 до 67 дивизий, на что международное сообщество отреагировало лишь словами. Это было триумфом рейхсвера. Что же касалось штурмовиков СА, которых армия терпела за неимением лучшего, то с ними было жестоко покончено 30 июня 1934 года во время «Ночи длинных ножей». С согласия и при пособничестве высшего военного руководства отряды СС во главе с начальником личной охраны фюрера Зеппом Дитрихом менее чем за двое суток обезглавили весь штаб штурмовых отрядов СА. Командир штурмовых отрядов Эрнст Рем, хотя и стоял вместе с фюрером у истоков движения, был убит. Армия с восторгом встретила известие об этой коричневой Варфоломеевской ночи. В лице генерала фон Бломберга она поблагодарила канцлера за то, что тому удалось избежать гражданской войны³⁶. Штауффенберг отпраздновал это событие в офицерской столовой вместе с однополчанами. По свидетельству Хассо фон Мантейфеля, он даже воскликнул: «Дело сделано, наконец-то мы у себя дома». Настал конец коричневому сброду, который позорил военные ценности. Настал конец шумным агитаторам, выставявшим напоказ пролетарскую вульгарность и рабочую косноязычность. Национал-социализм, казалось, становился все больше и больше народной идеологией, все дальше отходил от социализма, то есть становился все более приемлемым.

Впрочем, можно было предположить, что не когда разделенное население само возродится во вновь обретенном единстве. Разве после смерти президента Гинденбурга 2 августа 1934 года не народ ли ратифицировал 19 августа большинством в более чем 90 % голосов закон, по которому «функции президента рейха объединялись с функциями канцлера»? Даже если около 5 миллионов немцев не приняли участия в голосовании, это была настоящая поддержка народа. И вот Гитлер стал *рейхсфюрером* и, следовательно, главнокомандующим вооруженными силами. Третий рейх стал свершившимся фактом. Ему суждено было просуществовать тысячу лет. Снова возродилась империя, бывшая поочередно римской, оттоновской, саксонской, гогенштауфенской, габсбургской, вильгельмовской. Империя, о которой столько говорили, о которой грезили, которую идеализировали до такой степени, что каждый видел в ней воплощение своей мечты. Империя, которую все воспитанные немцы носили в сердце. Мало было тех провидцев, которые заметили, что крест Христа³⁷, который со времен Константина и Феодосия воплощал в себе имперскую идею, был подменен другим крестом, доведшим эту идею до абсурда.

Двойственность учителя

Возбуждение, которое охватило Германию после прихода Гитлера к власти, сильно затронуло и маленькую группу членов кружка «Тайная Германия». Всех их увлекло новое развитие событий, наступление эры, которая обещала стать героической. Однако, вопреки тому, что принято говорить, вовсе не там следует искать объяснение поступкам Штауффенберга, будь то несколько холодное принятие режима вначале или первые попытки сопротивления ему. В

---

³⁵ Результатом этого стал раскол между официальной церковью и миноритарной «исповеднической церковью», которая, согласно исповеди Бармена, отказалась смешивать христианскую веру с паганизмом и расизмом. Она была прославлена такими блестящими умами, как пасторы Дитрих Бонхоффер и Мартин Немеллер.

³⁶ Штурмовикам СА инкриминировали подготовку социалистического переворота.

³⁷ Это, естественно, касается католической Священной римской империи, католической Австро-Венгерской империи, а также Второго германского рейха, где доминировал протестантизм. «Война религий» не была направлена против христианства, это была борьба против владычества Рима, борьба за свободу национальной христианской религии – протестантизма, как ее называли основатели учения.

этом невозможно найти объяснение идеологической изоциренности нового режима, разве только некую внутреннюю потребность самого Клауса, которая, после того как он понял ужасную природу режима, не могла ему позволить долгое время мириться с ним.

На самом деле Штефан Георге остерегался открыто высказывать свое мнение относительно нового канцлера. Будучи королем двусмысленности, он выражался как сивилла, и его слова можно было толковать по-разному. В сентябре 1933 года, уехав в Минузио, в Тессене, для лечения туберкулеза, от которого и скончался, он сообщил своим друзьям, что «слишком долго прожил, чтобы делать выбор». Он ограничился лишь уточнением, что не изменил отношения к своим ученикам, которые продолжали оставаться дорогими ему, независимо от того, были они католиками, протестантами или евреями. В то же самое время, как сказал Роберт Бохрингер, будущий распорядитель по завещанию и ярый противник нацистов, «была еще записка от него, которую гонители или гонимые могли использовать для защиты своего дела». Он молчал. При этом не был очарован. Его героями были Цезарь, Александр, Наполеон, Бисмарк, Гинденбург. По его мнению, от Гитлера сильно несло заурядностью. В ходе разговора с тем же Бохрингером он сказал: «У всех на шее будет веревка, чтобы повеситься». И добавил к рассказу о совершенных штурмовиками жестокостях: «Это в порядке вещей, палачи редко бывают любезными».

Но в публичных выступлениях он был более сдержан. В феврале 1933 года режим начал очищать Прусскую академию наук и искусств от «декадентов». Были изгнаны такие талантливые люди, как Томас Манн, Фриц фон Унрух, Франц Верфель и Георг Кайзер. На их место пришли писатели-«народники», проповедовавшие до тошноты китч деревенской идиллии. Министр науки и культуры Пруссии Бернхард Руст был этим сильно обеспокоен. Не станет ли его академия пристанищем посредственных литераторов? И тогда он основал Академию поэзии. Президентом ее должен был стать Штефан Георге. Не он ли был самым знаменитым из живых поэтов, писавших на немецком языке? Чтобы уговорить его, министр не останавливался ни перед чем. Сам фюрер попросил поэта оказать такую честь. Ему не надо было бы никуда переезжать. Это была чисто формальная должность. Несмотря на настояния своего ученика Эрнста Морвица, приехавшего к нему в мае 1933 года из Берлина, Георге отказался письменно в таких двусмысленных выражениях, что было непонятно, одобрял он это, не одобрял или просто уходил в сторону: «Следует приветствовать создание этой академии, осененной столь великим национальным символом, которая, возможно, приведет к хорошим результатам. Но я вот уже полвека пишу стихи, я направлял немецкий ум (*sic*) без академии, а если бы таковая существовала, я, возможно, делал бы это вопреки ей [...]. Я не отказываюсь от того, что стоял у истоков нового национального движения и что оказал на это некоторое духовное влияние. Но то, что я мог сделать, я уже сделал. Молодые люди, что меня окружают, придерживаются того же мнения [...]. Законы разума и политики очень сильно отличаются друг от друга [...]. Я не могу доверить лидеру режима давать оценку моему труду и определять его значение».

Смерть, забравшая поэта 4 декабря 1933 года, навсегда лишила его возможности объяснить эту его позицию. При виде этой двойственности учителя члены «Государства Георге» также пошли совершенно разными путями. Большинство из них поддержали Третий рейх. Историк литературы Эрнст Бертрам восклицал: «Новая Германия наконец-то рождается и обретает плоть». В пожеланиях к 65-летию поэта Рудольф Фарнер³⁸ радовался тому, что благодаря нацизму «внутренняя потребность превращает массу в аристократический принцип [...] и подготавливает ее к пришествию нового человека [...], пропитанного поэтическим духом». Скульптор Франц Мехнерт в больших количествах стал лепить бюсты Гитлера и принял участие в возведении монумента в честь штурмовых отрядов СА в Магдебурге. Один из кузенов Штауффенберга, Вольдемар фон Юксюль, вступил в партию и в СА. В июле 1933 года он прочитал лекцию в Университете Тюбингена на тему «Революционная этика в творчестве поэта Штефана Георге». Он соединил Адольфа Гитлера с писателем. «Идея фюрера» в политическом плане, по его мнению, была тем же самым «магистральным взглядом», что прослеживался в

³⁸ Один из учеников Штефана Георге.

плане поэтическом. Она должна была позволить восстановить «порядок и дисциплину, свойственные государству в понимании этого слова Георге». Хотя братья Штауффенберги и последовали за этим движением, они все же без восторга восприняли подобное сравнение, посчитав его гротескным и почти оскорбительным. После сенсации в Тюбингене Бертольд написал: «Бедный Вольди слишком многое наболтал. К счастью, никто его не воспринимает всерьез».

Но братья Штауффенберги не были и на стороне противников режима, представленных любимым учеником поэта и официальным наследником Робертом Бохрингером или молодыми друзьями поэта, евреями Карлом Вольфскем и Эрнстом Канторовичем. Последний был глубоко огорчен выходом весной 1933 года «законов о реформе функций государства», согласно которым государственным служащим еврейской национальности, за исключением отдельных случаев, предписывалось подать в отставку. Его положение бывшего фронтовика давало ему возможность не подавать в отставку. Но он предпочел уехать за границу. Поводом для этого послужило полученное им приглашение на работу из оксфордского «Нью Колледжа». Но он продолжал поддерживать переписку с Георге. Эти письма очень увлекательны, поскольку показывают увлеченность поэта, имперскую мифологию, в ней содержащуюся, и силу национального чувства, с ней связанного. Даже когда начались репрессии против евреев, Канторович в июне 1933 года продолжал все еще выражать «свое глубоко положительное отношение к национальному рейху» и сожаления о том, что «фатальное стечение обстоятельств не дает ему, как еврею, возможности способствовать обновлению рейха». В другом своем письме он продолжил эту тему, взывая в своих пожеланиях «к той Германии, которую любит Учитель», к священной Германии, нынешний образ которой является лишь трагической карикатурой идеала, к Германии, которая наилучшим образом отвечала бы имперской идее. Он цитирует Фридриха II Гогенштауфена, сказавшего «Империя происходит от человека», и выражает надежду на то, что «настоящее движение в конечном счете может быть возглавлено нами». Хотя основная мысль этой переписки не оставляет никаких сомнений, все равно встает вопрос: следует ли стоять в стороне от движения или лучше возглавить его, чтобы придать ему нужное направление? Можно себе представить, насколько соблазнительной была эта мысль для менее мудрых умов.

6 декабря 1933 года похороны Штефана Георге наглядно проиллюстрировали всю противоречивость членов его кружка. В Минузио, что в полчасе езды от Лугано, собрались все его ученики, как пронацистски настроенные во главе с Францем Мехнертом, так и антинацисты во главе с Робертом Бохрингером. Весь этот небольшой мирок мирно обсуждал один вопрос. Надо ли было отвезти тело великого человека в Германию, где его останками воспользуется в своих целях режим? Или следовало оставить его покоиться вечным сном в этом залитом солнцем краю, который он сам для себя выбрал? Следовало ли соглашаться на официальную церемонию с участием представителей режима или ограничиться похоронами в кругу близких? Вопросов было очень много, но Бохрингер в качестве наследника принял такое решение: хоронить здесь, в Швейцарии, в присутствии у гроба одних лишь учеников. Штауффенберг попытался смягчить последствия столь резкого решения. Будучи одновременно дипломатом и законопослушным гражданином, он тайно сообщил генеральному консулу Германии о дате и месте похорон, намекнув при этом, что присутствие официального представителя было бы нежелательным. Венок от фельдмаршала Гинденбурга стал знаком почтения нации, отсутствие представителей власти подчеркнуло, что поэт унес свою тайну с собой в могилу. Даже относительно гроба развернулась война символов. Рядом с лавровым венком с черно-бело-красной лентой был другой венок с лентой со свастикой. Какая-то неизвестная рука убрала этот венок. Франц Мехнерт заказал новый венок. Его опять убрали. И само последнее прощание указывало на различие позиций. Одни перекрестились, другие вытянули руку в нацистском приветствии. Клаус отдал честь по-военному.

Сделка с дьяволом

Анахронизм, естественно, представляет собой ужасную опасность, подстерегающую историка. Глупо выносить суждения ретроспективно, со знанием того, что уже произошло,

относительно поведения тех, кто действовал, не зная того, что будет с ними в дальнейшем. История, впрочем, не ставит своей задачей ни осуждать, ни оправдывать. Ее задача в том, чтобы констатировать и понять. Именно поэтому есть необходимость подробнее остановиться на основных причинах признания молодыми братьями Штауффенберг нацистского режима. Это тем более интересно, что их жизненный путь повторил судьбу большей части немецкой элиты.

Прежде всего, хотя это и не понравится тем, кто пытается восхвалить их посмертно, эта поддержка режима, пусть и частичная, не вызывает никаких сомнений. Не существует никаких документов Клауса, которые задним числом освещали бы его взгляды времен 1933–1934 годов. Его расстреляли ночью, сразу же после неудачной попытки покушения 20 июля, и у него не было времени на то, чтобы высказаться. А вот Бертольда долго пытали в гестапо. Возможно, что он, желая спасти жизнь, несколько исказил намерения брата. Но это представляется маловероятным, поскольку он слишком хорошо знал нацистов, чтобы строить иллюзорные планы спасения. Что мы видим в его показаниях? Что он поддерживает «основные направления национал-социализма»: «идею лидерства фюрера», общества порядка, «единство нации», единение народа в противовес универсализму братьев Люмьер, главенство общих интересов над интересами отдельных людей, культ действия, триумф воли, поддержка «духа земли против духа больших городов», верховенство одной нации «по крови и по земле» и установление нового типично германского порядка. Относительно «еврейского вопроса» он был против всякой политики уничтожения, но за политику отделения или отстранения от общественной жизни. Объясняя причины своего вступления в сопротивление режиму, он обосновал тем, что «все или почти все основные идеи национал-социализма были искажены режимом до неузнаваемости в ходе их претворения в жизнь». Клаус, должно быть, придерживался примерно тех же взглядов.

Как же столь образованные люди, с детства воспитанные на Гете, Шиллере или Хелдерлине, дали увлечь себя такой бредовой идеей? Не привлекая сюда идею о некоем «специфическом немецком пути»³⁹, который сделал бы неизбежной нацистскую трагедию, мы ясно видим, что целый ряд исторических и культурных факторов сделал возможным принятие гитлеровского режима такими образованными людьми, как братья Штауффенберг.

Первой, самой верной причиной этого является то, что они не знали ни подлинного содержания, ни конечных целей режима. В «*Майн Кампф*» черным по белому были написаны цели и расистские бредни Гитлера. Но ее надо было еще прочесть. У нас есть доказательства того, что Клаус не читал эту нескладно написанную и объемистую книжонку. Лишь в конце 1935 года, готовясь к экзаменам в Военную академию, он попросил свою жену Нину достать ему это издание «по максимально возможной низкой цене, поскольку это вообще ничего не стоит». До того времени он знал лишь выжимки из нее, подготовленные прессой, тщательно умалчивавшей самые кровавые призывы, в частности призывы «вычеркнуть евреев из немецкой жизни». Хотя такие газетенки, как «*Атака*» или «*Штурмовики*», и публиковали очень резкие провокационные статьи, маловероятно, чтобы такой интеллектуал, как Штауффенберг, их читал. Он считал их капустными листьями второго сорта, в которых отражались лишь бредовые мысли их редакторов. Кстати, о физическом уничтожении евреев нигде никогда не печаталось. Принятое на конференции в Ванзее в 1942 году «окончательное решение»⁴⁰ держалось в строжайшей тайне и никогда не обнародовалось. В первые годы существования Третьего рейха он, вероятно, полагал, что антисемитизм в стране походил на тот, что уже давно царил в

---

³⁹ Теория, по которой «немецкая катастрофа» вписывалась в историю, политику и культуру Германии со времен Лютера, Фридриха II и Бисмарка. Метания страны якобы были результатом ее «отсталости» по сравнению с другими странами Запада. Эта мысль, часто высказывавшаяся после войны, сегодня во многом потеряла свою актуальность. И все же некоторые из современных историков все еще упоминают ее в своих работах. К ним относятся Ганс Ульрих Вехлер или Хайнрих Август Винклер, автор знаменитого труда «Долгий путь на Запад», опубликованного в Мюнхене в 2000 году.

⁴⁰ Историки до сих пор спорят о том, когда было принято это «окончательное решение». См. работу Эдуарда Юссона «Гейдрих и окончательное решение», 2008. Здесь мы спорить не будем. Для нас главное – знать, когда именно Штауффенберг узнал о политике уничтожения инородцев в Третьем рейхе.

Германии⁴¹. Он старался любой ценой смириться с этим. Во всяком случае, он не оценил радикальный и неслыханный разрыв нацизма с тем режимом, что был в стране до него.

Антикоммунизм был еще одним важным фактором его поддержки коричневой революции. Коммунистическая угроза для Штауффенберга не была неким отвлеченным понятием. В свои первые годы жизни, в возрасте, когда травмы могут стать неизлечимой болезнью, он видел демонстрации спартаковцев, патрулировавших улицы Штутгарта активистов «*Рот Фронта (Красного фронта)*» с физиономиями висельников, «избиения аристократов», выражаясь словами его матери, его дядю Нукса, вынужденного бежать в одежде рабочего, не говоря о своих кузенах, павших в качестве заложников от пуль коммунистов в ходе событий в Баварии. Очень рано из рассказов вернувшейся из России тетки он узнал о ГУЛАГе, когда это понятие еще не было широко известно, а красное варварство было ему хорошо знакомо. Конец его детства носил клеймо осязаемого, реального страха, который испытывали все люди, его окружавшие. Не говоря уже обо всех тезисах Эрнста Нольте⁴² относительно аналогии ГУЛАГа и Аушвица, которые очень подходили для случая Штауффенберга. Страх перед большевиками, механизм уничтожения целого пласта общества, определенного в качестве врага пролетариата, сильно ослабили его способность противостоять национал-социализму и антисемитизму. Он не далеко ушел от абсурдного и преступного силлогизма, выдвинутого Нольте: многие руководители коммунистов – еврей⁴³, коммунизм – враг, значит, надо истребить евреев. В письме от 13 июня 1933 года он так и написал Бертольд: «Теперь мы избавились, по крайней мере в рейхе, от еврейско-большевистской чумы».

Ключевую роль в присоединении к ценностям «консервативной революции» сыграло именно это отвращение. Мы помним, как Клаус с жадностью прочел книгу Освальда Шпенглера «*Пруссачество и социализм*». В ходе обысков после покушения гестапо нашло у него дома с его пометками на страницах такие книги, как «*Трудящийся*» Эрнста Юнгера и «*Третий рейх*» Артура Меллера Ван дер Брука. Это движение было разноречиво, даже противоречиво⁴⁴. Но у него была общая точка: ненависть к демократическим, либеральным западным «утопиям», культ инстинкта в противовес разуму, пристрастие к порядку, чувство самопожертвования, пренебрежение к буржуазному счастью, героизация жизни, предрасположенность к «тотальной мобилизации»⁴⁵ в пользу государства и, главное, горячая ненависть к капитализму, к экономическому либерализму и к Америке, воспринимавшейся им матерью всех препятствий к величию. «Либерализм – это гибель народам», – написал Меллер Ван ден Брук. Ему бы хотелось видеть «бесклассовое общество крестьян и солдат». Тирады Штефана Георге против американизации мира или мистико-политические высказывания Клауса являются звеньями той же цепи. Поэтому не без основания Фридрих фон Хайек⁴⁶ отметил, что противники либерализма как справа, так и слева соединяются на трагическом уклоне, который ведет к коммунизму или к

⁴¹ См. по данному вопросу труд *Петера Лонжериха* «Мы не знаем. Немцы и окончательное решение», 2008.

⁴² Это стало причиной громкого спора между историками в 1986–1987 годах. Его тезис об «анalogии» ГУЛАГа и Аушвица и о диалектической схожести большевизма и национал-социализма был расценен левыми немцами, в частности Юргеном Хабермансом, как попытка оправдать нацизм. Внимательное прочтение его трудов показывает, что ничего подобного он делать не намеревался, просто он осветил одну из тем среди многих других, которую не следовало недооценивать. Его основные работы были опубликованы и собраны во французском переводе в 2008 году в сборнике «*Фашизм и тоталитаризм*», под редакцией Стефана Куртуа, автора работы «*Черная книга коммунизма*».

⁴³ Карл Либкнехт, Роза Люксембург, Троцкий, не говоря о других.

⁴⁴ Это движение глубоко изучил *Луи Дюпье* в работе «Консервативная революция», 1992.

⁴⁵ Название опубликованной в 1931 году книги Эрнста Юнгера.

⁴⁶ См. «Дорога к рабству».

фашизму. Как часто за сладкой музыкой антиамериканизма слышится нарастающий мотив тоталитаризма. Клаус не был исключением из правил. Для него нацизм казался «консервативной революцией». Даже если нацизм это понятие искажал и ломал, все происходило в цивилизованной стране⁴⁷. И поэтому было очень непросто выработать в себе противоядие, необходимое для ясного понимания феномена нацизма!

И потом, Штауффенберг был аристократом до кончиков ногтей. Для него это был не просто вопрос наследственности, равенства класса. Никакого снобизма. В его письмах прежде всего прослеживается дух кастовости. По его мнению, аристократия должна руководствоваться принципом «происхождение обязывает». Благородное происхождение обязывало быть лучшим, презирать блага этого мира, быть готовым к высшему самопожертвованию, быть руководителем своих подчиненных и гордиться своими начальниками, короче говоря, служить, и это было «любимым словом тех, кто любит командовать». Оно также обязывало воспитывать себя, принимать участие в самых высоких умственных изысканиях. А там уже не было ни положения, ни титулов, ни знаков различия. Было лишь единство высших умов. Кружок Штефана Георге был тому наглядным подтверждением. Лучшие представители немецкого дворянства были объединены в нем с высокообразованными представителями буржуазии. А поэт без всяких комплексов демонстрировал свои 36 колен разночинцев. Гениальность нацизма заключалась в том, что он сумел привлечь на свою сторону все ценности и фразеологию аристократии. Клаус попался на это, как и многие другие⁴⁸. Хотя у нас и нет свидетельств того, что он читал Альфреда Розенберга, главного теоретика гитлеровского расизма, и его произведение «*Мифы XX века*», но нам известно из его переписки с Бертольдом, что он с интересом познакомился с трудами Вальтера Даррэ, другого идеолога партии. Тот стоял во главе крестьянского движения рейха и опубликовал, в частности, знаменитую книгу «*Новое дворянство крови и земли*», воспевавшую крестьян, колонизаторов и воителей. По его словам, нордический крестьянин являлся «прообразом прусского офицера». Хотя он и осуждает бандерильи древнего немецкого дворянства, якобы выродившегося в процессе урбанизации, он призывает его встряхнуться и образовать вместе с новыми колонистами «*Жизненного пространства*» элитный класс на основе наследственных владений, «*владельцев поместий*». Труд этот весьма сумбурен. Но можно предположить, что Штауффенберг вполне мог прислушаться к нему как солдат, а главное – как сын разорившегося владельца земли. В одном из писем к отцу, относящихся к моменту его поступления на военную службу, он выразил сожаление о том, что их поместье Лаутлинген недостаточно обширно, чтобы позволить ему вести «достойную жизнь землевладельца – деревенского дворянина». Земля, природа, дворянство, почва, наследные владения – все эти слова не могли оставить его равнодушным.

А насилие! Как же такая большая изысканная борзая, как Штауффенберг, могла смириться с грубыми руками в коричневой рубашке, для которых дубина заменяла любые аргументы, или же с клоунами, которые с каждым словом источали ненависть? Прежде всего потому, что после прихода Гитлера к власти вполне можно было предположить, что насилие и ненависть утихнут. При отсутствии противника больше не было ежедневных стычек между активистами компартии и отрядами штурмовиков СА, в результате которых в смутные времена Веймарской республики ежегодно погибали десятки людей. Государство провозгласило «закон и порядок». Насилие стало прерогативой самого государства. Став государственной политикой, оно прикрылось той же респектабельностью. И пугало значительно меньше, чем спонтанная дикость.

Но главное было не в этом. В 1933 году зверство, смерть и кровь были в порядке вещей. Со времени окончания Первой мировой войны прошло всего пятнадцать лет. Она повсюду

---

⁴⁷ Особенно ему понравилось запрещение профсоюзов, вместо которых был создан Германский трудовой фронт под руководством д-ра Лея, а также провозглашение хартии труда, учредившей нечто похожее на корпоративное сообщество, в котором исключалась классовая борьба, охарактеризованная как «подрывная деятельность».

⁴⁸ См. работу Штефана Малиновского «От короля к фюреру, немецкая аристократия и национал-социализм», 2003. Там дан подробный анализ взаимоотношений между дворянством и национал-социализмом. Однако этот почти полностью обвинительный труд вызывает серьезные возражения, поскольку приравнивает «попутчика» к убежденному нацисту и не вполне учитывает изменения взглядов в период между 1920 и 1945 годами.

оставила свои отпечатки. На улицах инвалиды, калеки, перекошенные и опухшие лица, наподобие Отто Дикса, напоминали о том, что плоть создана как для пушек, так и для любви. В условиях ада современной войны жизнь не стоила ничего, ее беспощадно убивали лавины огня и железа. Те, кому в 1914 году было двадцать лет, гибли на фронтах. Они же и убивали. Прочтите Ремарка или Юнгера, они пишут об одном и том же. У людей появилась привычка выпускать таким же людям кишки с помощью гранаты, штыка или тесака. После нескольких месяцев было уже все равно: перерезать ли горло часовому или какой-нибудь косуле после охоты. В книге *«Война как внутреннее переживание»* Эрнст Юнгер очень хорошо передает состояние умов того траншейного поколения, «чей атакующий порыв разметает по ветру, как осенние листья, все ценности этого мира». Это, пишет он, «новое человечество, солдат-гренадер, элита Центральной Европы. Совершенно новая раса, умная, сильная, полная воли [...]. Эта война не была финалом насилия, она стала его прелюдией». Для понимания того, что раздирало Европу с 1920 по 1930 год, не будем забывать этот важнейший фактор. Ставшие взрослыми людьми, достигнув сорокалетнего возраста в 1933 году, они прошли школу Верденской мясорубки или битвы на Сомме. Они принимали смерть или несли ее, все четыре года жили в условиях варварства. Для Германии это было еще более верно, чем для других стран, потому что она испытала позор поражения, пережила гражданскую войну, где добровольцы на Востоке не имели никакого контроля.

Штауффенберг войны не знал. Но готовился к ней. Рассказы, книги, воспоминания родных, разговоры в казарме, версальский диктат. Все это было связано с войной. Все к ней же и возвращалось. Его мир был полон насилия. Поэтому насилие со стороны нацистов не должно было слишком сильно шокировать его, особенно если оно казалось ответом на грубое насилие со стороны большевиков.

И наконец, сердцевиной молчаливого признания были глубоко укоренившиеся в мозгу этого высокообразованного офицера идеализация жизни, ее доведенная до крайности поэтизация, презрение к конкретности, борьба с реальностью, словом некая разновидность высокомерной аполитичности. Это толкование дал нам Иоахим Фест, раскрыв его в монументальной биографии Гитлера⁴⁹: все основывалось на «презрении к реальной жизни, сопровождавшемся все более откровенным презрением к политике [...], бывшей реальностью в самом прямом и самом навязчивом смысле слова: частью чего-то вульгарного, "доминирования посредственностей", как название одной известной книги двадцатых годов». При этом Фест процитировал среди прочих Томаса Манна⁵⁰ и Вагнера. Первый в своей работе *«Размышления аполитичного человека»* защищает немецкое братство от «терроризма рационалистской западной политики» и уже самим названием книги объявляет «свою романтическую цель, далекую от реальности, и традиционную ностальгию об аполитичной политике». Второй зашел еще дальше, написав Францу Листу, что «человек, занимающийся политикой, отвратителен» и что во имя «царской и артистической личности» индивидуума он под удары цимбал предсказывает «смерть политики и пришествие человечности». Столкнувшись с трагедиями послевоенного периода, немецкие мыслители спрятались «в выдуманный ими мир эстетики и мифологии». Теории «Кинжала», международного еврейского, капиталистического, коммунистического или масонского заговоров отражают все тот же интеллектуальный уклон, «бегство от реальности в выдуманный мир романтических категорий предательства, одиночества и притворного величия». Клаус был идеальной жертвой такой промывки мозгов. Знаменитая речь Гитлера в Потсдаме не могла не тронуть его сердце: «Германия, истерзанная, раздробленная, обескураженная, со сломленной волей, теряет всю энергию для налаживания своей жизни [...]. Эта нация певцов, поэтов и мыслителей мечтала о другом мире, и потребовалось, чтобы трудности и нищета обрушились на нее с нечеловеческой силой, чтобы в

---

⁴⁹ См. книгу *«Гитлер»*, 1973. Он также является автором замечательной истории немецкого Сопrotивления, которая недавно была переведена на французский язык: *«Немецкое Сопrotивление Гитлеру»*, 2009.

⁵⁰ Даже несмотря на то, что он выступил против нацизма с известной нам отвагой, он не объяснил четко слова этого произведения, опубликованного в 1918 году.

ней проснулась тайная ностальгия о новом возвышении, о новой империи, а также о новой жизни». Слова, одни слова, искусство, опять искусство. Клаус хотел стать архитектором. Как он мог не поддаваться этому призыву Гитлера, который вместе со Шпеером мечтал возводить соборы новой империи: «И если сегодня Господь делает воинами поэтов и певцов, он также делает воинами и архитекторов, которые постараются оставить свой неизгладимый след в этих сооружениях высокого искусства, которых еще не знала история. Это государство не должно быть державой без культуры, силой без красоты»⁵¹. Залитые светом соборы Нюрнберга тоже участвовали в этом движении: «Волшебные стены [...] против внешнего темного и грозного мира». Заканчивая с Иоахимом Фестом, «то, что Гитлер снова придал политике тон глубокой фатальности, примешав туда элемент дрожи, позволил ему срывать овалы и привлечь сторонников даже из среды тех, кто не разделял ни его стремление к захвату жизненного пространства, ни его антисемитизм, ни свойственные ему вульгарность и грубость». Несмотря на свои прочные моральные и эстетические взгляды, Штауффенберг пал, став жертвой «эстетического подхода к политике»⁵², разоблаченного философом Вальтером Бенжамином.

На службе Великой Германии, преданность и первые сомнения

Для патриота это было тем более легко, что в первые годы нацизма Гитлер с завидной легкостью одерживал одну победу за другой. В 1935 году Саарская область вновь вошла в состав рейха, вновь была введена всеобщая воинская повинность, создан новый вермахт. В 1936 году состоялась оккупация левого берега Рейна, бывшего демилитаризованной зоной по Версальскому договору. В 1938 году произошел *аншлюс* Австрии без единого выстрела, вызвавший лишь дипломатическую болтовню без серьезных последствий. В экономике он тоже пожинал лавры. Тяжелая промышленность стала развиваться неимоверно быстрыми темпами, индекс поднялся с 46 в 1932 году до 143 в 1939 году. Индекс производства средств потребления подпрыгнул с отметки 78 до 112. Главный бич послевоенной Германии, безработица, казалось, тоже была побеждена: в 1932 году было 6 миллионов безработных, а в 1937 году их было всего 1 миллион. И хотя эти успехи были обманчивыми, так как они являлись результатом ориентации всей экономики на нужды войны, это ничего не меняло. Германия сияла силой и молодостью в образе тех «богов стадиона», которые побеждали на Олимпийских играх 1936 года в Берлине.

Поэтому Штауффенберг, естественно, ничуть не жалел о том, что принес присягу верности фюреру. Честно говоря, у него и выбора-то не было. 2 августа 1934 года, после смерти Гинденбурга, как и все офицеры, унтер-офицеры и солдаты Германии, построившись в каре на плацу перед казармой, он принял присягу, которую требовал маленький капрал из Браунау: «Я торжественно клянусь перед Богом в любой обстановке подчиняться Адольфу Гитлеру, фюреру рейха и немецкого народа, Верховному главнокомандующему вооруженных сил. Я обязуюсь всегда действовать как отважный солдат и соблюдать данную присягу, пусть даже ценой моей жизни». С того дня он оказался связанным с проклятой душой Германии священными узами клятвы, самыми сильными, какие только были в эстетике аристократии, еще пропитанной феодальным ритуалом чинопочитания.

Клаус блистал в армии, которая с каждым днем возрождалась. Будучи специалистом по минометам, он с увлечением принял участие в моторизации 17-го Бамбергского полка. Один эскадрон был оснащен самодвижущимися пулеметами, разведывательный эскадрон пересел на мотоциклы. Он добился того, чтобы полковая артиллерия передвигалась на прицепе у грузовиков, чтобы она могла успевать за передовыми подразделениями и быть ближе к линии огня. Одновременно он продолжал питать страсть к верховой езде. В 1934 году он был назначен главным конюшим полка. В его обязанности входило ежедневно ездить на четырех или пяти

⁵¹ На съезде партии в 1937 году.

⁵² Именно это и имел в виду Лео Блум, написав: «Коммунизм – это прием, социализм – мораль, фашизм – эстетика».

лучших лошадях полка. На каждом конкурсе он завоевывал медали и кубки. Кстати, на одном из них он едва не сломал себе шею. И в феврале 1936 года вынужден был провести несколько недель в госпитале. Несмотря на рану, он не отступался от своей ближайшей цели: поступления в Военную академию в Берлине, обязательном условии для «получения звезд». В июне 1936 года он с блеском сдал вступительные экзамены. Среди оценок экзаменаторов можно, например, увидеть такие, как «отличное умение оценивать тактическую обстановку», «замечательная четкость отдачи приказаний», «большое хладнокровие».

Хотя он не сомневался в выборе воинской карьеры, его уже тогда начали одолевать сомнения в режиме. Уже в начале 1934 года, когда он позировал Францу Мехнерту для скульптуры в честь штурмовиков СА, он отказался надевать их форму со словами: «Никогда не позволю увековечить себя в форме СА». В этом можно было бы увидеть лишь высокомерие военного. Но спустя несколько месяцев после этого он пришел в ярость, узнав, что отныне офицерам предписывалось носить свастику на фуражке и на мундире. «Это может обернуться, – написал он брату Бертольду, – серьезными последствиями для будущего армии». Он хотел быть солдатом Великой Германии, а не солдатом партии. В 1935 году он сделал первый шаг. В одной из статей газеты «Штюрмер», этого антисемитского листка сексуального маньяка⁵³ гауляйтера Юлиуса Штрейхера, Штефана Георге сравнили с «самым отъявленным еврейским дадаистом». Кровь Штауффенберга закипела. Он написал в Министерство пропаганды письмо, в котором выразил свое возмущение «как солдат и как немец». С той поры он не переставал бороться за запрещение газеты «Штюрмер» в войсках. В 1935 году это было сделано. Но, радуясь этому, он посетовал Бертольду на то, что «такие ошибки и такие отвратительные действия возведены нацистами в ранг законов государства». Если верить его командиру эскадрона Вальцеру, он, будучи под влиянием речи в Магдебурге в 1934 году, в которой католик по вере вице-канцлер фон Папен предупредил об угрозе, нависшей над свободой вероисповедания, и якобы рассматривал «возможность силового уничтожения нацистской системы».

Перебравшись на два года в Берлин с женой и детьми, он стал слушать лекции в Военной академии с очень серьезным видом, хотя и относился к некоторым из них критически. Когда лекция казалась ему скучной, он доставал из кармана газету и читал ее, не очень прячась. Его страсть к действию была чужда тихой атмосфере амфитеатров. Он принял участие в формировании кавалерийского училища в Крампнице, ставшего позднее одним из центров подготовки государственного переворота. Его командир, генерал Крамер, докладывал, «что он был моим самым спокойным и самым ценным помощником в ходе реорганизации кавалерии и в переводе училища из Ганновера в Крампниц». В целом подготовка армии шла прекрасно. Американский стажер капитан Ведемейер был поражен тем, какое значение придавалось авиации, огневому взаимодействию родов войск и использованию танков как средства прорыва фронта. Это было воплощение идей Гудериана⁵⁴. Это было совершенно не похоже на американскую или английскую подготовку войск, которая осталась на уровне опыта войны 1914 года, опиравшегося на позиционную войну, предусматривавшую использование танков исключительно для поддержки пехоты. Если это считать доказательством открытости, то Штауффенберг подружился с этим прибывшим из-за океана офицером. Это было исключением. Обычно он не предоставлял такой привилегии своим товарищам по оружию. После военного училища он написал Ведемейеру, что надеялся на то, что «их дружба будет продолжаться, что бы ни случилось в отношениях между их странами». Даже в 1941 году, когда в отношениях между Германией и Соединенными Штатами послышался топот сапог, он через военного атташе Германии в Вашингтоне передал ему, что «его чувства к нему оставались неизменными».

В этом предрасполагавшем к размышлениям мирке он находил оригинальные идеи,

---

⁵³ Он был позже исключен из партии за слишком громкие скандалы на сексуальной почве.

⁵⁴ Автор, вероятно, не очень хорошо знаком с историей военного искусства. Гудериан позаимствовал идею глубокого танкового прорыва и охвата у советских военных теоретиков, когда проходил стажировку в СССР. – Прим. пер.

бывшие иногда пророческими. Он, в частности, принял участие в конкурсе Немецкой академии политики и военного искусства по вопросу применения парашютного десанта. И опять получил главный приз. Текст его работы был опубликован в различных печатных органах армии. Проявив удивительную прозорливость, он предвидел развитие воздушно-десантных войск, которые впервые доказали свою необходимость в ходе Второй мировой войны. Штауффенберг видел две их основные задачи: дезорганизация коммуникаций противника в глубоком тылу методом выброса десанта и подготовка фронта позади боевых порядков противника. Атака бельгийских фортов в 1940 году, действия парашютистов в ходе сопротивления, захват острова Крит, освобождение Муссолини, волны воздушно-десанта 6 июня 1944 года подтвердили правильность его взглядов.

Клаус не ограничивался узким видением военного дела. Он старался быть в курсе отношений с другими родами войск, международной политики. Он ежедневно читал «*Дейли телеграф*», принял участие в конкурсе на знание английского языка, завоевав при этом первый приз, ездил в командировки за границу. В 1936 году в ходе посещения Королевской военной академии в Сэндхерсте он произвел на всех сильное впечатление. Спустя несколько недель он снова приехал в Соединенное Королевство для участия в псовой охоте. Его выправка, умение поддержать разговор, его манера верховой езды очень понравились принимавшим его представителям высшего общества. На охоте он был к лисе ближе всех, чуть позади руководителя охоты. Он играючи преодолевал стенки, заборы, изгороди, препятствия, которые не покорялись самым темпераментным иностранцам. Он всех очаровал. Когда сопровождавший его английский майор Лоу не без вызова сообщил ему, что он еврей, Клаус с улыбкой ответил: «Это не имеет никакого значения, достаточно того, что я знаю, что вы – англичанин и офицер».

Он открыл для себя экономику, в частности прочел работу Кинеса «*Экономические последствия Версальского мирного договора*», по которой приготовил реферат. Он интересовался вероятными противниками рейха. Его, в частности, очень впечатлило полное предчувствий выступление посла Германии в Москве Фридриха фон дер Шуленбурга, который предостерег от любых авантур на Востоке. Нарисовав удивительную картину, тот показал Россию такой, какой она была на самом деле, а не той, какой она виделась Западу: огромной страной, защищенной «генералом Морозом», обладающей огромными людскими резервами и располагающей несметными природными богатствами за Уралом. Он рассказал об этом стойком к испытаниям народе, диком, склонном к фатализму, готовом довольствоваться малым. Он призвал уйти от недооценки этого непоколебимого народа и не переоценивать переживаемые им трудности. Конечно же, коммунистическая экономика не функционирует, в стране царит страшная нищета, но население к этому уже привыкло, а тяжелая промышленность развивается гигантскими шагами. В военной области «большие чистки», обезглавившие Генеральный штаб, несомненно, лишили армию лучших ее военачальников, но ее оборонительная мощь осталась непоколебимой вследствие знания местности, глубины территории и учета климатических особенностей.

Клаус продолжал шагать по служебной лестнице. В январе 1937 года ему было присвоено звание *риттмейстера*, то есть капитана. Но у него была на плечах умная и полная мыслей голова, и от этого сознание его страдало от беспорядка, который уже начал проявляться в Бамберге. В 1937–1938 годах он начал серьезно отстраняться от режима.

Начиная в 1937 года он стал находиться под сильным впечатлением от стихотворения Карла Вольфскеля «*Песнь любви*», посвященного «немцам». Вынужденный покинуть страну, этот еврей, приятель Штефана Георге, выразил в нем всю свою боль. Несмотря на то что на протяжении многих веков его семья служила стране, ее императорам, говорила на ее языке, он был наказан, навсегда изгнан с родины из-за расовых предрассудков, царившей там вульгарности и прихода к власти варваров. Стихотворение заканчивалось отчаянным призывом к борьбе против уничтожения тысячелетней Германии. Стихи расплозились масляным пятном среди членов кружка почившего поэта. Франц Мехнерт был так впечатлен им, что в мае 1938 года попросил прислать ему несколько копий стихотворения. Спустя несколько месяцев после этого он в присутствии Клауса разбил изваянные им бюсты Гитлера. Роберт Берингер с удовлетворением отметил в своем дневнике: «Франц наконец пересмотрел свои взгляды».

Женитьба брата также заставила его более чутко отнестись к судьбам евреев. 11 августа

1937 года Александр женился на Мелите Шиллер, дочери уважаемых в Одессе евреев. Для Штауффенбергов это стало поводом конкретно познакомиться с содержанием Нюрнберских законов от 1935 года, запрещавших браки «арийцев» с «евреями», которые получили статус «выходцев» из рейха и больше никаких гражданских прав. Мелите удалось ускользнуть из этой сети, потому что не было никакой возможности найти документы, подтверждавшие ее национальность. Но она постоянно чувствовала себя в опасности, особенно после вторжения немецких войск в Россию. Клаус и Бертольд помогали ей, хотя следует отметить, что она была частично защищена тем, что работала на военную машину гитлеровцев в качестве инженера-авиастроителя на заводах Юнкерса и даже была награждена за свой труд Железным крестом в 1943 году. Этот брак в любом случае доказывает, что в этой семье не царил обстановка яркого антисемитизма.

«Хрустальная ночь» только усилила эти личные чувства. После убийства в Париже 7 ноября 1938 года Гершелем Гриншпаном секретаря посольства Эрнста фон Рата над рейхом резко подули ветры антисемитизма. 9 и 10 ноября толпы людей, умело подогретых и направлявшихся СА и СС, стали нападать на евреев, грабить их имущество, разорять синагоги. На улицах были разбиты витрины, велась охота за людьми, проходили избиения, вплоть до убийств. В Вуппертале, где стоял гарнизоном полк Клауса, квартиры зажиточных евреев были разграблены, мебель была выброшена на улицу, а сами они стали жертвами самосуда. Вечером 10 ноября были преданы огню обе синагоги города. В тот же вечер он написал Францу Мехнерту, что «эти недостойные кровавые злодеяния заставят весь мир выступить против Германии».

Ему также не понравились чистки, затронувшие высшее командование, и увольнение зимой 1938 года генерала фон Бломберга с поста военного министра, а также смещение генерала фон Фрича с поста Главнокомандующего Сухопутными войсками. Это злило его, тем более что ему были известны основные причины данных отставок. Они прикрывали подлые происки фюрера и его подручных. Уже принявший решение начать военную операцию против Чехословакии, где жило много так называемых судетских немцев, Гитлер был взбешен возражениями Генерального штаба, который в ноябре 1937 года выразил опасение относительно ответной реакции на это со стороны Франции и Англии. Генералы смертельно боялись войны на два фронта, которая в основном и стала причиной поражения в 1918 году. Для того чтобы избавиться от тех, кто связывал фюреру руки, гестапо прибегло к методам, старым как мир. Генералу фон Бломбергу, ставшему вдовцом в первом браке, подсунили молодую красивую женщину, некую Эрну Грюн, которая моментально очаровала военного министра. Конечно, у нее было «некоторое прошлое», она была низкого происхождения, не была ему ровней, не имела ничего, что соответствовало бы кодексу чести немецкого офицера. Бломберг заколебался. Сердечные порывы сдерживались законами сабли. И рассказал обо всем Гитлеру, который посоветовал ему продолжать в том же духе. После всего того, что он сделал для Германии, он имел право на капельку личного счастья. И потом это было поводом показать рождение нового общества, в котором социальные касты уходили в область воспоминаний. Гитлер даже предложил себя в качестве свидетеля на свадьбе. Это была чертовски хитрая ловушка. 12 января 1938 года в здании рейхсканцелярии состоялась церемония бракосочетания. Свидетелями были Геринг и фюрер собственной персоной. Когда генеральская чета вернулась из свадебного путешествия, генералу сказали, что его супруга была официальной проституткой. И даже была осуждена за позирование для порнографических журналов. Этого было вполне достаточно. Бломберг ушел. Подал в отставку. Генерал фон Фич стал жертвой подобной же подставы. Какой-то жиголо-гомосексуал был подкуплен для того, чтобы подать в суд жалобу на сделанные ему генералом предложения. Адская машина была запущена. Поползли разные слухи. Положение главнокомандующего стало невыносимым. И ему тоже пришлось уйти под осуждающими взглядами себе подобных⁵⁵. 4 февраля 1938 года Гитлер мог уже свободно

⁵⁵ Впоследствии было доказано, что это была чистой воды клевета. Но зло уже было сотворено. В 1939 году Фич добровольно нашел смерть в Польше, встав во главе полка, почетным командиром которого являлся. Однако он отказался поддержать генералов, которые планировали сместить Гитлера в разгар Судетской операции под предлогом того, что «этот человек является судьбой Германии, а эта судьба будет навсегда связана с ним».

производить перестановки в высшем командовании. Пост главнокомандующего он оставил за собой. На помощь себе он призвал двух генералов, прекрасно известных своей рабской преданностью фюреру. Вильгельм Кейтель был назначен начальником штаба ОКВ⁵⁶ под непосредственным командованием фюрера. Вальтер фон Браухич возглавил ОКХ⁵⁷ после того, как поклялся быть «готовым ко всему, что от него потребуют», в частности «содействовать сближению армии и национал-социализма»⁵⁸. Для этого были отправлены в отставку шестнадцать старых генералов, сорок четыре генерала получили новые назначения. Старая военная элита перестала существовать как единый орган, пропитанный прусскими традициями и христианскими ценностями. Ей осталось только присутствовать в качестве наблюдателя за судьбой меча, который она позволила вырвать из своих рук.

Со смелостью, делавшей ему честь, при полном амфитеатре, в присутствии своих товарищей Штауффенберг потребовал отчета от одного из высоко поставленных офицеров Генерального штаба. В ответ услышал лишь уклончивые объяснения. Он был в ярости и открылся будущему генералу фон Лоперу. Уже тогда он осуждал трусость людей с большими звездами на погонах. Им следовало бы всем подать в отставку в знак поддержки Бломберга и Фрича. Они «продали своих товарищей по оружию за миску чечевицы», воскликнул он.

Эти первые нарушения субординации тем более расцвели в Берлине, где Штауффенберг находился в окружении умных, хорошо информированных, втянутых в политическую жизнь друзей, которые сдержанно относились к фюреру и к его режиму. Их дома находились недалеко друг от друга. Отношения были почти родственными. В кругу достойных людей можно было говорить открыто. Нацистские прихвостни в этот круг не допускались. Друзья перестраивали мир, сидя после ужина в салоне с сигарой в одной руке и рюмкой коньяка – в другой. Запомним имена гостей того вечера. Почти все они потом стали участниками заговора: директор профсоюза работников металлургии Цезарь фон Хофакер; заместитель префекта Берлина Фридрих Дитлоф фон Шуленбург; дипломат Адам фон Трот цу Зольц; высокопоставленные чиновники Ульрих Вильгельм Шверин фон Шванфельд и Петер Йорк фон Вартенбург, который с самого начала был противником нацизма и создал совместно с Джеймсом фон Мольтке кружок «Крейзау»⁵⁹. Выкраивая время между находившимися в Берлине же Институтом международного права и отделом морского права ОКК⁶⁰, Бертольд тоже частенько встречался с друзьями.

Особого упоминания заслуживает Альбрехт Мерц фон Квирнхайм. Он одновременно с Штауффенбергом окончил военное училище и был одним из самых близких его друзей. Он родился в 1905 году в семье генерала, был примерным католиком и не принял национал-социализма. Он считал, что нацизм, нарушая законы гуманизма, нарушал и законы Божьи. Поблескивавшие лукавством глаза, лысый череп, неиссякаемый фонтан остроумия. Он саркастически высказывался по адресу новой нацистской элиты, знаменитых «золотистых фазанов», выскочек, хамов и затворников. Это очень нравилось Клаусу, обожавшему такие нападки! Они были неразлучны. Вместе ходили на лекции, занимались одними и теми же упражнениями, ездили вместе на стажировку. Разные как по внешнему облику, так и по духу, они прекрасно дополняли друг друга. Клаус был высоким кавалеристом и поэтом, Альбрехт был низкорослым приземленным пехотинцем. Мерц решающим образом помог Штауффенбергу понять настоящую природу нацистского режима. Он прочитал ему «*Майн Кампф*», Хьюстона Стюарта Чемберлена и Розенберга. Показал ему их намерения с ужасной диалектикой. Когда

---

⁵⁶ Верховное командование вермахта.

⁵⁷ Верховное командование Сухопутных войск.

⁵⁸ У Браухича к тому же были проблемы с деньгами, которые фюрер великодушно ему ссудил.

⁵⁹ Назван по имени имения Джеймса фон Мольтке, где собиралась группа оппозиционеров.

⁶⁰ Верховное командование Военно-морского флота.

надо было действовать, они снова были вместе.

Учеба в Военной академии закончилась. 25 июня 1938 года Штауффенберг окончил ее вторым в выпуске, получив лестные отзывы: «Очень осмотрителен [...], обладает врожденным даром командовать, неутомимый труженик, намного выше среднего уровня». Один из его преподавателей даже считал его «достойным более высокой должности». Он вполне мог надеяться на звезды и двойную красную полосу на кавалерийских бриджах, являвшихся знаками различия генералов. 1 августа 1938 года он был назначен заместителем начальника штаба 1-й дивизии легкой кавалерии, дислоцировавшейся в Вуппертале. Под топот сапог начиналась другая история.

Марш на Богемию

В качестве заместителя начальника штаба Штауффенберг занимался вопросами тыла, обеспечения оружием и боеприпасами, транспортом и топливом. Должность эта была не такой престижной, как начальник штаба, занимавшийся оперативными вопросами дивизии. Но она была очень важной, жизненно необходимой для войск. Штауффенберг приложил к исполнению обязанностей всю свою энергию.

После *аншлюса*⁶¹ все начали всерьез говорить об операции против Чехословакии. Под предлогом проведения маневров стороны готовились к войне. 28 мая в присутствии основных руководителей армии Гитлер сказал: «Я принял не подлежащее обсуждению решение в ближайшем будущем покончить с Чехословакией». И назначил дату: не позднее 1 октября. При участии местных нацистов в Судетской области участились приграничные инциденты. С помощью мощной пропагандистской кампании немцы выставили себя жертвами славянского фанатизма. На съезде партии в своей речи 12 сентября Гитлер высказал много провокационных тезисов. Он заявил о «подлом обмане» и о «террористическом шантаже» со стороны правительства Праги. И громогласно провозгласил с трибуны: «Я никоим образом не намерен безучастно наблюдать за притеснениями немецких граждан в Чехословакии. Немцы в Чехословакии не беззащитны и не покинуты. Пусть это запомнят все».

Весь мир затаил дыхание. Штауффенберг вместе с 1-й кавалерийской дивизией был в состоянии повышенной готовности. И старался решить все проблемы, которые вставали перед готовой выступить дивизией. Он весьма критически высказывался о режиме в повседневных разговорах со своим приятелем, сыном бывшего военного министра, капитаном фон Бломбергом, с которым они вместе снимали дом. Но в то же самое время он был охвачен воодушевлением. Ему вскоре суждено было пройти боевое крещение, единственное испытание, которое позволяет человеку узнать, из какого он сделан металла. 9 сентября он написал Францу Мехнерту, что надеется, что маневры перерастут в войну. Охваченный заботами, он, в отличие от большинства офицеров, не стал запирается в своем кабинете, а старался последовательно решать проблемы с замечательным хладнокровием, будь то переговоры о приобретении упряжных лошадей или реквизиции телег. Дверь его кабинета всегда была открыта. Туда мог свободно зайти любой офицер, чтобы о чем-нибудь переговорить или выкурить сигару из неисчерпаемых запасов Клауса. Он был очень популярен и, если верить адъютанту лейтенанту Вернеру Реерингу, «он сделал больше, чем мы все, для укрепления боевой мощи нашей дивизии».

9 сентября дивизия начала движение. 23 сентября она была уже на германо-чешской границе, где вошла в состав 16-го армейского корпуса. К 27 сентября она должна была развернуться в боевые порядки. 29 сентября ее усилили танковыми частями. Находясь на полевого командном пункте, Штауффенберг с удовлетворением констатировал, что его соединение пересекло страну с запада на восток без ощутимых потерь в ходе марша. Все войска затаили дыхание в ожидании приказа. 29 сентября в 7 часов утра пришла неожиданная новость. В Мюнхене было подписано некое соглашение. Западные державы бесстыдно согласились на раздел Чехословакии, передав немцам четырехугольник Богемии со всеми находившимися там

---

⁶¹ Насильственное присоединение Австрии к рейху. – Прим. пер.

оборонительными укреплениями. Посредничество Муссолини принесло свои плоды, трусость Чемберлена и Даладье сделала все остальное. Британский премьер-министр мог сказать: «Это означает мир для нашего времени». Даладье без устали повторял слова о своем «глубоком удовлетворении», а Черчилль понапрасну возмущался: «У вас был выбор между позором и войной. Вы выбрали позор, но получите войну». Но пока это был триумф Гитлера. В полевом журнале дивизии есть запись: «Подписан Мюнхенский договор. Мнение штаба. Опасность войны окончательно исчезла. Напряжение последних дней спало. Со дня на день ожидается вступление в Богемию». Накопленная энергия моментально спала, вызвав некоторое недовольство в войсках. У Штауффенберга не было времени на душевные порывы. Ему надо было готовиться к мирной оккупации Судетской области.

4 октября 1938 года передовые подразделения дивизии пересекли границу в Франконии неподалеку от Миза. Трудностей у Штауффенберга было выше головы. Страна была бедной, гористой, поросшей лесами. Ему надо было кормить более 10 000 человек. Реквизировать особенно было нечего, поскольку до немцев по этим местам прошла чешская армия. Он весь был в заботах по обеспечению питания и расквартированию войск. Не хватало горючего. Когда его находили, надо было переливать канистрами в баки бронетехники. Клаус превратился в каптенармуса и военного закупщика. Он проявлял активность по всем направлениям. А также проявлял большую человечность, которая была характерной для него во время всех боевых действий с его участием. Он строго боролся против грабежей местного населения. Солдаты, застигнутые за этим занятием, по его настоянию отдавались под военный трибунал. Он также запрещал военным его дивизии закупать товары за бесценок. Курс марки был скандально завышенным, и он считал эти сделки аморальными. Он неоднократно вынуждал возвращать товар, приобретенный на этих условиях. Как только мог, он предотвращал «этнические чистки». Приведя экономические обоснования, он убедил штаб отказаться от выселения 4000 чехов из района Карловых Вар.

10 октября все его усилия были вознаграждены. Дивизия триумфально вступила в город Миз, где ее восторженно приветствовала толпа судетских немцев. На броню танков летели цветы и конфетты. Улицы были увешаны флагами со свастикой. На балконах были прикреплены плакаты, где готическим шрифтом приветствовались прибывшие войска: «*Фюрер, благодарим тебя*», «*Приветствуем вас, германские братья*». На площади перед ратушей войска встречали мэра и городской совет. День закончился памятным факельным шествием и немецкими песнями. Штауффенберг испытывал счастье победителя, которое к тому же не омрачалось скорбью по погибшим товарищам по оружию. 17 октября дивизия возвратилась в место своей постоянной дислокации в Вуппертале. Он был отмечен в приказе по дивизии. По возвращении он сказал Нине: «Какое это счастье – вновь держать в руках меч!» Уже были забыты унижения Версальского мира, стоявший на коленях и стонущий от тяжести репараций рейх.

Спустя несколько недель Штауффенберг узнал от своего друга Фридриха Дитлофа фон дер Шуленбурга о планах заговора с целью свержения Гитлера. Эти планы шли от самых высокопоставленных руководителей армии, обеспокоенных возможностью начала войны против Англии, что вынудило бы Германию вести войну на два фронта. Случай с Чехословакией стал детонатором. Все вспоминали о желании фюрера начать военные действия не позднее 1 октября. После отказа Гитлера выслушать возражения, в августе 1938 года, начальник штаба Браухича генерал Бек и начальник штаба *абвера*⁶² полковник Остер решили, что затягивать больше не стоит. Была создана обширная сеть заговорщиков, желавших остановить «бесноватого», пока страна не оказалась втянутой в войну. После вынужденной отставки Бека, случившейся 18 августа, его преемник генерал Гальдер согласился принять участие в заговоре. Он был готов на все, чтобы только нейтрализовать «буйного преступника, кровопийцу». Для этого надо было обезвредить личную охрану диктатора – полк СС «*Адольф Гитлер*» и захватить органы управления государством. Он поставил командующему Берлинским округом генералу фон Вицлебену задачу арестовать фюрера, чтобы затем судить его. Надежда была на то, что население смирится со свершившимся фактом. Участники

---

⁶² Военная разведка. – Прим. пер.

заговора были довольно многочисленны. Советник Верховного суда рейха Ганс фон Дохнаний тайно собрал обвинительное досье. Берлинская полиция была вовлечена в заговор в лице полицей-президента графа Хельддорфа и его заместителя Фридриха фон Шуленберга. Политическое решение должен был найти Карл Фридрих Герделер, бывший бургомистр Лейпцига от консервативно-христианской партии, ушедший со своего поста после решения нацистов демонтировать памятник Мендельсону по причине его еврейского происхождения. Рассматривались и другие варианты действий: убийство Гитлера в рейхсканцелярии бывшим руководителем «Стального шлема» Фридрихом Вильгельмом Хайнцем или его помещение в психиатрическое отделение берлинской больницы «Шарите». Для того чтобы добиться как можно более широкого представительства в заговоре и избежать обвинений в том, что он готовился лишь горсткой обиженных аристократов, были налажены тесные контакты с бывшими руководителями-социалистами, такими как влиятельный профсоюзный деятель Вильгельм Лешнер и бывший депутат рейхстага от СПД Юлиус Лебер. Никогда до этого судьба Гитлера не была в такой опасности. Представительной группе генералов, высокопоставленных чиновников и политических деятелей, опекаемых Остером, человеком из тайных служб, поднаторевшим в подпольных действиях, вполне могла улыбнуться удача. Тем более что режим еще не мог похвастаться ни одним военным успехом.

Но для того, чтобы им поверили, надо было, чтобы над страной висела реальная военная угроза, чтобы Англия вступила в игру, если Чехословакия будет захвачена. В Лондон были посланы эмиссары, в числе которых был бывший дипломат высокого ранга Эвальд фон Клейст-Шменцин. Он встретился с сэром Робертом Ванситтартом, руководителем кабинета министра иностранных дел, чтобы уговорить покончить с политикой «умиротворения»: «Дайте мне веское доказательство того, что Англия вступит в войну, если будет произведено нападение на Чехословакию, и я покончу с этим режимом». Ванситтарт выслушал его с рассеянным видом и даже сказал своему окружению: «Это пахнет государственной изменой». Тайные службы Его Величества заговорили о «большом позоре». Британцы, оставаясь в плену древней этики «страна права или не права, но это – моя страна», а также заложниками дипломатии, не различавшей нацизм и прусский милитаризм, не оценили, как изменился расклад сил в Германии.

Мюнхенский сговор положил конец заговору. Без угрозы войны невозможно было совершить государственный переворот. Прекрасная возможность покончить с нацизмом была упущена. Больше такой возможности не представилось. Всю ответственность за это несет Соединенное Королевство.

Неизвестно, что думал Штауффенберг о деталях плана, который стал ему известен. Он явно не был чрезмерно шокирован. В январе 1939 года он пригласил к себе в Вупперталь Рудольфа Фарнера, друга по кружку Штефана Георге, на конференцию по Гнейзенау. В своем выступлении историк сделал упор на противостояние между маршалом и властями Пруссии. Его переписку стали контролировать. За ним самим установили слежку, его начали преследовать. Однако он был одним из главных героев войны за освобождение. Как можно было не уловить между строк, что исполнительность и покорность для воина всего лишь относительный долг? Прежде всего его должны беспокоить интересы родины. Спустя несколько часов после выступления, находясь еще под впечатлением «Хрустальной ночи», Штауффенберг и Фарнер обсуждали возможность выступления против Гитлера. Клаус отказался участвовать в этом, потому что считал, что успех фюрера в деле с Судетами лишил бы заговор всякой легитимности. Но начиная с зимы 1939 года, намного раньше первых поражений вермахта, он перестал отвергать этот вариант в принципе.

Это было вполне естественно потому, что его взгляды на роль офицера были очень широкими. Он изложил их на бумаге после публикации в газете «*Милитервиссеншафтлихен рундшау*»⁶³ статьи генерала фон Зоденштерна «*Природа солдата*», наделавшей много шума в казармах в декабре 1938 года. В ней генерал сожалел об утрате воинского духа, особенно офицерами. Он писал, что возрастающая милитаризация общества сильно размывала

---

⁶³ «Военно-научное обозрение». – Прим. пер.

офицерскую среду. Считал что тот факт, что хозяева страны надевали на любого клоуна блестящий мундир, не обещал ничего хорошего: наблюдалось упрощение военной профессии, утрата чувства самопожертвования, отмирание аристократической этики офицерского корпуса, абсолютно необходимой, поскольку «люди желают, чтобы ими командовали начальники, чье поведение внушает уважение».

Штауффенберг был полностью согласен с этим анализом. В переписке с генералом, длившейся в течение первого квартала 1939 года, он выражал ему свое восхищение. «Да, – написал он, – необходима вера в абсолютные ценности, не зависящая ни от времени, ни от места, в аристократические принципы поведения и жизни воина». Да, войну можно выиграть, если «часть из нас – все менее и менее многочисленная – сохранит твердое понимание права и сути, а также безупречное поведение офицера и дворянина». Это не имело ничего общего с «рождением, воспитанием или принадлежностью к определенному классу общества», все-таки уточнил он. Но офицерский корпус должен оставаться обособленным. Призванный проливать кровь во благо родины, он имеет особое предназначение в силу естественного выбора: «Мы не можем позволить себе замкнуться в узкий мирок профессиональной деятельности. Мы должны быть готовы сделать все возможное для того, чтобы в зависимости от обстановки огромная сила, от нас исходящая, не могла быть использована бесконтрольно и мы не могли бы ничего при этом предпринять [...]. Быть солдатом, быть командиром, быть офицером означает быть слугой государства, стоять на стороне государства и нести всю ответственность, которая с этим связана. [...]. Мы обязаны не только уметь бороться за армию в самом узком смысле этого слова, мы должны уметь бороться за наш народ, за само государство, понимая при этом, что вооруженные силы страны и его столпы в виде офицерского корпуса являются настоящей основой государства и представляют собой само воплощение нации».

Штауффенберг был уже не таким офицером, как все остальные. В нацистской Германии, желавшей превратить офицеров в покорных слуг партии и приспешников фюрера, он требовал для армии права влияния на государственные дела. Подспудно это привилегированное положение означало также то, что армия была последним оплотом. О партии он нигде даже не упоминал. Чувствуется опасный заряд этих писем, пусть даже автор и сам этого до конца не понимал. Во всяком случае, они ясно дают понять, во имя кого позже действовал Штауффенберг.

А пока на востоке появились новые дела.

Победитель Польши и Франции

В марте 1938 года весь мир понял, что Гитлер не был джентльменом⁶⁴. Заявив однажды, что после решения Судетского вопроса «в Европе больше никогда не возникнут территориальные споры», 15 марта 1938 года он захватил остальную часть Чехословакии и превратил ее в «протекторат Богемии и Моравии». У Запада открылись глаза, тем более что начались выступления немцев Данцига. И стало понятно, что следующей целью станет Польша. 31 марта Великобритания дала Польше свои гарантии. Будучи уверен в том, что демократические страны продолжат проявлять малодушие, фюрер решил, что сможет поглотить восточного соседа без осложнений со стороны Запада и без риска начала Второй мировой войны. Началась подготовка к войне.

Штауффенберг был умен. В мае 1939 года он сказал Рудольфу Фарнеру: «Бесноватый хочет повоевать». 1-я дивизия стала лихорадочно готовиться. В мае 1939 года она была усилена 11-м танковым полком, совсем незадолго до этого оснащенным 200 новыми танками «Шкода», конфискованными у чешской армии. Огневая мощь кавалерийской дивизии стала сопоставима с огневой мощью танковой дивизии. 18 августа под командованием генерала фон Леперта дивизия двинулась в направлении Силезии, где вошла в состав 10-й армии генерала фон Рейхенау. Клаус написал дяде Бертольду, старшему в роду, что готовится к встрече со

---

⁶⁴ После заключения Мюнхенских соглашений Чемберлен имел глупость сказать: «Гитлер – настоящий джентльмен».

смертельной опасностью и гордится тем, что «следует примеру настоящего аристократа, воина и господина». Мысль о том, что ему, возможно, суждено будет пролить кровь, придавала ему «удовлетворение и бодрость». Напряжение достигло предела. Одни приказы отменяли другие. Подписание германо-словацкого пакта не оставляло больше никаких сомнений. Руки Германии на востоке были развязаны. Начало нападения было назначено на 26 августа. 300 000 человек с оружием на плечах ждали, не сводя глаз со славянских горизонтов. В конце концов все началось 1 сентября.

Приказ о наступлении был изменен в самый последний момент. Пехота получила задание расчистить путь для кавалерии и танков. Потом было решено сделать наоборот. Кавалерия и танки должны были взломать фронт, а пехота развить прорыв. *Блицкриг* начался. Первой задачей было форсировать реку Позна, по которой проходила граница. Это не было увеселительной прогулкой. Мосты были заминированы. Танки по ним пройти никак не могли. Пехоте и кавалерии удалось перейти реку вброд и на надувных лодках под плотным огнем полевых. Несколько налетов самолетов «Штука» подавили огонь противника. 2 сентября были наведены переправы из подручных средств. Можно было начать массивное форсирование. Прорыв продолжился. После ожесточенных боев 6 сентября пала Лодзь. К 17 сентября организованное сопротивление стало невозможным. Советские войска начали наступление с востока, чтобы обеспечить себе зону влияния, предусмотренную секретным приложением к пакту Молотова – Риббентропа. В тот же день дивизия начала окружение Варшавы. Она продвигалась вперед так быстро, что не успела обеспечить свои тылы. Атака с флангов поставила ее в трудное положение. Но отвага польских солдат была бесполезной. Воплотившись в безумную атаку уланов с пиками на немецкие танки под Тюшелер-Хайде, она была короткой и великолепной⁶⁵. Военная машина Германии была слишком хорошо смазана. 1 октября пала польская столица. Война продлилась всего месяц. Немцы одержали полную победу. 2 октября Гитлер смог торжественно проехать по улицам Варшавы мимо дымящихся руин зданий.

Именно в этой войне Штауффенберг узнал запах пороха и крови. Как штабной офицер, он мог бы спокойно сидеть на передвижном КП дивизии. Но не сделал этого. Заботясь о тыловом обеспечении, он выезжал в боевые порядки, чтобы знать потребности войск. Он так мало заботился о собственной безопасности, что его машину захватили польские диверсанты. Вместе со всеми его личными вещами. Но его радость воителя была очевидной. 10 сентября он написал жене: «Складывается впечатление, что одержана великая победа [...]. Это может стать новым Танненбергом». В письме от 14 сентября он был по-прежнему в восторге, хотя и сокрушался, что «к сожалению, потерь больше, чем хотелось бы», по причине отсутствия боевого опыта у некоторых офицеров, их глупого безрассудства и их кавалерийского презрения ко всему, что связано с картами и планированием операций. Он был доволен тем, что страна сыграла злую шутку с врагами по ту сторону Ла-Манша. Когда была захвачена военная техника противника, он написал: «Самое замечательное в этом то, что она большей частью английского производства и за нее даже не надо платить.» Он описывал также пейзажи, бедные, скудные, мрачные. Он явно был согласен со штампами, которые выдавала немецкая пропаганда: «Население невероятно невежественное, большое смещение народов, много евреев. Этим народом можно руководить только с помощью кнута. Тысячи пленных очень помогут нашему сельскому хозяйству. Они, несомненно, на что-то пригодятся Германии. Они трудолюбивы, своевольны и скромны». В его письмах явно прослеживались взгляды пангерманизма, ходившие в стране с конца XIX века и призывавшие к «*дранг нах остен*» (походу на восток). Эти земли могли быть превосходными для сельского хозяйства рейха. «Главное, – писал он, – здесь мы можем начать планомерную колонизацию».

Не имея ничего особенного против целей войны, он восхвалял рыцарский характер немецких войск. Один фельдфебель заметил на чердаке дома двух женщин, которые размахивали носовыми платками. Он решил, что они таким образом корректировали огонь польской артиллерии. Его командир приказал расстрелять их на месте. Этим офицером был

---

⁶⁵ Пленные поляки говорили, что офицеры убедили их в том, что танки были сделаны из фанеры. – *Прим. пер.*

лейтенант, которого Клаус знал лично. Однако он добился его осуждения за преступное поведение. В рапорте, направленном в военный трибунал дивизии, он напомнил о некоторых из десяти принципов из «Памятки солдату», которая была у каждого: «Немецкий солдат должен сражаться по-рыцарски ради победы своего народа. Проявления жестокости и страсть к разрушению недостойны его [...]. Запрещается убивать сдавшегося противника, даже если он партизан или шпион [...]. Любой ценой следует щадить гражданское население». Он потребовал правосудия. Тот офицер был разжалован в рядовые. Когда ему стало известно о том, что 37 евреев были убиты в одном из погребов подразделениями СС в тылу дивизии, он направил генералу фон Леперу рапорт с осуждением этого деяния. Об этом быстро узнали в высших сферах, но мер никаких принято не было. Это уже не было в компетенции вермахта.

Несмотря на охватившую его гордость воителя, он не потерял способности мыслить критически. Его смущал германо-советский пакт о ненападении. Это было совершенно неестественно! «Не могу удержаться от смеха, – написал он Нине, – при мысли о братании, которое нас ожидает, когда мы будем жать руки воинам Красной армии». После того как в конце октября 1939 года дивизия вернулась в Вупперталь, где влилась в состав 6-й танковой дивизии под командованием генерала Вернера Кемпфа, он написал в Генеральный штаб отчет о прошедшей кампании. Там было все что угодно, кроме похвал. Конечно, он дал высокую оценку взаимодействию танков и авиации, позволившему совершить решительные прорывы. Но он там указал на недостатки в тыловом обеспечении нового вермахта: нехватка горючего, нехватка боеприпасов, нехватка саперно-мостовых частей, наличие слишком капризной и слишком сложной боевой техники, плачевное состояние медико-санитарной службы, не позволявшее оказывать незамедлительную помощь раненым. Это был серьезный документ. В нем он утверждал, что перед лицом «хорошо организованного противника будет невозможно поддерживать в течение многих часов напряженный темп боевых действий». Во всяком случае, лично он успешно справился со своими обязанностями. В своем выступлении перед дивизией генерал фон Лепер отметил, «что ему, к счастью, не было необходимости заниматься тыловым обеспечением, поскольку все прекрасно работало под управлением Штауффенберга».

Что касалось политики, то его все больше и больше раздражала нацистская пропаганда, в частности Геббельс. Тот в одной из свойственных только ему зажигательных речей заявил, что в ходе польской кампании «немецкий солдат дрался лучше, чем когда-то это делали тевтонские рыцари, потому что сегодня речь идет не о какой-то фикции, а о хлебе и жизненном пространстве». Древне-германская сторона его натуры и католические чувства противились подобному высмеиванию духа крестовых походов немецкого рыцарского ордена, с которым у него было связано столько мечтаний. И все-таки, когда Фридрих Дитлоф фон Шуленбург предложил ему стать адъютантом генерала фон Браухича, чтобы подготовить новый государственный переворот, он категорически отказался. И пояснил, что после победы над Польшей переворот был невозможен и преждевременен. И потом, ему хотелось быть там, где сражались. Его ждали Франция и Англия.

Гитлер планировал пойти на запад сразу же после разгрома Польши, в конце октября 1939 года. Но климатические условия и изменение планов нападения повлияли на эти намерения. Вначале предусматривалось использовать план Шлиффена образца 1914 года: нарушение нейтралитета Бельгии и Голландии, захват бельгийских фортов, широкий обходной маневр с выходом к морю с целью окружения франко-английских войск. Генеральный штаб был очень доволен этим планом, не перечеркивавшим его устоявшейся концепции. Однако некоторые умы опасались использования этого устаревшего плана, воевать по которому готовились по обе стороны границы. Начальник Генерального штаба фон Рунштедт и командующий группой армий «А» генерал фон Манштейн предложили другое. «Линия Мажино» не была сплошной. Она слабо прикрывала арденнские леса, которые французы считали непроходимыми. Почему бы было не воспользоваться этим для эффекта внезапности? Вначале Гитлер и слушать об этом не желал. Рунштедт был в принципе согласен. Манштейн был так уверен в успехе плана, что решил лично поговорить об этом с фюрером. И тут в дело вмешался посланный судьбой человек из его штаба, майор фон Тресков. Он дружил с адъютантом диктатора. После долгих уговоров он добился, чтобы его начальника приняли в Ставке Верховного главнокомандующего. 17 февраля Манштейну удалось изложить свой план Гитлеру. Тому план очень понравился.

Наконец-то было придумано что-то оригинальное! Наконец-то появился гениальный план, который позволит ему войти в историю наравне с такими великими полководцами, как Александр и Наполеон. Было и еще нечто, что повлияло на отказ от плана Шлиффена. За несколько дней до этой встречи самолет с офицерами штаба был вынужден сделать аварийную посадку на британском аэродроме. Планы начала войны попали в руки врага. Невозможно было не воспользоваться этим знаком судьбы для того, чтобы провести прекрасную операцию по дезориентации врага. Генеральный штаб пришел в ужас. Новый план шел вразрез со всеми правилами военного искусства. Но Гитлер навязал этим генералам свою волю. 24 февраля были одобрены основные направления плана «Гельб», предусматривавшего удар серпом через Арденны. По жестокой иронии судьбы фюрер был обязан своей самой яркой военной победой именно Хеннингу фон Трескову, тому самому, кто стал душой заговора 20 июля 1944 года.

На рассвете 10 мая «странная война» закончилась. Для введения противника в заблуждение и укрепления его в предположении, что немцы придерживались начального плана войны, группа армий «Б» напала на Голландию и Бельгию. Как и было предусмотрено, франко-британские войска двинулись им навстречу. А тем временем группа армий «А» двинулась через Арденны. 41-й армейский корпус генерала фон Клейста, в который входила 6-я танковая дивизия Штауффенберга, должен был форсировать реку Мез недалеко от Седана. 12 мая, молниеносно пройдя по югу Бельгии, дивизия вышла к реке в районе Монтермэ, что в двадцати километрах от Шарлевиля-Мезьер. Мосты были взорваны. Берег находился под обстрелом французских стрелков, которых поддерживала артиллерия. Клаус снова стал участником военного спектакля и его трагических поворотов. Вызванные для поддержки «Штуки» отбомбились неточно. Когда они вышли из пике и улетели, на берегу остались гореть немецкие танки. Наконец, днем 13 мая, саперам удалось переправиться через реку вплавь на надувных лодках под интенсивным огнем противника. На сооруженных из подручных средств паромов удалось переправить несколько танков. Боевая группа полковника фон Эзенбека, оснащенная танками Т-3 и Т-4, оказалась на другом берегу реки Мез. Несмотря на разрушение одного из временных мостов, 14 мая она удержала плацдарм. Город Монтермэ был взят. 15 мая пали редкие форты «линии Мажино», прикрывавшие эту зону. В нападение с этого направления верилось так слабо, что у оборонявшего эти форты 12-го колониального полка боеприпасов хватило лишь на несколько часов боя. Вечером 15 мая вермахт вклинился на глубину порядка 50 километров. Главнокомандующий французской армией Гамелен все еще не понимал, что происходит. Французы продолжали втягиваться в приготовленную им на севере ловушку. В то же самое время Гитлер понимал, что прорыв удался. Он отдал приказ группе армий «А» идти на соединение с войсками Рунштедта. Начался марш-бросок к морю.

Штауффенберг выбивался из сил, стараясь обеспечить бесперебойное снабжение дивизии всем необходимым. Он пересаживался из командной машины в самолет «Шторх» своего командира дивизии, чтобы облететь тылы и обозы. Когда было необходимо, он приказывал пилоту садиться на первую попавшуюся удобную площадку, чтобы остановить какую-нибудь колонну или подогнать другую. Его отвага не знала пределов. Однажды пилот едва не «наломал дров», потому что от него потребовали приземлиться на слишком короткую площадку. В другой раз он едва спасся от французского истребителя «Девуатин», обильно поливавшего его пулями. Но это было неважно! Уроки Польши не прошли даром. Тылы танковых частей были хорошо оснащены. Служба снабжения горючим работала исправно. Если все-таки случались перебои в поставках топлива, Клаус использовал реквизируемые транспортные самолеты, с которых войскам на парашютах сбрасывались бочки с горючим.

6-я танковая дивизия начала утомительный марш-бросок. 16 мая она столкнулась у Монкорне с французскими танками под командованием какого-то полковника де Голля. Понеся потери, она все-таки переправилась через реку Уаза. 18 мая дивизия захватила в плен штаб 9-й французской армии в полном составе. Оставив Реймс и Париж слева, дивизия 19 мая мочила гусеницы своих танков в водах реки Сомма и канала Сен-Кантен. Она не встретила никакого организованного сопротивления. Был взят город Кабрэ. Штауффенберг написал жене: «Мы удивительным образом видим поражение великого народа, не только в военном плане, но, главное, в психологическом». Он считал, что поляки дрались много лучше. Действительно, этот разгром победителей 1918 года был ошеломляющим. Всего за восемь дней дивизия взяла в плен

20 000 человек. Для Клауса это было трудной задачей. Как можно было управлять такой массой? Иногда он приказывал их обезоружить и прогнать, чтобы они не загорали дороги. До чего же прекрасна жизнь победителя! Походные кухни были обеспечены продуктами. Войска вовремя получали пищу. У Штауффенберга был дар обнаруживать в подвалах все, что могло понравиться солдату на войне. Один из его товарищей, майор Топф, вспоминал, что «во всем этом переполохе он всегда сохранял спокойствие». Он тепло принимал офицеров связи, даже если те прибывали требовать от него невозможного. И чаще всего они уходили от него с несколькими сигарами и бутылкой доброго вина.

20 мая под Дулланом, неподалеку от Аббевиля, дивизия впервые наткнулась на англичан. Контратака *томми* была яростной. Было подбито восемнадцать немецких танков. Штауффенберг написал, «что, в отличие от французов, они проявили большое умение воевать. Они хотели биться». 22 мая он был в Сент-Омере, менее чем в 20 километрах от побережья. По непонятным причинам Гитлер приказал прекратить продвижение. Казалось, он был удивлен своим успехом и опасался ловушки. Если только не надеялся на то, что, дав экспедиционному корпусу уплыть из Дюнкерка, он получит возможность проще договориться с Лондоном. Передовым войскам это было непонятно. Штауффенберг был озадачен. Несмотря на то что 23 мая разведчики могли добраться до города Кале и связать редкие группы обороняющихся, ему был непонятен приказ стоять на месте, опустив оружие. Вместе с полковником фон Эзенбеком он клял «эти глупые приказы берлинских трусов». Тем более что в это время Королевский военно-морской флот переправлял войска на другой берег Ла-Манша. Когда наконец был отдан приказ сузить Дюнкерский котел, враг уже успел опомниться. 28 мая в дюнах Касселя одна британская бригада заняла оборону, полная решимости стоять до конца, выполняя задачу, если придется даже пожертвовать собой. Потери 6-й дивизии были большими и бесполезными!

Но Штауффенберг не имел времени на то, чтобы раздумывать над этой странной стратегией. 27 мая он получил «печальное известие» о своем назначении в штаб сухопутных войск, во 2-й отдел ОКХ, занимавшийся вопросами тылового обеспечения во время войны. Он мог теперь делать в крупном масштабе то, что уже два года делал в масштабе дивизии. Войну его однополчане должны были выиграть без него. 17 июня маршал Петен запросил перемирия. 22 июня оно было подписано в Ретонде близ Компьеня, в бережно сохраненном вагончике, где в 1918 году маршал Фош принимал немецких полномочных представителей. Круг замкнулся. Версаль был отменен.

Клаус не строил иллюзий. Он знал, что дорога будет долгой, особенно после того, как прочувствовал боеспособность британцев. Он написал Нине: «Не надо расслабляться. Нам еще предстоят тяжелые бои. Мы начинаем войну по уничтожению Великобритании». Пусть даже инцидент с Кале его огорчил, он думал о том, что стал свидетелем необычайного события, что служил «величайшему полководцу всех времен». Всего за месяц, понеся небольшие потери, фюрер добился того, что не получилось за четыре года предыдущей войны, унесшей 1,5 миллиона солдат, погибших в грязи траншей.

Поэтому Штауффенберг с гордостью мог войти в самое сердце немецкой военной машины, находиться ближе к кишкам этого монстра. Начиная с 31 мая он носил на груди Железный крест 1-го класса.

Выбор Антигоны

«Вступление в движение Сопrotивления означало конец личной жизни. Этот процесс уже начался, хотя и не без трудностей, на оккупированных Германией территориях. Полагаю, то же самое происходило и у немцев. Я стал офицером вовсе не для того, чтобы убить как собаку главу государства. Желать конца режиму и смерти его главе было в глазах наших соотечественников не просто преступлением, а ударом кинжалом в спину всего народа, сплотившегося в беспощадной войне. Решение присоединиться к Сопrotивлению могло стать лишь результатом медленного возмужания и созревания, ускоренного, естественно, событиями, обстоятельствами, увиденными или пережитыми сценами из жизни. Не обобщая мой случай, могу сказать, что в Германии было мало примеров, по крайней мере среди ее военных,

импульсивного и спонтанного вступления в борьбу против режима. Меня на это подвигло стечение различных обстоятельств, они определили мое решение. И это решение было таким твердым, хотя вначале это трудно было и предположить, что в 1942 году я уже воспринимал это как очевидное и даже как свой долг».

Так выразился Филипп фон Бозелагер, один из тех немногих офицеров, которые, как и Фабиан фон Шлабрендорф, уцелели после попытки государственного переворота и даже оставили свои мемуары⁶⁶. Путь Штауффенберга к этому решению должен был быть примерно таким же. Но восстановить его в хронологическом порядке невозможно. Требования скрытности не позволили ему оставить никаких письменных следов⁶⁷. Его расстрел вечером 20 июля также не оставил ему времени на то, что бы сообщить родным причины своего поступка⁶⁸. Посему мы можем делать это лишь с помощью дедукции, по высказываниям его окружения или по его письмам, пытаясь найти нить Ариадны, которая меж строк и слов соединяет эмоции, раздумья и решение, подобно маякам на пути, который привел его к попытке убить тирана.

В штабе Верховного командования Сухопутными силами, когда проявилось настоящее лицо Гитлера-стратега

Когда Клаус прибыл в организационный отдел ОКХ, он все еще находился под впечатлением победной кампании во Франции. Это был невероятный успех, эйфория победы была равна чувству удовлетворения от немногочисленных жертв. 6-я танковая дивизия потеряла менее 500 человек! Он сказал жене, что нет на свете ничего лучше кампании, проведенной под барабанный бой с товарищами по оружию в ходе «самой красивой и самой стремительной операции, какую себе можно только представить». Однако его оптимизм стал более умеренным, начиная с приема дел по резервам от майора фон Петцольда, его предшественника на этой должности, бывшего сослуживца по 17-му Бамбергскому полку. Тот не считал, что Германия победила, потому что Англия не была выведена из войны. Штауффенберг не был слеп. Требования материально-технического обеспечения войск предрасполагали к большему реализму, нежели блестящие танковые удары. В одном из писем от 19 июня 1940 года он написал Нине: «Это стало тотальным разгромом [...], сражением, от которого этот народ – французы – не сможет скоро оправиться [...]. Но мы должны понимать, что это резкое изменение соотношения сил дается нам всего на несколько лет. Только упорством можно достичь желаемого. Если бы мы только смогли внушить нашим детям, что только борьба и напряженные усилия могут спасти нас от упадка [...], что твердость, бережливость и смерть имеют одну цену, тогда мы смогли бы выполнить большую часть нашего долга по их патриотическому воспитанию». Как и все настоящие солдаты, он не идеализировал войну, пусть даже он был счастлив оттого, что принимал в ней участие. Он закончил письмо несколькими строками стихов Штефана Георге: воины должны будут «стоять в грязи по щиколотку, по колено/и сдерживать давление врага/[...] Им праздновать победы не годится,/Триумфа никогда нельзя добиться,/Наградой будут им бесславные руины».

Шло время, в душе его росли сомнения. В частности, относительно способностей фюрера как военачальника. Он с горечью говорил о его решении остановить продвижение войск к морю. «Вклад Гитлера в победу, – сказал он барону фон Лершенфельду, – велик, но смазан крупной ошибкой в дюнах». Отныне победа Германии над Англией стала невозможной.

⁶⁶ Фабиан фон Шлабрендорф. «Офицеры против Гитлера», 1946; Филипп фон Бозелагер. «Мы хотели убить Гитлера», 2008.

⁶⁷ За исключением известной клятвы, торжественного обещания, данного 4 июля 1944 года, к которому мы еще вернемся. Хотя этот текст объясняет цель, а не путь к ней.

⁶⁸ В отличие от других заговорщиков, написавших перед казнью из камер тюрьмы «Плетцензее» многочисленные письма родным с оправданием своих поступков. См. переведенную на французский язык переписку Роланда фон Хесслинга с семьей, опубликованную Августом фон Кагенеком в книге «От Железного креста до виселицы», 2009.

«Когда-то придется сесть за стол переговоров». По мнению Штауффенберга, настоящим победителем был генерал-фельдмаршал фон Манштейн, этот гениальный стратег, придумавший прорыв через Арденны. А маленький капрал из Браунау являлся лишь дилетантом, имеющим «военную сметку».

Кроме того, он сокрушался при виде отношения к захваченным странам, Польше и Франции. Назначенный руководителем тяжелой промышленности в оккупированной Франции, его кузен Цезарь фон Хофакер указал ему на несуразность и глупость поведения немецкой администрации. Поскольку французы были обижены на отказ Англии задействовать против немцев всю авиацию в ходе французской кампании, особенно под Мерс-эль-Кебиром⁶⁹, было возможно сделать их союзниками Германии. Но рейх предпочел относиться к французам как к заложникам и разорять их непомерными экономическими требованиями: налоги за оккупацию, демонтаж заводов, обязательные поставки, удержание военнопленных в Германии. Чем дольше, тем более ожесточенными врагами они могли стать.

Несмотря на все, в штабе ОКХ, работая под непосредственным руководством генерала Ольбрихта в организационном отделе, Штауффенберг смог проявить все свои способности, как он это делал на всех должностях, которые занимал до этого. Майор фон Петцольд вспоминал, что Клаус проявлял повышенную активность. Большинство офицеров наслаждались в Берлине отдыхом воителей: днем – в барах отеля «Кемпински» или «Адлон» у фонтана со слонами, вечерами – на вечеринках коричневой элиты, где каждый старался выпить больше другого. На виллах семейств Геринга или Риббентропа шампанское текло рекой. Представления в кабаре «Фраскита» привлекали разношерстную толпу, в которой зеленовато-серые, коричневые или черные мундиры смешивались в сладкой вакханалии под звуки зажигательной музыки и звон бокалов с крепкими напитками. Клаус в этих развлечениях не участвовал. Он по двенадцать – четырнадцать часов в день работал в своем кабинете. Перед ним стояла сложнейшая задача. 28 октября 1940 года в Зоссене, что неподалеку от Берлина, Гитлер сообщил Генеральному штабу о своем намерении напасть на Советский Союз в первой половине 1941 года. Надо было подготовить новую армию вторжения, довести ее с 60 до 180 дивизий, удерживать в руках уже захваченные страны Европы, предусмотреть захват южной зоны на случай высадки англичан в Северной Африке. Специалист по тыловому обеспечению, Штауффенберг должен был решить, как преодолеть трудности снабжения на бескрайних русских просторах. Он одним из первых прибывал на службу, одним из последних уходил домой. Он ходил из одного отдела в другой, собирая нужную информацию, выбивая необходимую технику. Он научился, как написал Нине, «политической и тактической стратегии, которые были крайне утомительными». Кабинетные интриги его утомляли. Разговоры о войне казались расплывчатыми. Но его личная аура, его умение руководить, его колючий юмор обеспечили ему уважение в высших кругах. Всего лишь капитан, ставший майором 1 января 1941 года, он часто бывал по вызову в кабинете генерала Гальдера, начальника штаба генерала фон Браухича, где высказывал свою точку зрения вплоть до ссор. Это было невиданно, если верить одному из его коллег, капитану Ульриху де Мезьеру.

В частности, в ходе спора с капитаном фон Эцдорфом, офицером связи Министерства иностранных дел при ОКХ, он сказал, что ориентация режима ему все больше и больше не нравится. Гитлер изменил лицо войны. В ходе своего выступления в рейхсканцелярии 30 марта 1941 года перед 200 офицерами трех видов вооруженных сил, среди которых был и Штауффенберг, фюрер провозгласил: «Наши задачи в России: разгром армии, уничтожение государства. Полное искоренение большевизма, как социального зла, представляющего опасность для будущего». До этого все было нормально. Но последующие слова были ужасными: «Забывать всякое солдатское братство. Перед боем коммунист не является товарищем, не станет он им и после боя. Это – война на истребление». Другими словами, это означало конец чести оружия. Несмотря на эти соображения, Клаус отказался разделить с Эцдорфом идею заговора с целью свержения Гитлера. Он посчитал эту идею слишком опасной, чреватой провокацией. А главное, он посчитал эту идею тем более гиблой, что не было никакого способа привести ее в действие. Хотя он и был поэтом, но отнюдь не мечтателем. И не желал тешить

---

⁶⁹ Французская военно-морская база в Алжире у г. Оран. – Прим. пер.

себя иллюзиями. Однако из Ставки фюрера начали дуть нехорошие ветры. Все шло к тому, что управление оккупированными странами у вермахта собирались забрать и передать в руки чрезвычайных комиссаров, которые должны были получать указания непосредственно из рейхсканцелярии. Рейхсфюрер Гиммлер намеревался создать зондеркоманды СС и СД для выполнения особых задач. Штауффенберг не совсем понимал, к чему все шло. Он точно не знал о приказе Гейдриха от мая 1941 года об уничтожении евреев, «азиатов низшей расы» и цыган. Но, учитывая польский опыт, полагал, что времена «честной» войны прошли. Вермахт должен был рисковать шкурой впереди, а СС собиралась марать репутацию немцев в тылу армии. 6 июня 1941 года генерал фон Браухич, сгорая от стыда, был вынужден подписать «приказ о комиссарах», что многое проясняло. В нем указывалось, что «подстрекатели к азиатским и варварским методам борьбы [...], плененные в бою или застигнутые при оказании сопротивления, подлежат расстрелу». Офицерам, которые спрашивали, как можно было распознать политкомиссаров, говорили, что они должны обязательно носить очки и длинные волосы. Было ясно, что, помимо задачи победы в войне, вермахт должен был превратиться в огромную расстрельную команду.

Но у Штауффенберга не было времени, чтобы на этом заикливаться. Армия нужна была повсюду. В феврале 1941 года Экспедиционный корпус Роммеля был отправлен в Северную Африку. В апреле надо было прийти на помощь итальянскому союзнику, испытывавшему большие трудности в неосторожно развязанной войне против Греции и Югославии. Сколько сил было раздроблено, сколько времени потеряно для подготовки войны на востоке. Но что было делать, так решил Гитлер. 22 июня 1941 года без объявления войны он начал операцию «Барбаросса». Сто пятьдесят немецких дивизий, включая семнадцать танковых, сорок дивизий союзников – венгерских, финских и румынских – вторглись в русские просторы.

Поначалу казалось, что немецкие войска смогут повторить свой подвиг, как на французском фронте. Целью операции были: на севере – захват Ленинграда, в центре – взятие Москвы, на юге – овладение Украиной. В течение нескольких недель Ленинград был окружен, Минск и Смоленск захвачены, войска приблизились вплотную к Москве, Киев и Харьков пали. Немецкие дивизии захватили Донецкий бассейн и вышли к Азовскому морю, совершив прорыв более чем на 1000 километров от границы. 800 000 русских солдат попали в плен. Успехи были огромными, но не решающими. При более тщательном анализе обстановки можно было увидеть, что ситуация немцев была даже опасной. Гитлер не желал принимать во внимание ни оправдания задержки выполнения плана операции, ни опасности распыления сил по разным направлениям. Когда в июле генерал фон Паулюс поднял вопрос о трудностях с тыловым обеспечением войск, особенно при условии продолжения боевых действий, фюрер запретил говорить ему о «зимней кампании» и даже запретил к ней готовиться. Война должна была закончиться осенью. Это должно было произойти только потому, что такова была его воля. Все, кто ему возражал, были трусами. Так начался медленный процесс потери им связи с реальностью, который постепенно лишал его возможности проводить мало-мальски объективный анализ обстановки и заставлял с презрением относиться к очевидным фактам.

Служивший в организационном управлении Штауффенберг был одним из первых, кто смог оценить ухудшение общей обстановки, несмотря на поразительные тактические успехи. В середине июля он побывал на Восточном фронте. Генерал Гудериан, командовавший 2-й танковой группой в составе группы армий «Центр», рассказал ему о негативных последствиях форсированного марша для людей и техники, что привело к тому, что его группа сохранила боевую мощь лишь на 70 %. Его бывший командир дивизии генерал фон Лепер написал ему 25 июля отчаянное письмо: «Дорогой мой Штауффенберг, войска совершенно измотаны». В войсках ощущалась нехватка продовольствия, боеприпасов, людей, танков. Пехотные дивизии по численности могли быть приравнены к полку, а некоторые и к батальону. Он умолял его: «Помогите нам в Генеральном штабе, пока не поздно». И патетически закончил письмо такой фразой: «Мы вынуждены послать на смерть наш танковый корпус, как в 1812 году это сделал Мюрат со своей блестящей кавалерией, а тем временем русские, имея под рукой базы снабжения, готовятся к бою» 11 августа Гальдер сказал Клаусу: «То, что мы сегодня предпринимаем, является последними попытками избежать перехода к позиционной войне, как это было в 1914 году».

Штауффенберг был охвачен тревогой. Трудности продолжали нарастать. В своей служебной записке руководству осенью 1941 года он констатировал: «цифры показывают, что производства 1942 года будет недостаточно для армии». Оно должно было позволить восполнить лишь 60 % потерь. Он был вынужден провести реорганизацию танковых полков. Обычно они состояли из двух боевых групп тяжелых танков и одной боевой группы легких танков. Но затем все стало наоборот. На бумаге количество полков не уменьшилось, но их огневая мощь и боеспособность сильно уменьшились. Ситуацию осложняли и климатические условия. Жаркое лето русских равнин изматывало людей и негативно влияло на боевую технику. Дышать было трудно. Пыль проникала повсюду. Механизмы, оружие и технику надо было постоянно разбирать, прочищать, смазывать и собирать. Но они быстро снова отказывали. Земля и смазка образовывали плотную смесь, блокировавшую сцепление и останавливавшую шестерни. По крайней мере, по земле можно было продвигаться вперед. Под ногами пехоты была утоптанная земля. Но осенние дожди перечеркнули эту относительную выгоду. Распутица, ужасная грязь все остановили. Машины буксовали, оси ломались, упряжные лошади утопали по брюхо на дорогах, превратившихся в болота, люди целыми днями месили грязь. Двигаться вперед была в состоянии только техника на гусеничном ходу. Но часто их продвижение задерживали застрявшие в грязи колонны. Технику постоянно привлекали для того, чтобы вытянуть из грязи несчастных, попавших в плен болот.

«Генерал Мороз», погубивший французов в Москве, ужасная русская зима тоже не принесла облегчения. Конечно, земля замерзла, войска снова стали мобильными. Но обмундирование солдат не было рассчитано на холода, когда температура опускалась до 30–40 °С. На них было летнее обмундирование, предусмотренное для солнечных дней «блицкрига». Армия изменилась. Люди перестали бриться, мыться, раздеваться. Они обматывали руки и ноги тряпками, закрывали лица шарфами из подручных материалов, на плечи накидывали все, что было можно, и тем самым представляли собой длинные когорты оборванцев. Смазка пулеметов застывала. Моторы в технике заморозились. Радиаторы полопались. Обморожения конечностей, истощение наносили войскам больший урон, чем огонь противника. Красная армия активизировалась и стала показывать зубы. В маскхалатах и теплом обмундировании русские солдаты беззвучно на лыжах просачивались в расположение немецких войск. Участились засады, внезапные нападения из березовых рощ, молниеносные атаки групп танков при поддержке все более осмелевших партизан. Немецкая боевая техника перестала быть самой лучшей. Новые русские танки Т-34 наносили противнику огромные потери.

Штауффенбергу эта драматическая ситуация была прекрасно известна. Это его тем более злило, что ее можно было легко избежать. Гитлер был уверен в том, что война продлится всего лишь не сколько недель, и воспротивился заказу зимнего обмундирования и смазки для боевых частей. Теплое обмундирование и приспособленное к холодам вооружение было предусмотрено лишь для 58 дивизий вторжения, а их насчитывалось 150. Первые дополнительные заявки были сделаны только в ноябре. И пришлось ждать до 21 декабря, когда официальный печатный орган партии газета «*Фолькишер беобахтер*» призвала начать среди населения кампанию по сбору зимних вещей под девизом «Родина делает подарок фронту». Первые посылки пришли на фронт лишь в марте. Слишком поздно и зачастую бесполезно. Солдаты находили в посылках наряду с полезными предметами множество ненужных, как вечер нее боа или элегантные меховые шубки.

Клаус ничего не мог поделать. Ему было тем более горько, что приходилось постоянно выбивать предметы первой необходимости в организации «Тодт», названной по имени министра вооружений. Любимые войска Гитлера, СС и *Люфтваффе*, всегда были первыми и забирали себе самую лучшую технику. А вермахту оставалось что похуже. У Штауффенберга сжимались кулаки, когда он получал с фронта отчаянные письма своих товарищей, как то, что написал ему в феврале 1942 года майор Штадтке, бывший начальник оперативного отдела 6-й танковой дивизии, вошедшей в состав 10-й армии Восточного фронта: «Впервые в моей военной жизни мне довелось видеть дрожащие от холода войска, солдат, которые, как мне показалось, стали полностью апатичными и застывшими [...]. Проходят дни, и у меня возникают очень серьезные сомнения в работе Генерального штаба. Все наши доклады остаются без ответа.»

Более того, придя в бешенство от провала летней кампании, Гитлер обезглавил Главный

штаб. После легкого сердечного недомогания генерала фон Браухича, случившегося 9 ноября 1941 года, 19 декабря Гитлер лично возглавил ОКХ ради «окончательного спасения рейха». Требуя, чтобы в любой обстановке войска стояли насмерть и не отступали, он стал снимать командиров, которые пошли на выравнивание фронта из тактических соображений. Полетели многие головы. Командующий группой армий «Юг» генерал фон Рунштедт был смещен с должности. Спустя несколько дней та же участь постигла генерала фон Рейхенау. В январе генерал Хопнер был разжалован «со всеми вытекающими из этого юридическими последствиями», что означало лишение права на отставку. «В штабе царит хаос», – отметил после этого Гальдер.

Вначале Клаус приветствовал то, что Гитлер возглавил Сухопутные силы. «В час решающей битвы необходимо отдать в одни руки все силы нации». Но очень скоро наступило разочарование. Карусель придворных в лампадах продолжилась. В этой игре авиация и СС заранее были победителями. ОКХ превратился в пасынка. В своем выступлении в *Военной академии* в марте 1942 года на тему организации управления он дал выход своему настроению. Нарисовал в общих чертах организацию Верховного командования. Назвал только основные инстанции: ОКВ, ОКХ, ОКК⁷⁰, ОКЛ⁷¹, ГСФ⁷², СД⁷³, войска СС, абвер, Министерство вооружений, Министерство иностранных дел были втянуты в многоцветную паутину, становившуюся все более запутанной. Выступление свое он закончил вопросом: «Считаете ли вы, что с подобной организацией управления можно выиграть войну?» В данных обстоятельствах он сам признался, что «уже и не знал, как из этого можно было выпутаться». Из 162 пехотных дивизий лишь 8 были полностью оснащены. Из 16 танковых дивизий таковых было лишь 3, а 1,1 миллиона немцев уже были выведены из строя. Перл-Харбор ничем не смог помочь. В марте он написал жене: «Соединенные Штаты продолжают оставаться самыми сильными в войне на море. Они постоянно уменьшают наши шансы на разгром Англии».

Был ли он уже готов к оппозиции режиму? Пока еще нет. В кружке «Крейзау» обдумывали восстановление Германии после гитлеровского недоразумения. Джеймс фон Мольтке спросил у своих единомышленников Ганса Кристофа фон Штауффенберга и Карла Людвиг фон унд цу Гюттенберга: «У вас есть кузен в штабе фюрера. Он ничего не намерен предпринять?» Спустя несколько дней Гюттенберг рассказал о результатах своих переговоров: «Я поговорил с Клаусом. Он сказал, что сначала мы должны выиграть войну [...]. Потом, когда вернемся домой, мы займемся коричневой чумой, а сегодня главное – война против большевиков». В марте 1942 года Штауффенберг сказал примерно то же самое своему другу лейтенанту Юлиусу Шпееру, который удивился, увидев над его столом портрет фюрера: «Так всем лучше видно лицо безумия [...]. Есть лишь одно решение: его нужно убить, но такое деяние может осуществить лишь человек, который после уничтожения Гитлера мог бы взять власть в свои руки, руководить государством и армией и покончить со всеми институтами партии». В отсутствие человека, который мог бы быть на высоте этой задачи, он не видел другого решения, кроме как продолжение борьбы с большевиками. Ему пришлось познать весь невообразимый размах нацистской жестокости, чтобы подумать о том, что пора было действовать ему самому.

Нацизм проявляет свою суть

Тогда Штауффенберг был уже, несомненно, уверен в том, что нацизм – это что-то отвратительное. Но он был еще далек от понимания его неслыханной природы, не представлял геноцида, который еще назывался «шоа» (или «холокост»). В «*Майн Кампф*» ни слова не было

---

⁷⁰ Верховное командование Военно-морских сил.

⁷¹ Верховное командование Военно-воздушных сил (Люфтваффе).

⁷² Главная Ставка фюрера.

⁷³ Служба безопасности.

сказано о физическом уничтожении евреев. Нюрнбергские законы «ограничились» тем, что ввели суровую политику сегрегации. Как четко определил Филипп Бюррен в своей работе *«Гитлер и евреи, генезис одного геноцида»*, идея физического уничтожения, вероятно, появилась еще в самом зарождении движения. Но пришлось ждать до 31 июля года, чтобы Геринг отдал Гейдриху распоряжение разработать план «окончательного решения еврейского вопроса» и чтобы на конференции в Ванзее 20 января года был составлен протокол «окончательного урегулирования еврейского вопроса во всей Европе». Протокол держался в строжайшей тайне, в штаб вермахта он не поступал. Вначале Гитлер рассматривал другие решения, как, например, создание еврейского государства на Мадагаскаре или организацию «резервации» евреев близ польского города Люблин. И только весной 1942 года концентрационные лагеря начали постепенно превращаться в лагеря смерти. Смертоносный газ «Циклон Б» начал появляться в Белжеце, Треблинке, Майданеке, Собиборе и, конечно, в Аушвице.

О размахе этой операции Клаус узнал весной 1942 года. В ходе разговора с майором фон Пецольдом, кабинет которого находился рядом со штабом армии в Виннице на Украине, он говорил с яростью в голосе о бесчеловечном обращении с гражданским населением, о планомерном уничтожении советских военнопленных – из 5,7 миллиона человек более 2 миллионов уже были убиты, – а главное, об «ужасах массовых убийств по расовому признаку». Слухи о преступной деятельности зондеркоманд в тылу сражавшихся войск дошли и до него. В мае капитан фон Герварт поведал ему об ужасающей сцене, свидетелем которой он стал на Украине: еврейское население выстраивали у стен и расстреливали, уничтожались целые деревни «восточных евреев», женщин и детей заставляли рыть ямы, куда затем их, убитых, сбрасывали. О фургонах, переоборудованных в подвижные газовые камеры. Фридрих Дитлоф фон Шуленбург рассказал ему о печах, где сжигались сотни людей. Один из руководителей «ИГ Фарбен» Джеймс фон Мольтке открыл ему глаза на то, что происходило в Аушвице. Из отчетов о промышленном производстве он знал, что фирма использует на производстве труд заключенных. Главное, он знал об ужасном отборе заключенных, осуществлявшемся частями СС «Мертвая голова» за воротами, на которых была жестокая надпись «Труд делает свободным».

Штауффенберга это потрясло. Все лето 1942 года он был в отчаянии. И открыл причину своего состояния начальнику организационного управления полковнику Штиффу. Тот намеками поддержал его. Он сказал одному из своих бывших сослуживцев по 17-му Бамбергскому полку майору фон Тюнгену: «Гитлер безумец и преступник. Но что поделать [...], прошлого не воротить», колесо истории продолжает крутиться, «надо будет придумать что-то новое». В то же самое время в ходе продолжительных конных прогулок бок о бок с майором Бергером, сменившим в организационном управлении Мерца фон Квирнхайма, он открыл душу: «Массовое уничтожение евреев ужасно. С этим надо кончать». Несколько слов, которыми он перекинулся со своим заместителем, капитаном Кюхном, подводят итог всему этому: «Ежедневные доклады штаба об отношении немецкой администрации к местному населению, отсутствие политических планов относительно захваченных стран, судьба евреев показывают, что заверения Гитлера о том, что война будет вестись для переустройства Европы, оказались лживыми. При таких обстоятельствах эта война абсолютно бесчеловечна». Это были самые главные мысли. Они доказывают, что ухудшение обстановки на фронте было далеко не единственным, что волновало Клауса. Его решение начать борьбу против фюрера основывалось не просто на военных соображениях, решающую роль тут сыграла и преступная политика Третьего рейха.

Это понимание пришло к нему довольно поздно. Однако знание реальных жестокостей режима, предпринятых узким кругом руководителей партии и СС, пришло к нему лишь весной 1942 года. Некоторые фронтовые офицеры слышали разговоры о зверствах СС уже с лета 1941 года. Август фон Кагенек в своей работе *«Экзамен совести»* сообщил о массовом убийстве 20 000 евреев в Тернополе⁷⁴. Но это были только слухи, их на фронте ходило бесчисленное

---

⁷⁴ Город в Западной Украине, с 1944 года – Тернополь. – Прим. пер.

множество. В случае Каганека эту немыслимую картину увидел какой-то капрал. Служивший в штабе группы армий «Центр» Хеннинг фон Тресков знал об этих зверствах уже с ноября 1941 года. Двое его начальников, Карл Ганс фон Гарденберг и Хайнрих фон Леендорф, случайно пролетели на малой высоте над лагерем смерти литовских евреев под Борисовым. Но все это были лишь отрывочные сведения, их можно было отнести на счет неконтролируемых подразделений СС. «Дневник войны» Эрнста Юнгера явился одним из самых красноречивых свидетельств по этому спорному вопросу. Он был написан в огне боев, и автора никак нельзя заподозрить в заказной писанине. Служивший в штабе в Париже, известный писатель Эрнст Юнгер всегда был хорошо обо всем осведомлен. Однако лишь 21 апреля 1943 года он написал: «В полдень зашел полковник Шаер. Мы обсудили обстановку [...]. Из всего им рассказанного самым страшным было описание расстрела евреев. Подробности он узнал от полковника Типпельскирха, полагаю, что армия послала того туда, чтобы посмотреть, что там делалось [...]. Впрочем, кажется, что расстрелов больше не будет, потому что теперь перешли на убийства с помощью газа». Юнгер не поверил в это. 24 апреля он вновь вернулся к этому вопросу: «Утром состоялся разговор с полковником Шаером. Я переспросил у него, правильно ли я все понял и видел ли Типпельскирх лично ту ужасную бойню, о которой он мне так подробно рассказал. Он все это подтвердил. Бывают моменты, когда эти истории кажутся мне кошмаром, каким-то дьявольским сном. Однако полезно взглянуть на симптомы патологии глазами медика, отводить глаза не стоит. Обыватель прячется в свою раковину, чтобы не видеть этого».

Штауффенберг не был простым обывателем. Он увидел, как другие, узнал одновременно с другими, но, в отличие от них, он решил действовать.

На пути к военной катастрофе

Будучи преступен по своей природе, режим был преступен и по манере ведения войны. 2 июня 1942 года на совещании узкого круга из руководства ОКХ генерал Гальдер представил очень пессимистичный доклад. Еще можно было надеяться на некоторые тактические успехи, но решающая победа представлялась невозможной. Американская помощь СССР, протяженность фронта, растянутость коммуникаций не позволяли тешить себя иллюзиями. С войной придется кончать путем переговоров. Естественно, этого Гитлер и слушать не хотел, он говорил лишь о «тотальной войне». Очень скоро Гальдер за свою откровенность поплатился должностью. Все разработки по улучшению руководства операциями были отброшены прочь. Когда генерал-квартирмейстер⁷⁵ предложил расформировать обескровленные дивизии и вместо них сформировать новые, более компактные и боеспособные, фюрер отказался пойти на это «по политическим и пропагандистским причинам». Начались времена фантомных дивизий, флажков, выстроившихся, словно на парад, на карте штаба ради участия в демонической *Игре в войну* диктатора, уходившего от реальности все дальше и дальше.

Кроме того, Штауффенберг располагал информацией, присланной с фронтов. В августе 1942 года Мерц фон Квирнхейм, занимавший такую же должность, что и он, в штабе 6-й армии, сообщил, что боевая мощь частей армии едва доходила до 50 % от положенной. Могло показаться, что в связи с этим они всерьез рассматривали попытку низложения Гитлера. Расширение районов боевых действий делало более реальной опасность поражения.

В Северной Африке надо было поддерживать Африканский корпус после поражения Роммеля от Монтгомери под Эль-Аламейном. В России, когда линия фронта немного стабилизировалась от Ленинграда до Харькова и можно было немного перевести дух, Ставка фюрера требовала продолжать наступление на Кавказ, чтобы перерезать путь в Индию и лишить Британскую империю одного из ее главных источников снабжения. Попутно предусматривался захват нефтяных месторождений в Азербайджане. Это было иллюзией кабинетного стратега. Немецкие войска несли огромные потери под Сталинградом, а изношенные танки пришли в плачевное состояние, находясь в 2000 километров от баз

---

⁷⁵ Так называлась должность Гальдера, поскольку функции начальника штаба ОКХ после вынужденной отставки взял на себя Гитлер.

снабжения в узких долинах Кубани или Черкесии. Не хватало всего: боеприпасов, горючего, запчастей. С Восточного фронта Франц Мехнерт написал Штауффенбергу, что немцы забыли великие уроки кампании Гнейзенау во Франции: вынуждать противника действовать вдали от его баз снабжения, изматывать его непрекращающимися нападениями, взять его голыми руками, когда он наконец совсем обессилит. Все предложения Клауса тонули в меандрах военной бюрократии. В сентябре 1942 года он представил руководству проект «директивы по повышению боевой мощи». Он считал, что следовало сократить на 10 % численность всех штабов, начиная с ОКХ, запретить использование политических средств, подменявших строгую иерархию, уменьшить вспомогательные функции и увеличить численность передовых войск. Несмотря на поддержку Гальдера, проект был отклонен. Это было понятно: слишком много у людей было маленьких привычек и удобных синекур! Ничего не случилось. Штаб погряз в спорах относительно штатной структуры. Над командной структурой нависла серьезная опасность. ОКХ покинул территорию Украины и перебазировался в Мауэрвальд в Восточной Пруссии. Штауффенберг перебрался туда. Гитлер уехал в Берштетсгаден вместе с ОКФ. Полевой журнал ОКХ сообщил в октябре 1942 года: «Разделение Ставки фюрера и штаба Сухопутных войск создает трения и трудности в управлении вооруженными силами». Ничто не изменилось. Офицеры стали подавать голоса вопиющих в пустыне. Клаус продолжал писать рапорты с предупреждениями, как, например, тот, что датирован сентябрем 1942 года: «Нельзя рассчитывать ни на успех в Северной Африке, ни на успех операций на Северном Кавказе для того, чтобы атаковать англосаксонские войска». Но военная машина очень неповоротлива. Что оставалось делать, как не излить свою горечь? Как в письме к будущему несчастному герою Сталинграда генералу фон Паулюсу: «Бездумно начинаются самые безрассудные наступления. Жизнь ничего не значит – начальников волнует престиж, и они проявляют бесполезную отвагу. Жизнь тысяч людей волнует их мало».

Самое плохое, по мнению Штауффенберга, было то, что идеологическая зашоренность Гитлера не позволяла прибегнуть к единственному выходу из военного тупика: к сотрудничеству с гражданским населением. После коммунистического тоталитаризма, религиозных гонений, а главное, раскулачивания, принесшего смерть многим миллионам крестьян, население оккупированных территорий только и ждало, чтобы с триумфом встретить освободителей, которые вернули бы свободу, уважение к традициям и благосостояние. Общее понимание предполагало, что славяне не должны были рассматриваться лишь как недочеловеки на службе Великой Германии. Именно этих взглядов придерживалось большинство политических и экономических служб рейха, за исключением руководства партии и СС, полностью пораженных идеями самого вульгарного расизма.

Совместно с представителями Вильгельмштрассе (МИД) и Министерства по делам оккупированных территорий Штауффенберг в качестве старшего штабного офицера управления организации принимал участие во многих совещаниях по вопросам улучшения жизни на оккупированных землях. Несмотря на то что это стратегически важное ведомство возглавлял Альфред Розенберг, этот теоретик нацизма, удалось очень быстро достичь согласия о необходимости привлечения на сторону немцев населения оккупированных областей. Клаус принимал участие в составлении меморандума, опубликованного 24 февраля 1942 года, под названием «Предложения по ослаблению советского сопротивления». В тексте рекомендовалось окончательно решить вопрос «о земле и мире», который так ловко использовали большевики в войне против армий белогвардейцев, создать самостоятельные правительства на Украине и на Кавказе, восстановить свободу вероисповедания, вернув духовенству оскверненные коммунистами церкви. В этих предложениях не было ничего революционного. Но требовать этого от фюрера было слишком, поскольку 6 августа 1942 года он хвастливо заявил: «Мы растворим в себе или уничтожим сто миллионов славян. Если кто-то тут говорит, что ими надо заниматься, его следует немедленно бросить в концентрационный лагерь».

Штауффенберг приложил к этому делу всю свою энергию, как и большая часть военных. Но добились только принятия полумера. Вместе с генералом Кёстрингом Клаусу удалось вырвать у Министерства по делам оккупированных территорий обещание рассматривать население Кавказа как арийцев и в связи с этим сформировать из них самостоятельные национальные части. Так были созданы одна татарская дивизия, одна азербайджанская и две тюркских. Но

русским такой возможности не дали. Они могли самое большее формировать одну роту в немецком корпусе, а это было каплей в сравнении с огромной потребностью в солдатах. Пришлось ждать до 1944 года, чтобы довести до реализации план генерала Власова и сформировать русский легион из состава противников коммунистической идеи. Гитлер не хотел ни в чем быть должником восточноевропейских народов. Они нужны ему были в качестве рабов, а не товарищей по оружию. Те немногие из них, кто пошел на сотрудничество с немцами, подвергались оскорблениям и насмешкам, одевались в разношерстную форму, получали самую низкую зарплату, старую технику и вооружение, им ставились абсурдные задачи. Все, что им разрешалось, так это служить в качестве «хивисов»⁷⁶, на подсобных должностях. 25 июня 1942 года Штауффенберг принял участие в подготовке директивы о равном отношении к иностранцам-добровольцам и к фронтовикам-немцам «во имя человечности, справедливости и эффективности». ОКВ к этому документу не прислушалось и к исполнению не приняло.

Клаус сжимал зубы от бессилия ввести в действие документ, который мог бы изменить лицо войны. Он переговорил об этом с офицерами, которые приезжали с фронта. В частности, с офицерами из группы армий «Центр», которые знали, что говорили. С майором разведслужбы фон Герсдорфом и с полковником Хеннингом фон Тресковым. Дружба Клауса с последним стала еще крепче. Именно Трескову суждено было стать одним из столпов событий 20 июля. Прусский протестант Тресков и швабский католик Штауффенберг негодовали по поводу этого идеологического ослепления, запрещавшего относиться как к товарищам по оружию к народам, которые, по крайней мере вначале, воспринимали немцев в качестве освободителей. Они хотели бы сформировать корпус в 200 000 или 300 000 человек, национальную армию, созданную на русской земле под командованием русских же офицеров. К тому же она должна была бы разговаривать на языке Священной Руси, любимой родины с ее избами, колоколами, попами и иконами! К тому же надо было вернуть мужикам землю, которую у них отняли, чтобы организовать на ней колхозы и совхозы, эти живые символы их рабства. Надо было бы также дать им возможность быть самими собой. На это нацистское государство пойти не могло.

Совещания следовали за совещаниями. Все впустую. В октябре 1942 года в Виннице проходило совещание с заинтересованными министерствами по вопросу «аграрной политики на востоке». В нем, в частности, приняли участие Шмидт фон Альтенштадт, Клаус и Отто Шиллер, отец жены Бертольда – Мелитты. Выводы были однозначны: «Германия сеет там ненависть, которая будет перенесена на детей последующих поколений». В декабре 1942 года Штауффенберг напомнил о том, что «экономические службы оказывают на население невыносимое давление». Он упомянул также о незаконных поборах с гражданских лиц, постоянные грабежи, бесчеловечное отношение к пленным. Из пяти миллионов пленных два миллиона уже умерли. Отчеты потрясли. Так, гауляйтер Эстонии сообщал об абсурдных реквизициях – 27 000 крестьян были подвергнуты санкциям за то, что не поставили продовольствие в нужном количестве. Однако 24 000 из них имели лишь по одной корове. Генерал фон Шенкельдорф из группы армий «Центр» со скорбью сообщал, что его печалила судьба местного населения. Генерал Кёстринг требовал радикально изменить отношение к русским, потому что повсюду на борьбу поднимались толпы партизан, угрожавших тылам немецкой армии. А ведь можно было бы повернуть их в другую сторону, то есть спровоцировать восстание против советского строя, развернуть белую партизанскую войну, которая позволяла бы надеяться на создание свободной России. Шмидт фон Альтенштадт полагал, что это еще можно было сделать при условии предоставления гарантий и перспектив мира, которые позволили бы начаться возрождению свободной и независимой России, сбросившей советское иго.

К тому времени Клаус для себя уже все решил. И сделал решительный шаг, как внутренне, так и публично. Он готов был замарать руки ради того, чтобы покончить с преступной карьерой фюрера. Первое упоминание об его намерениях убить человека относится к 24 сентября 1942 года. В тот день для обсуждения ситуации и новостей в кабинете подполковника Мюллера

⁷⁶ «Хильсвиллиге», добровольцы, имевшие право служить в тылу.

Гильдебрандта собрались подполковники Шмидт фон Альтенштадт и Штауффенберг, а также генерал Бляйхер. Бляйхер сидел в кресле, Штауффенберг примостился на уголке стола. Все были недовольны. Они только что узнали о том, что Геринг потребовал поставить для Люфтваффе технику, необходимую для оснащения 5 танковых дивизий. Он решил сформировать 10 отдельных дивизий с подчинением их военно-воздушным силам. Дивизии должны были быть оснащены самой лучшей боевой техникой и оружием, они становились его преторианской гвардией. Другими словами, они никогда не должны были отправиться воевать на Восточный фронт. Для укомплектования этих дивизий он вытребовал 170 000 новобранцев. Он даже не скрывал своей идеологической мотивации. Геринг заявил, что хотел уберечь от тлетворного влияния офицеров старой армии этих молодых людей, возвращенных в духе национал-социализма. Отдавать руководство ими вчерашним офицерам было бы слишком расточительно. Можно было представить себе холодную ярость вермахта, лишавшегося таким образом людей и оружия, в которых он так сильно нуждался. Как мог этот страдавший кокаиноманией сатрап лишать обескровленные войска цвета немецкой молодежи? Человек, которого больше заботили шикарные праздники на его вилле Каринхалл, нежели судьба войск? Бляйхер был намерен переговорить об этом с фюрером, высказать ему все, что думал об этом расфуфыренном преемнике. Штауффенберг не выдержал: «Главный виновник всего этого – Гитлер. Для того чтобы стали возможными коренные перемены, он должен быть уничтожен. Я готов сделать это». Наступила мертвая тишина. Теоретически это заявление тянуло на военный трибунал. Но ничего не случилось. Сработала кастовая солидарность. Офицер должен давать отчет только себе равным. Это стало также доказательством того, что его мысли, несомненно, разделялись присутствовавшими.

В октябре Клаус снова заговорил о своих намерениях. Он объяснил подполковнику Мюллеру Гильдебрандту, с которым стал очень близок, что было необходимо, чтобы кто-то из офицерского корпуса, он или кто другой, тайно пронес пистолет навстречу с фюрером и убил «проходимца», хотя бы за это и пришлось пожертвовать собственной жизнью.

Мысленно он уже сделал выбор. Жребий был брошен. Оставалось найти способ действия!

Размышления о справедливой войне и убийстве тирана

Все эти события 1942 года позволяют понять выбор Штауффенберга. К счастью, один из его сослуживцев по штабу, майор Бергер, сохранил воспоминания о размышлениях, которыми они обменивались в эти решающие месяцы. Поднимаясь над сутолокой повседневной жизни, эти воспоминания рисуют показательную картину его самых глубоких мотиваций на политико-религиозной основе.

Обстоятельства располагали к откровенным разговорам. Посвятив с утра время для организации того, что можно было сделать, приятели отправлялись на продолжительные прогулки верхом по украинским полям, залитым светом заходящего солнца. Они говорили про воинский долг. В военном училище они познакомились с трудами Клаузевица. И вдохновились ими. Он стал для них как родной отец. Он научил их тому, что «война является продолжением политики другими средствами». Начиная с момента, когда народы взяли в руки оружие под влиянием Французской революции, целью войн стало уничтожение противника ради достижения политических целей. Но ведь эти цели надо было еще перед собой поставить! А к 1942 году Гитлер ставил совсем нереальные цели. Война без остановок, стремление поработить половину Европы, идея о непримиримой вражде между германцами и славянами на фоне музыки Вагнера – все это могло привести только к катастрофе. Если отделить войну от всякой политической логики, она является чистой воды насилием, кормящей самую себя. Штауффенберг помнил выражение Клаузевица: «Серьезное средство для серьезной цели», а также выражение Мольтке: «Любая, даже победоносная война является великим национальным бедствием». Честь шпаги должна быть на службе справедливого дела. Он считал глупой столь любимую нацистами мысль Ницше: «Вовсе не правое дело оправдывает любую войну, а священная война оправдывает любое дело».

В этих размышлениях он пошел еще дальше. Он был уверен в том, что эти действия должны основываться на разуме. Для этого он напомнил Бергеру слова отцов церкви, в

частности святого Фомы Аквинского. Пояснив при этом, что недавно перечел отрывки из «Суммы теологии», в которой изложены христианские принципы «праведной войны». Эта война предполагала выполнение нескольких условий: легитимность монарха, принявшего решение о войне, наличие прямого намерения помочь добру и наказать зло, констатация того, что все другие средства для прекращения смут оказались бесполезными, наличие серьезных шансов на успех и гарантии того, что порожденные войной беды не превзойдут по значению зло, с которым предстояло сражаться. Но нацистская Германия была далека от того, чтобы соблюдать эти принципы. По мнению Клауса, традиционного консерватора, гитлеровский режим по определению был нелегитимен. Он появился на еще дымившихся руинах империи и развалинах умиравшей республики и стал лишь «отступлением от идеи демократии». Хотя дело было справедливым в рамках исправления унижительных условий Версальского мира, оно перестало быть таковым, когда рейх восстановился в границах 1914 года. Как и Бисмарк, он полагал, что «Германия была удовлетворена» и что ей следовало бы любой ценой добиваться мира. Расовые бредни фюрера и злоупотребления, к которым они привели, исключали всякое «праведное намерение». Отказ от переговоров с народами Восточной Европы и непринятие какой бы то ни было мысли о прекращении крестового похода против большевизма доказывали, если в этом была какая-то необходимость, что мирные пути решения не были рассмотрены. Наконец, поворот в военных операциях все яснее и яснее показывал, что шансы на военный успех были близки к нулю, а причиненный войной вред намного превосходил возможные людские трагедии. Именно опираясь на эти здравые рассуждения, Штауффенберг старался убедить Бергера в том, что они «ведут несправедливую войну». Тот соглашался, но проявлял сдержанность. Разве они не были связаны присягой на верность фюреру? Разве неподчинение политическому руководству в разгар боев на фронте, опасность подорвать веру воюющих войск не было государственным преступлением, некой формой безответственности офицера тыла?

Но у Клауса на все был готов ответ. И всегда ему помогал святой Фома. Тогда он процитировал слова мудреца об убийстве тирана из книги «О правлении государей»: «...тиран преследует свои интересы, а не интересы своих подданных». Следовательно, при таком режиме правления не было никакого закона в смысле всеобщего и абстрактного понимания общего блага. Не было никакого общественного порядка. Поэтому «не было ничего мятежного в том, чтобы свергнуть подобный режим». Цареубийство стало требованием морали, возмущением совести, честью погон. Смущенный, но не убежденный, Бергер продолжал воздерживаться, хотя этот вопрос часто поднимался в их разговорах.

Они были увлекательными. И позволяли понять духовное развитие Штауффенберга. Он уже больше не был юным романтиком, легко поддающимся на соблазн очарования слова и магии мифов, презиравшим политику. В 1942 году он заставил работать свой ум и свои религиозные убеждения. В протоколах обысков гестапо отметило, что среди его бумаг была обнаружена большая энциклика (послание) Папы Римского Пия XI «*Со жгучей озабоченностью*», однозначно осуждающая восхваление превосходства рас: «Тот, кто намерен обожествить расу или народ, государство или форму государства [...] путем идолопоклоннического культа, искажает порядок вещей». Нацистские полицейские обнаружили также проповеди монсеньора фон Галена, «Мюнстерского льва», который, несмотря на вопли коричневых агитаторов, во всеуслышание осудил политику уничтожения слабоумных и душевнобольных и добился прекращения данной практики, пусть и всего на несколько месяцев.

В 1942 году в душе Клауса крест Голгофы явно сменил прелести свастики. Он был готов действовать, это было потребностью, объединившей в едином порыве веру и разум. И он решил найти себе сообщников для достижения этой цели. В первую очередь среди военачальников.

Констатация бездействия Главного штаба

Начиная с сентября 1942 года Штауффенберг отчаянно старался найти какого-нибудь военачальника, который смог бы положить конец войне, выразив твердую решимость начать переговоры с противниками, которые были еще очень далеки от победы в этой войне. Если при этом еще и Гитлер будет свергнут, тем лучше. В тот час это еще не было главным. Военные аргументы имели больше шансов быть услышанными. Тогда он взялся за посох паломника. Это

было удивительное зрелище. Молодой штабной офицер – майор до декабря 1942 года, затем подполковник – умолял генералов, приглашая их принять участие в восстании или, по меньшей мере, взять в свои руки ведение военных дел. Это становится менее удивительным, если знать его характер, его убежденность в том, что он – избранный, его стремление стать избранныком судьбы. Умевший вести себя в любой обстановке, рожденный рядом с властью, носивший кавалерийские бриджи с двумя красными полосами штабного офицера (почти такими же, как лампы генералов), он всегда вращался на орбите больших звезд. Они не производили на него сильного впечатления. И все же это было свидетельством невероятной смелости.

Вначале он посетил начальника штаба группы армий «Б» генерала фон Зоденштерна в его Ставке в Старобельске. Встреча прошла тепло и сердечно. Оба помнили о своей переписке в 1939 году относительно воинского долга. Зоденштерн был рад пожать руку этому молодому товарищу со столь высокими принципами. Они договорились о том, что следовало прекратить войну, похожую на «утку, бегущую без головы». А для этого нужно было единство среди командования. Надо было сделать так, чтобы Гитлер прекратил вмешиваться в вопросы стратегии. Надо было покончить с преступлениями режима и любой ценой добиться заключения мира на востоке или на западе, это было неважно, чтобы перевести дыхание. Диагностика была одинаковой. Но способы лечения разные. Когда Штауффенберг предложил опереться на «военные структуры страны, чтобы взять власть в свои руки», генерал категорически отказался. И заявил, что это было бы похоже на «бунт перед лицом врага». И добавил, что армия выполнит свой долг до конца, а если произойдет смена режима, то есть государственный переворот, она воспримет это с удовлетворением. Но фронтовые офицеры этого знать не должны были, а уж тем более в этом участвовать.

Клаус уехал от него разочарованным. Генерал Гальдер тоже не дал ему надежды. Снятый с должности начальника Главного штаба, убежденный противник нацизма, отнесенный партией к разряду неблагонадежных, имел все основания принять участие в этом деле. Он приказал своим бывшим подчиненным не навещать его, поскольку знал, что за ним следило гестапо. Встреча была короткой. Все те же слова о лояльности, воинском долге, присяге, продолжавшейся войне. В своих «Мемуарах» Гальдер так рассказал об этом разговоре: «Его доверенные люди из Сопротивления, казалось, все больше склонялись к покушению». Как христианин, он не смог с этим согласиться. В основном они договорились, но разошлись в выборе средств. «Молодежь теперь думает не так, как я, – добавил он, а затем отметил глубокое смятение своего бывшего сослуживца: – После моего ухода под руководством сменившего меня человека борьба против Гитлера стала невозможной. Больше нельзя было обмениваться мыслями, потому что у стен появились уши [...]. Штауффенберг решил отправиться на фронт, по скольку больше не мог выносить этого психологического испытания».

В ОКХ Клаус чувствовал себя ненужным, у него было ощущение того, что он старался заделать все больше расширяющуюся пробоину жалкими подручными средствами. И предпочел поехать на фронт. Тогда Франц Мехнерт написал: «Ему было горько сознавать, что он был удален от своей природной среды», войны, огня, алтаря жертвоприношения. И потом, «под его ногами начала гореть земля», как он сказал Бертольду в ноябре 1942 года. Некий генерал попросил его умерить пыл: «Если вы немедленно не прекратите эти глупости, я отдам приказ немедленно вас арестовать». И тогда в конце 1942 года Клаус попросил отправить его в зону военных действий на должность начальника штаба какой-нибудь танковой дивизии. А Нине объяснил, что «впутался в одно опасное дело».

Как можно объяснить этот отъезд? Желанием покончить с жизнью, казавшейся с той поры лишеной смысла? Осторожностью по отношению к своим товарищам по мятежу? Желанием покинуть тихую обстановку штабов и их подковерную борьбу? Усталостью от постоянных торгов с высокопоставленными государственными служащими, а также желанием просто командовать, выполнять свой воинский долг, не имея личных целей, вдали от тыловых компромиссов? Несомненно, всего этого понемногу. 4 февраля 1943 года его рапорт был удовлетворен, он был назначен начальником штаба 10-й танковой дивизии в Северную Африку. Он снова загорелся. Зная, что дни его пребывания в ОКХ были сочтены, он развил бурную деятельность. Слава за это досталась другим. Но это было не важно, он поставил на карту все.

Своему другу майору Тюрингену он сказал: «Управление народом состоит также и в

управлении армией, а это мы скоро возьмем в свои руки».

Он возобновил отношения со старыми знакомыми по Военной академии. Так, 8 января 1943 года в Берлине, в доме своего друга Петера Йорка фон Вартенбурга, он принял участие в собрании многих противников нацизма, стоявших более или менее близко к власти. Среди них были: бывший начальник штаба Сухопутных сил, уже участвовавший в заговоре 1938 года генерал Бек; генерал Герделер; бывший посол в Риме Ульрих фон Хассель, министр финансов Пруссии Йоханнес Попиц; один из руководителей берлинской полиции Фридрих Дитлоф фон Шуленбург. Там был также владелец лесных угодий и потомок победителя в войне 1870 года Джеймс фон Мольтке, основатель кружка Крейзау, в котором несколько известных личностей начали задумываться о судьбе страны после Гитлера: советник-посланник Министерства иностранных дел Адам фон Трот цу Зольц; дипломат и видный деятель протестантской церкви Эжен Гернштенайер. Это собрание явилось вехой окончательного вступления Штауффенберга в начинавшийся формироваться заговор. Оно также означало сближение двух ветвей сопротивления: «старого», консервативного, христианского и монархического в лице Бека, Герделера, Хасселя, Попицаи «нового», объединявшего более молодых, более открытых, лучше понимавших изменения в мире и более расположенных к действию. До 20 июля эти группы сосуществовали, хотя и не без стычек и задних мыслей, ради общей цели: низложения тирана. Тогда уже речь пошла не о расплывчатых проектах, не о теоретических спорах, не о разговорах после ужина, а о том, чтобы соорганизоваться и действовать, а здесь и проявился весь талант Штауффенберга. Вечером 8 января было решено действовать совместно и в ближайшем будущем встретиться вновь. Клаусу было поручено осуществлять связь с армией.

25 января некоторые из них собрались дома у Герделера. Там были и военные, включая Штауффенберга, генерала Ольбрихта и полковника Хеннинга фон Трескова. Тот принес печальную новость. На Восточном фронте под Сталинградом назревала военная катастрофа. Слепление Гитлера, его отказ на выравнивание линии фронта и выход из города, носившего имя его главного врага, вскоре могли привести к поражению. Армии фон Паулюса суждено было погибнуть в окружении в ледяной тюрьме. Несмотря на это, генералы отказались выступить против режима. Командующий группой армий «Центр» Клюге отказался принять участие в политическом деле. Он согласился с тем, что написал генералу Цейтлеру⁷⁷ генерал Хубе: «Необходимо, чтобы фюрер восстановил единое и прямое управление войсками и чтобы этим занимался не он, а кто-то другой». Но дальше этого он пойти не пожелал. Итак, от крупных военачальников ждать было нечего. Тогда заговорщики разработали первый план. Политическую часть заговора должен был взять на себя Герделер. Кто-то должен был убить Гитлера, а резервная армия, где служил Ольбрихт, должна была взять в свои руки власть в Германии. Это была довольно мощная сила, объединявшая резервистов, сменные части и призывников. Надо было еще решиться на действия против нацистов. Ольбрихт был уверен, что справится с этим при условии наличия времени и смерти Гитлера. В тот день были выработаны первые варианты действий по плану государственного переворота 20 июля 1944 года. Впоследствии многие детали были изменены с учетом развития событий. Но основная идея была неизменной. Оставалось только привести план в действие. Естественно, если бы кто-нибудь из видных военачальников согласился принять в нем участие, все значительно упростилось бы.

На следующий день Штауффенберг и бригадные генералы Фельгибель и Шмундт попытались уговорить генерал-фельдмаршала фон Манштейна. Он мог бы стать весомой фигурой. У него было высокое воинское звание. Он был, несомненно, лучшим стратегом Гитлера, именно он придумал гениальный удар по Франции. Прекрасный офицер вильгельмовской закалки, он всегда проявлял большую сдержанность в отношении нацистских идей. Трескову он был обязан тем, что смог лично представить свой план Гитлеру в 1940 году. Кстати, он был так близок с ним, что согласился взять к себе адъютантом одного из близких Трескову людей, лейтенанта Александра Штальберга. Заговорщики возлагали на него большие надежды. Штауффенберг попытался уговорить его пойти к Гитлеру, пригрозив отставкой и

---

⁷⁷ Преемник Гальдера.

потребовать назначения начальником штаба всех вооруженных сил. Но Манштейн отказался это делать, не столько из опасения, сколько из нежелания требовать что-то для себя лично. Древняя эlegantность, достойная уважения, но трагически бессильная. В своих дневниках Манштейн вспомнил эту удивительную ситуацию, в которой офицеры младше его по званию уговаривали его потребовать всей полноты командования, по крайней мере войсками, действовавшими на Восточном фронте. «Они объяснили мне, что надо было добиться сосредоточения командных функций в одном месте и что фюрер должен был назначить такого начальника штаба, которому он бы полностью доверял [...]. Потом был разговор со Шмундтом. Он показал мне, как часто нужные решения принимались слишком поздно [...]. Фельгибель хотел, чтобы я добился назначения на должность начальника Генерального штаба. Но об этом не могло быть и речи. Мое назначение на этот пост имело смысл только в случае, если такое решение было бы принято без меня, а мне было бы оказано доверие». Итак, снова шах и мат. Однако были приняты все необходимые меры предосторожности. Ни Фельгибель, ни Шмундт, ни Штауффенберг ни разу не проговорились про государственный переворот и свержение режима, речь шла только об организации оперативного управления. Манштейн вспоминал, что «желания Штауффенберга сплотить высшее командование против Гитлера не прослеживалось [...]. По крайней мере, лично я этого не увидел». Штауффенберг был в ярости. И высказал майору фон Тюнгену: «У этих военачальников в голове одна солома».

Разгром под Сталинградом 2 февраля 1943 года его вовсе не удивил. Отдохнув несколько дней в Лаутлингине, он 11 февраля отбыл в Тунис, а уже 14 февраля представился своему новому начальнику, дивизионному генералу фон Бройху, командовавшему 10-й танковой армией. Устав быть «ненужным слугой» командования, делавшего все не так, он был счастлив попасть в войска для того, чтобы заниматься тем, что он умел делать: воевать.

Он был в полном неведении о том, что творилось в Берлине. Заговорщики попытались воспользоваться шоком от поражения под Сталинградом для того, чтобы убить Гитлера и передать власть в руки резервной армии.

Несмотря на предупреждения Герделера, все еще не решившегося на участие в плане убийства, Хеннинг фон Тресков уговорил действовать нескольких генералов – фон Бека, начальника организационного департамента Штиффа, Ольбрихта и офицеров из своего окружения. Первая попытка покушения должна была состояться 13 марта в Ставке командующего группой армий «Центр» генерала фон Клюге. С молчаливого согласия последнего, не принимавшего участия в заговоре, но и не выдавшего заговорщиков, группа офицеров во главе с Хеннингом фон Тресковым, Георгом фон Бозелагером и Фабианом фон Шлабрендорфом должна была дожидаться, когда фюрер удобно устроится в офицерской столовой, а затем прикончить его из пистолетов. План рассадки за столом был составлен так, чтобы Гитлер попал под перекрестный огонь нескольких заговорщиков. Та же участь ждала и сопровождавших фюрера людей, в частности Гимmlера. Тем самым планировалось одним ударом обезглавить государство, партию и СС. Не повезло: *рейхсфюрер* отказался приехать, Клюге отказался помогать. Он опасался войны между вермахтом и СС. К внешней угрозе могла добавиться внутренняя распря. Заговорщики были в отчаянии, но им пришлось с этим смириться. И они ничего не могли поделать, глядя на вегетарианские выкрутасы хозяина Берлина. Но своего последнего слова они еще не сказали. У них был наготове запасной план. В бутылки с коньяком была помещена взрывчатка. Когда фюрер собрался уезжать, Шлабрендорф попросил его адъютанта прихватить с собой ящик коньяка, чтобы передать его полковнику Штиффу. Это было в порядке вещей между сослуживцами по штабу. Хитрость сработала. Ящик был уложен в багажное отделение. Когда самолет «Вульф Кондор» вылетел в направлении Растенбурга в Восточной Пруссии, этот полет должен был стать последним. «Он полетел в ад», – прошептал Фабиан. Часовой механизм должен был сработать над Минском. Все затаили дыхание. Собравшись у радио, ждали новостей. Но ничего так и не произошло. Авиационно-диспетчерская служба просто сообщила, что самолет приземлился нормально. Так что же, черт возьми, случилось? Сообщники вздрогнули. Если бомба не взорвалась, это означало, что ее обнаружили. Но как? Самолет ведь находился в воздухе. Это оставалось тайной. Все ждали прихода представителей СД или других инквизиторов в коричневой форме. На другой день бедняга Шлабрендорф вылетел самолетом в Растенбург. Там он заявил, что

прилетел чисто случайно и что хотел бы забрать свой презент, чтобы вручить его Штиффу лично. Адъютант Гитлера Брандт не усмотрел в этом ничего особенного. Он вернул ящик, не обращая на него особого внимания. Шлабрендорф с облегчением устремился в отдельную комнату. И увидел, что им невероятно не повезло. Детонатор оказался замороженным на холоде, усиленном высотой. Это была первая неудача военного сопротивления в том году. Вскоре случилась и вторая.

Другой сообщник Трескова, подполковник фон Герсдорф, согласился пожертвовать собой. Он планировал надеть пояс со взрывчаткой и взорваться вместе с фюрером во время выставки трофейного советского оружия 20 марта, в «День героев». Когда Гитлер вошел в арсенал, он запустил часовой механизм, будучи готовым к высшему самопожертвованию. Но в тот день маленький капрал из Браунау был в плохом настроении. Он куда-то торопился. И перед экспонатами останавливаться не стал, а быстрым шагом прошел через весь зал. Спустя полчаса после прибытия он уехал. Часовой механизм был установлен на взрыв с задержкой в сорок пять минут. Герсдорф едва успел добраться до туалета, чтобы обезвредить бомбу. Успел. Но Гитлер был жив. Опять неудача. При ближайшем рассмотрении этих серьезных планов, разработанных и осуществленных полными решимости людьми, этой немислимой череды неудач, этих добрых фей, оберегавших вопреки всему человека, который никак не должен был уцелеть, историк не может отделаться от ненаучного, но очень захватывающего ощущения того, что некий роковой союз объединял этого человека с немцами, которым суждено было терпеть его до сожжения во дворе рейхсканцелярии в 1945 году.

Ну а в то самое время Штауффенберг ничего не знал о неудачах друзей. Он жил другой жизнью, жизнью немецких армий, теснимых в Тунисе англо-американскими войсками, неумолимо сжимавшими свои гигантские тиски между Алжиром и Ливией.

На фронте

Когда Клаус прибыл в Тунис, ситуация на фронте была отнюдь не радостной. С запада, из Алжира, наступали войска генерала Патона. С юга вдоль «линии Марет» стояла в готовности взять город 8-я армия Монтгомери, покрывшая себя славой побед под Эль-Аламейном, в Киренаике и Феззани. Немецкие войска, руководимые генералом Кессельрингом из штаба в Италии, уступали противнику: англо-американцы значительно превосходили их в материальных и людских ресурсах. Из своего штаба в Тунисе генерал фон Арним был намерен выиграть время и зацепиться за те позиции, которые еще можно было удержать. Роммель, больной, но по-прежнему очень активный, хотел использовать остатки наступательной мощи своего Африканского корпуса, чтобы опрокинуть американцев и отбросить их к морю в Алжире. Пока шли споры, союзники укреплялись.

В 10-й танковой дивизии обстановка была не из радостных. Командир дивизии генерал Фишер совсем недавно погиб при вражеском обстреле. Его спешно заменил генерал фон Бройх. Бывший начальник штаба дивизии полковник Бюрклин был тяжело ранен и ждал эвакуации. Техника была изношена, разбита, не хватало запчастей.

Сразу по прибытии Штауффенберг был встречен с неприязнью. Все жалели Бюрклина. И полагали, что салонный офицер прибыл на смену закаленному в горниле боев воину. Разве не было на нем великолепного серо-зеленого мундира штабного офицера, в то время как большинство носили запыленную и разношерстную сахарскую форму? Но очень скоро Клаус смог влиться в коллектив. У него была замечательная способность адаптироваться к условиям. Всех очаровала его врожденная властность. Свой КП он оборудовал в старом трофейном английском автобусе, который следовал за войсками в непосредственной близости от линии фронта. Он постоянно находился в движении, с сигаретой во рту по нескольку часов диктовал четкие и точные приказы, которые с радостью воспринимались офицерами на передовой. Они понимали, что ими руководила твердая рука, принимающая во внимание условия местности. Он регулярно встречался с офицерами. И старался с каждым установить личный контакт. Его автобус был всегда открыт для боевых товарищей, которые иногда бывали проездом. Как и в ОКХ, у него всегда находились для них кофе, шнапс или сигареты. В боевых условиях он полностью отбросил кастовые предрассудки. Когда во время бури к нему явился какой-то

посыльный, он приказал передвинуть стол с картами, чтобы тот смог присесть отдохнуть, невзирая при этом на его звание. Один из его подчиненных, лейтенант Бюрк, написал жене: «У нас служит один из штабных офицеров, он просто великолепен, высший класс». Клаус очень скоро стал любимцем дивизии, что доказывало его человечность и силу убеждения. «Когда с ним говоришь, – добавил Бюрк, – знаешь, что он прав».

С генералом отношения тоже были великолепными. В ужасной обстановке, в которой они вместе оказались, Бройх был очень доволен тем, что мог положиться на такого работоспособного офицера, который к тому же мог переложить на музыку принимавшиеся им решения. Позже он написал, что это был «человек прямой, противник нацизма и невероятно серьезный штабник». По-человечески они были на одной частоте волны. Вечерами, после боев, побродив по камням, песку и высохшим руслам рек, они обычно с удовольствием распивали бутылочку карфагенского вина, размышляя о том, как переделать мир. Обсуждали все: ведение войны, бесноватость Гитлера, политику, литературу, музыку. Время от времени, устремив взор в пустыню, Штауффенберг вставал и читал наизусть стихи Штефана Георге, как рифмованную молитву, в память о прошлой жизни. Он не мог сдержаться от того, чтобы не заговорить о своих планах, о задуманном им покушении, о той роли, которую ему суждено было в этом сыграть. Лейтенант фон Хаген потом показал в народном суде, что однажды тот выпалил: «Мы должны убить этого парня». Никто ничего на это не ответил, но каждый молча согласился. Генерал пошел еще дальше. Несмотря на то что ему было жаль терять такого ценного заместителя, он ободрил его и посоветовал как можно скорее вернуться в Берлин, чтобы исполнить задуманное.

Но времени у Клауса на это не было. Его захватила война. И она его долго не отпускала. Боевые действия сменяли друг друга. Клаус отличался как при ведении оборонительных боев, так и при наступлении. Когда Роммель попытался прорваться по перевалу Кассерин вдоль границы между Алжиром и Тунисом, Клаусу удалось провести по узким горным дорогам два танковых полка и внезапно атаковать Шермана. За это он был отмечен в приказе. К несчастью, «тигры» застряли в песке, а «пантер» было не так много. Пришлось отступить. И опять-таки он же смог вывести попавшие в беду боевые части. В Тунисе Штауффенберг только отступал. На «линии Марет», возле Габеса, неподалеку от Соленого озера он играл с противником в кошки-мышки. Лишенный авиационной поддержки, при огневом превосходстве союзных войск, он маневрировал, как только мог. Он своими глазами увидел то, что осуждал еще в ОКХ: приказы доходят до войск с большим опозданием, они основывались больше на политических, нежели на военных соображениях. Лучшие войска были брошены на жертвенный алтарь ради военных сводок. Гитлер не желал никоим образом допустить, чтобы Северная Африка оказалась в руках союзников. Он опасался, что это может вызвать откол Италии. И тогда, чтобы сделать приятное Муссолини, он запретил ведение гибкой обороны, любой отход от линии между Суссом и Керуаном, хотя в этом случае войска смогли бы закрепиться на удобных для обороны позициях. Когда все же пришлось на это решиться, было слишком поздно. 10-й дивизии было поручено прикрывать отход. Перед арьергардом была поставлена безнадежная задача. Вечером 5 апреля в составе дивизии было всего 40 танков.

Утром 6 апреля между проходами Эль-Хафей и Бордж Бу-Хедма Штауффенберг постарался вывести из-под удара свои части. Из предосторожности они с генералом никогда не перемещались в одной машине. Иллюзий никаких он не строил. Перед тем как сесть в машину, он сказал лейтенанту Рейле: «Если мы сегодня останемся в живых, считайте, что нам сильно повезло». В проходе между горами под огнем «москитос» и «спитфайеров», среди окаменевших тел и горящих машин, он передвигался стоя в задней части своего автобуса боевого управления. Около полудня автобус был подбит вражеским самолетом. Клаус упал вперед, уткнувшись в землю залитым кровью лицом. Одна рука была наполовину оторвана осколками. Лейтенанту Шлотту удалось донести его до санитарной машины. После адской езды по ухабистым дорогам под налетами королевских ВВС, он был доставлен в военный госпиталь номер 200 в Сфаксе. Приговор врачей был суров. Он потерял левый глаз, правую ладонь пришлось ампутировать, на левой руке недоставало двух пальцев. Он мог пригодиться только в тылу.

Вернувшись в Германию, он двинулся навстречу своей судьбе, готовый выполнить то, что считал своим долгом, во имя законов Антигоны. «Эти вечные и неписанные законы богов, законы, не существовавшие ни ранее, ни теперь». Законы, «выполнить которые не в силах ни

один смертный».

Заговор

Возвращение воина стало прежде всего возвращением инвалида. После продолжительного следования в санитарном поезде Муссолини через всю Италию Штауффенберг в конце апреля 1943 года попал в госпиталь в Мюнхене. Лишенный нескольких пальцев и кисти, с наспигованными осколками головой, рукой и коленом, с пустой глазницей, он походил на собственную тень. Операция следовала за операцией. Его мучили ужасные головные боли. Достойный медали профиль был скрыт под повязками. Но он держался, особенно когда его навещала супруга. Нина ходила к нему очень часто. А он старался не выглядеть при ней несчастным героем. Он отказывался от успокоительных, болеутоляющих лекарств и от снотворного. Он хотел оставаться самим собой и не улетать в обманчивую пустоту искусственного рая. Навещавшие его друзья были поражены его спокойствием и желанием поправиться. В июне он уже снова был на ногах. Никому не позволялось помогать ему надеть пиджак. Он научился застегивать пуговицы на нем тремя оставшимися пальцами. Ими же он сам завязывал шнурки ботинок.

Активное выздоровление

Как только к нему вернулись силы, он снова обрел свою любознательность и жажду жизни. Начал слушать радио, следить за событиями, интересоваться сводками с фронтов. В июле он уже сопровождал своих кузенов в театр, был готов вернуться к воинской службе. В августе он уже не пользовался тростью. Необходимость вновь начать действовать против Гитлера казалась ему более жгучей, чем когда-либо. Будучи прикован к больничной койке, он узнал о драматическом поступке молодых студентов из организации «Белая роза». Хотя он и считал прекрасным это восстание сознания, но был уверен в том, что жертва эта была напрасной. Чему послужила казнь Ганса и Софии Шолль в феврале 1943 года? Чего они добились? Распространили несколько листовок по почте, разбросали их в Мюнхенском университете, потом последовал арест. И в итоге ничего! Он был сторонником полезной борьбы, реальной и эффективной. И считал себя человеком, созданным именно для такой борьбы. После разговора с ним в Мюнхене вдова погибшего на Восточном фронте Хеннинга фон Бломберга описала его как человека, глубоко понимавшего свою ответственность, испытывавшего горечь за то, что он не пал в бою, как многие его товарищи – «Их судьбе можно только позавидовать: им больше уже не приходится нести груз стольких ошибок», – но при этом горевшего удивительным внутренним огнем, уверенного, что судьба сохранила его для выполнения исторической миссии, которая могла спасти Германию. Он явно был поражен синдромом выжившего. Примерно то же самое он сказал и Нине: «Мы, штабные офицеры, все в этом повинны [...], но, знаешь, мне кажется, что я избран для того, чтобы сделать нечто ради спасения рейха [...]. Мы обязаны спасти Германию».

В течение нескольких месяцев своего выздоровления, проведенных по большей части в Лаутлингене до самого октября, политические заботы не смогли затмить собой его литературные наклонности. Вместе с Бертольдом и Робертом Берингером он говорил о полном собрании сочинений Хелдерлина, издать которое собирался последний. Они обдумывали вопрос, кто станет преемником по управлению наследием Георге, поскольку Франц Мехнерт 26 февраля 1943 года погиб на Восточном фронте у Старой Руссы. Бертольд предложил кандидатуру Клауса, пояснив при этом, что «нет никого другого, к кому бы он испытывал такое безграничное доверие». Рудольф Фарнер захотел показать ему свою новую рукопись, посвященную греческому поэту Дионису Соломосу, который в начале XIX века силой своего слова выступил против турецкого ига. Это, естественно, было созвучно с настоящим. Могло ли слово заменить действие? В это Штауффенберг больше уже не верил. И упрекнул друга в идеализме, в оторванности от реальной жизни. Но при этом с жадностью прочел рукопись. Он с

увлечением что-то вычеркивал, упрощал, снова перечеркивал. Он хотел добиться чистоты языка, без всяких примесей. Чувствовалось, что в нем говорила привычка к краткости приказов, отдаваемых на фронте. Слово должно было стать действием. Эта работа его утомила, но позволила снова стать самим собой. День 20 июля 1943 года задал хороший тон его последнему лету жизни. К нему в Лаутлинген приехали Фарнер и Берингер. Они вместе поработали над переводом песни VII «Одиссеи» Гомера, которую Франц Мехнерт закончил как раз перед гибелью от русского огня. Они также подготовили сбор средств по подписке для восстановления разрушенной в результате бомбардировки скульптурной группы пионерам Магдебурга в качестве дани памяти другу молодости, погибшему в русском аду.

Однако все эти умственные радости не могли отвлечь его от великого дела его жизни: свержения фюрера.

Он очень внимательно следил за происходившими в Берлине событиями. Прежде всего его заботило будущее назначение на службу. Ранения полностью исключали возможность возвращения на фронт. Он сожалел об этом, испытывая воинскую солидарность. Но это давало шанс, упускать который было никак нельзя. В штабе он мог бы находиться ближе к задуманной цели. И поэтому он вежливо отклонил престижное предложение генерала Гера фон Швеппенбурга стать начальником штаба командования танковых войск и кавалерии. Но с радостью согласился на предложение генерала Ольбрихта, начальника Общевойскового управления (АХА) ОКХ – одного из самых высокопоставленных участников Сопrotивления. Эта должность была стратегической. Под общим управлением генерала Фромма, командующего резервной армией, в состав которой входило около миллиона призывников, раненых и тыловиков, АХА фактически руководило и занималось обеспечением армии на территории рейха и на оккупированных территориях вне линии фронта. У Ольбрихта уже была возможность оценить эффективность работы Штауффенберга, когда тот был начальником организационного департамента. Он хотел иметь его рядом, чтобы положить на музыку будущие операции. Ольбрихт с помощью интриг добился этого назначения. В июле дело было сделано. Клаус был назначен начальником его штаба. 1 ноября 1943 года он должен был вернуться к активной службе. Это повышение и прекрасная для простого подполковника должность доказывали, что Штауффенберга наверху все еще высоко ценили.

Во время этого вынужденного отпуска обстановка ухудшилась как для вооруженных сил, так и для Сопrotивления. На Восточном фронте Красная армия одержала блестящие победы. Операция «Цитадель», эта попытка немцев прорвать фронт в районе Курс кой дуг и с 4 по 13 июля, закончилась тяжелым поражением. После самого великого в истории танкового сражения вермахт был вынужден отказаться от наступления. 18 августа пал Орловский выступ. 23 августа был сдан Харьков. За несколько недель фронт передвинулся на запад более чем на 300 километров. На юге 10 июля англо-американцы высадились на Сицилии. 25 июля Большой фашистский совет низложил Муссолини. На западе возможность высадки союзников не оставляла сомнений в исходе войны.

Вокруг антифашистов тоже затягивалась петля. Вот уже несколько месяцев противники режима, примыкавшие к шефу абвера адмиралу Канарису, были взяты под пристальный надзор, их часто вызывали на допросы. Фридрих Дитлоф фон Шуленбург несколько дней провел в застенках гестапо, но, видно, ни в чем не признался. Ганс Остер был снят с должности за какое-то непонятное дело с иностранной валютой. Были арестованы некоторые члены группы антифашистов, в том числе пастор Бонхеффер, Йозеф Мюллер и Ганс фон Донаний, обвиненный в использовании своего дипломатического таланта для организации бегства за границу нескольких семей ев ре ев.

Более, чем когда-либо, в первых рядах на линии огня оказались военные. Но они, за редким исключением, не желали ничего предпринимать. Единственным ценным приобретением заговорщиков стали главнокомандующий немецкими войсками во Франции генерал фон Штюльпнагель и главнокомандующий войсками в Бельгии генерал фон Фалькенхаузен. Но у них было два условия: фюрер должен был быть убит, и они не должны были касаться войск, которые подчинялись непосредственно главнокомандующему войсками на западе генерал-фельдмаршалу фон Рунштедту. Тем самым они подчеркивали, что на западе они не могли самостоятельно проявлять инициативу. Но Штюльпнагель согласился взять к себе

адъютантом офицера, осуществлявшего связь с заговорщиками. 2 августа Ольбрихту и Трескову доложили о сложившейся ситуации.

Положение Сопrotивления на востоке было еще более трудным. Ставший к тому времени генералом, Хеннинг фон Тресков попытался привлечь на свою сторону своего начальника, командующего группой армий «Центр» генерал-фельдмаршала фон Клюге. Но ничего не добился. Помимо доводов о верности, тот был связан подарком от Гитлера в 250 000 марок на шестидесятилетие. Он согласился встретиться с Герделером, который призвал его к восстанию. Он дал понять, что согласится принять в нем участие, если командующий южным крылом Манштейн тоже будет в деле. И направил своего адъютанта, давно склонного к сопротивлению подполковника фон Герсдорфа в Запорожье, чтобы тот переговорил об этом с Манштейном. Герсдорф выложил на стол все карты. Он вручил генерал-фельдмаршалу письмо от Герделера и Попица, в котором описывался их план. Манштейн внимательно прочел письмо, но отчитал посланника: «Армия не должна вмешиваться в подобное. Она давала присягу знамени и присягу на верность. Она должна всегда оставаться верной этой присяге. Любая попытка втянуть какого-нибудь военачальника в политическое руководство могла бы означать, что армия отказывается от самих основ воинской дисциплины, а это непременно обернулось бы против нее самой». Он снял с себя всякую ответственность, пояснив, что генерал фон Клюге должен был проявить инициативу и открыть Гитлеру глаза на ошибки управления армией, которые надолго парализовали войска. Он также раскритиковал план убийства фюрера: «Вы хотите его убить [...]. Я – солдат и не приму участие в деянии, которое сможет расколоть армию». Герсдорф уехал от него ни с чем. Однако Манштейн не стал его выдавать.

Все это было большим лицемерием. Генералы не желали пачкать руки, они хотели иметь чистую совесть, но в глубине души желали заговорщикам успеха и встретили бы его с огромным облегчением. Если это было бы сделано без них, если бы другие смогли положить конец абсурду бесперспективной войны, если бы был бы отстранен от власти считавший себя «величайшим полководцем всех времен» маленький капрал из Браунау, тем лучше. Не замаравшись в крови, они смогли бы поучаствовать в восстановлении рейха и выйти из отчаянной авантюры с поднятой головой.

Эта выжидательная политика дорого обходилась стране. В августе 1943 года Тресков попытался организовать арест фюрера, Геринга и Гимmlера в ставке «Мауэрвальд» в Восточной Пруссии, недалеко от Мазурских озер. Располагавшиеся неподалеку 18-я танковая дивизия и бригада механизированной кавалерии Георга фон Бозелагера были согласны двинуться на «Волчье логово», чтобы захватить живыми или мертвыми главных руководителей режима. Все было готово к действию. Но из-за приказа сверху операцию пришлось отложить. Еще одна неудача.

Потрясенный этими ставшими известными ему сорвавшимися попытками, Клаус заявил своему дяде Николаусу фон Юксюлю: «Раз генералы отказываются действовать, пусть это будет заговором полковников». В Берлине он стал его основным винтиком.

Заговорщики

Когда Штауффенберг в ноябре 1943 года приступил к исполнению своих новых обязанностей в АХА, его официальной задачей стало руководство под командой Ольбрихта всем тыловым обеспечением армии. А неофициально он стал координатором организации государственного переворота и убийства Гитлера. История сохранила его имя, выделив его из других заговорщиков не столько потому, что он сыграл в заговоре главную роль, а по причине яркого и зрелищного поступка, который он совершил. Он был единственным, кому удалось заложить бомбу в Ставке фюрера, единственным, чья бомба взорвалась, единственным, кто едва не достиг желаемой цели. А во всем остальном он опирался на людей и уже организованные ими сети. С этими людьми он работал в течение многих месяцев. Поэтому необходимо познакомиться с ними, чтобы понять его поступок.

Схематически, при возвращении Клауса в Берлин, консервативное сопротивление нацизму насчитывало три группы: «ветераны» из «клуба среды», представленные такими видными политическими деятелями, как Карл Фридрих Герделер, Ульрих фон Хассель и Йоханнес

Попиц; «умеренные» из кружка «Крейзау», куда входили Хельмут Джеймс фон Мольтке, Адам фон Трот цу Зольц и Петер Йорк фон Вартенберг; и, наконец, военные, основными фигурами среди которых были генерал-фельдмаршал фон Вицлебен, армейский генерал Бек, дивизионный генерал Ольбрихт и бригадный генерал фон Тресков, а также большая когорта старших офицеров. Четвертая группа с центром в абвере практически перестала существовать после отставки Остера и ареста Донания.

«Клуб среды», эта названная так неформальная группа, собиравшаяся по средам в Берлине в доме знаменитого хирурга Петера Зауэрбуха, объединяла человек двадцать руководителей. Они придерживались древней немецкой этики и находились под сильным влиянием политического лютеранства, взглядов Бисмарка о немецком сильном государстве в сердце Центральной Европы и монархических традиций, доставшихся в наследство от Гогенцоллернов. Поначалу этот клуб никак нельзя было причислить к Сопротивлению. Однако очень скоро он перешел в откровенную оппозицию режиму после принятия Нюрнбергских законов, «Хрустальной ночи» и проявления Гитлером дипломатического авантюризма в деле с Чехословакией. Таким образом, это был сравнительно старый очаг сопротивления нацизму. Во всяком случае, таковым его можно было считать с 1938 года. Можно довольно точно проследить эволюцию взглядов этой небольшой группы людей благодаря «Дневнику заговорщика»⁷⁸ Ульриха фон Хасселя, который чудом дошел до нас после невероятных перипетий. Там день за днем описывается жизнь участников заговора. Особенно выделены в нем три человека: Герделер, Попиц и Хассель.

Карл Фридрих Герделер родился в 1884 году в семье судейского, получил юридическое и экономическое образование и начал свою карьеру во времена империи. Националист, сторонник Великой Германии, включая Судеты и Австрию, он не был противником прихода к власти Гитлера. При нем он остался обер-бургомистром Лейпцига. В 1935 году он даже согласился стать комиссаром рейха по установлению цен. В 1937 году ушел в отставку, когда в его отсутствие муниципальный совет города убрал стоявшую перед зданием ярмарки статую Феликса Мендельсона из-за еврейских корней композитора. В произнесенной по этому поводу речи он четко обозначил свои взгляды: «Свобода индивидуума, свобода народа является главным условием гордости и подлинного могущества. Насилие – его погибель, право – его Бог [...]. Чувство ответственности должно доходить до готовности пожертвовать собой». Начиная с того дня он стал, пользуясь своим положением в возглавляемой одним из его друзей компании «Бош», ездить за границу, устанавливая контакты, открывая глаза на опасность нацизма и призывая к сопротивлению. Он, в частности, был близок с сэром Робертом Ванситтартом и влиятельным шведским банкиром Якобом Валленбергом. В 1938 году он сблизился с Бекем и обеспечил политическую сторону государственного переворота, подготовленного в связи с чехословацким делом. После неудачи переворота его продолжали рассматривать в качестве будущего главы государства постгитлеровской Германии. Дневник Хасселя показывает впечатляющий образ Герделера времен войны. Он постоянно проявлял активность, постоянно разрабатывал новые планы, будучи уверен в том, что законность и христианский гуманизм в конечном итоге победят варварство. В 1940 году из-за огромных экономических трудностей страны, в 1941 году после начала войны на Восточном фронте против России и еще в 1943 году после поражения под Сталинградом он считал, что режим должен был рухнуть как карточный домик. Его наивность временами была поразительной. В 1943 году он вдруг надумал пойти к Гитлеру и потребовать от него «с почетом уйти в отставку». Когда друзья раскритиковали это его намерение, он ответил так: «Подобные люди иногда преподносят приятные сюрпризы.» Его частые выезды за рубеж и его поступки, естественно, привлекали к себе внимание. Но никаких следов этого почему-то в его уголовном деле обнаружено не было. Нет сомнения в том, что секретные службы рейха считали его слишком большим идеалистом, неопытным дилетантом, чтобы они всерьез решили им заняться. Кроме того, его стерильная суетливость не завершилась выработкой ни единого конкретного плана. Будучи в самом сердце оппозиции, он противился убийству Гитлера по этическим соображениям. Его борьба за *rechtsstaat*, правовое

⁷⁸ «Дневник заговорщика 1938–1944 гг.», 1996.

государство, имела мало конкретики, за исключением проекта правления под названием «Цель», который имел хождение среди консервативной элиты с 1941 года. В нем он нарисовал картину идеальной, по его мнению, Германии: консервативной, патерналистской, федеративной, но с сильной центральной властью, опирающейся на самоуправление, на принцип взаимной ответственности и на христианские ценности.

Биография Йоханнеса Попица была примерно такой же. Он родился в 1884 году в семье пастора и был внуком высокопоставленного государственного служащего. Он принадлежал к той образованной крупной буржуазии, которая в Германии священно чтит право. Он сделал блестящую карьеру и в 1933 году стал министром финансов Пруссии. В 1938 году он подал в отставку в знак протеста против «Хрустальной ночи». Но его непосредственный руководитель, премьер-министр Пруссии Герман Геринг, отставки не принял, и Попиц оставался на своем посту вплоть до 20 июля 1944 года. Убежденный противник нацизма, он разработал в годы войны проект временной конституции, которая должна была вступить в силу после свержения Гитлера. Его жизненные принципы были примерно такими же, как у Герделера, выгодно отличаясь от принципов последнего тем, что они были точными и приближенными к практике. Будучи вхож в государственную администрацию, он пользовался этим для завязывания интриг. Но при этом его ум жил химерами. Несмотря на возражения других членов «клуба среды», он полагал возможным опереться на СС в борьбе против Гитлера и партии. В 1943 году он встретился с Гиммлером и попытался уговорить его примкнуть к заговору. Гиммлер, сознавая неудачный оборот военных операций, несомненно, подумывал о том, чтобы сохранить связь с оппозицией на случай свержения Гитлера. И никогда не разрывал окончательно этот контакт. Возможно, именно этим объясняется терпимость СД к деятельности Попица. Против него не было предпринято с этой стороны никаких действий. Но досье на него росло. На следующий же день после провала путча оно, естественно, всплыло на поверхность.

Из всех троих Ульрих фон Хассель был самым трезвомыслящим. Рожденный в 1881 году в семье генерала, убежденный монархист, он всю свою жизнь посвятил дипломатической карьере. И получил твердые навыки бисмарковского здравомыслия: реально соизмерять силы, не терять чувства меры, отвечать за свои слова. С 1933 по 1938 год он был послом в Риме и успешно содействовал сближению нацистской Германии и фашистской Италии. Но затем был отозван в Берлин по причине несогласия с военным авантюризмом Гитлера. Начиная с этого времени он стал использовать свое положение президента Экономической конференции Центральной Европы и Берлинского института экономических наук для участия в Соппротивлении и налаживания контактов с зарубежными странами в поисках маловероятного компромиссного мира. В феврале 1940 года он вручил Джеймсу Бернсу, одному из ближайших сотрудников британского министра иностранных дел лорда Галифакса, меморандум из семи пунктов, названный «Меморандум Ароза». Там были четко прописаны желаемые цели: «Прежде всего необходимо как можно скорее закончить войну. [...] Эта необходимость вытекает из того, что с каждым днем нарастает опасность того, что Европа будет полностью разрушена и захвачена большевиками». Условием было сохранение Германии в ее границах, включая Австрию и Судеты. Все остальное можно было решить путем переговоров. Этот план остался невыполненным: союзники не приняли его всерьез, а разгром Франции лишил его всякого смысла. Но этот план продолжал вдохновлять Хасселя до того самого момента, когда ухудшение обстановки на фронтах и выдвинутое на конференции в Касабланке требование о безоговорочной капитуляции Германии вынудили его уменьшить свои притязания. Его дневник показывает, что он был достойной уважения личностью, что он высоко ценил права человека и «основы христианской морали», признавал неизбежность поражения в войне, был готов пойти на любой компромисс с союзниками ради предотвращения большевизации Германии. У него был большой дар предвидения. Ни на секунду Хассель не предавался иллюзии относительно влияния «клуба среды», он понимал дилетантство своих товарищей, злился на их неосторожность, зная, что за ним следит гестапо. Но при этом был готов исполнять функции, которые могли быть ему поручены. Он многого ждал от военных, в частности от Штауффенберга, чей серьезный подход к делу и прагматизм «вновь давали ему надежду». Но он смирился с судьбой. Чем больше уходило времени, тем больше «пессимизм долга» подталкивал его к действию, пусть даже шансы на успех были минимальными.

Рядом с этими главными фигурами находились несколько видных личностей, которые дистанцировались от Третьего рейха, но не порвали с ним окончательно. Среди них были: старый член партии Ганс Бернд Гизевиус; «почетный корреспондент» абвера, работавший генеральным консулом в Цюрихе граф фон Гельдорф; заместитель начальника полиции Берлина Фридрих Дитлоф фон Шуленбург; Ялмар Шахт, занимавший с 1934 по 1937 год пост министра экономики, затем попавший в немилость из-за сопротивления политике чрезмерного перевооружения, но оставшийся президентом Рейхсбанка до 1939 года и министром без портфеля до 1943 года. Эта группа также поддерживала многочисленные контакты с еще уцелевшей монархической оппозицией, в частности в Баварии, с тайной газетой «*Вайсен блеттер*» («*Белые страницы*») князя Фюггера и барона фон унд цу Гюттенберга.

У этих людей было много общего: возраст, ценности, должности, связи с властными структурами. В Сопротивлении, где в момент начала действий основной груз должен был лечь на плечи молодых полковников, они отличались опытом, взвешенностью и мудростью. И в этом была их сила. Но очень часто они были лишены практической сметливости. Пока вояки не предлагали им никакого плана действий, сами они не предпринимали ничего серьезного. Рожденные в мире, существовавшем до 1914 года, когда еще не было тоталитарных режимов, они грешили верой в иллюзии, неосторожностью, верой в правосудие и разум, противопоставляя их колдовству пропаганды и истерии. Они грезили о реставрации того, что все хотели просто переделать.

А вот кружок «Крейзау» вовсе не выслеживал белку. В нем объединились ровесники Штауффенберга. Основателем кружка стал Хельмут Джеймс фон Мольтке, родившийся в 1907 году. Он доводился внучатым племянником знаменитому генерал-фельдмаршалу, мать его имела шотландские и южноафриканские корни. Сын адвоката, он тоже стал адвокатом, специалистом по международному праву. Он обучался в различных европейских университетах, в частности в «Бэлиоль колледж» в Оксфорде, где и подружился с Адамом фон Трот цу Зольцем. Его жизненный опыт и происхождение сделали его воспитанным космополитом, совершенно невосприимчивым к sireнам национализма. Он был сторонником британской системы подхода ко всему: «проверяй и взвешивай». Озаботившись нищетой шахтеров его родной Силезии, он стал больше интересоваться социальной сферой и принимал участие в деятельности лагерей Лёвемберга, где, в соответствии с социальной доктриной церкви, представители различных слоев общества были собраны для совместного обучения. Потом его даже прозвали «красным графом». Став экспертом вермахта по военному праву начиная с 1940 года, он собрал вокруг себя в своем имении Крейзау небольшую группу экспертов своего возраста для того, чтобы «создать новую Германию». По его начальному замыслу речь вовсе не шла о заговоре, а лишь о том, чтобы подготовить здоровую основу режима, который рано или поздно придет на смену Третьему рейху. И лишь позже, после многочисленных встреч с Штауффенбергом, он согласился примкнуть к заговору, наотрез отказавшись принимать участие в самом покушении под предлогом того, что «не мог согласиться с тем, что новая Германия началась бы с кровопролития», что непременно «породило бы новую легенду об ударе ножом в спину». Когда в январе 1944 года его арестовали и поместили в Равенсбрюк, он даже под пытками не выдал имен своих товарищей по размышлениям, и те смогли продолжить свою деятельность вплоть до 20 июля 1944 года.

Среди них был и другой создатель этого кружка, Петер Йорк фон Вартенбург. Он родился в 1904 году, тоже был адвокатом по профессии и членом группы Лёвемберга. Пробыв недолгое время в рядах национал-социалистов, он стал разделять идеи Мольтке. Среди его прочих качеств было заложенное в генах полное отсутствие субординации. Он был потомком знаменитого генерала Йорка, который в декабре 1812 года без разрешения короля Пруссии подписал с русскими Таурогенское соглашение, положившее конец войне с царской империей и ставшее началом разрыва союзнических отношений и освободительной войны против Наполеона. Осененный ореолом славы великого предка, Йорк имел все законные с точки зрения истории основания для оправдания государственного переворота и вступления в союз с англо-американцами. В остальном его принципами были «христианская этика, в которой должен был родиться новый мир, где чувство единения становится основой общества». Это общество не должно было замыкаться в границах одного государства, начиная с 1940 года он

стал выступать за то, «что бы смысл этой же с той войны перерос принцип национальной принадлежности, который пятьдесят лет разъединял Европу, искажал ее лицо, которое она теряла в глазах Запада. Ценности, за которые мы готовы умереть, должны быть более глубокими и более возвышенными». Его дом в берлинском районе Лихтерфельде на улице Гортензиенштрассе был одним из основных мест, где собирался кружок. Там он часто встречался с Клаусом и поддерживал его планы, проявляя при всем этом сдержанность в вопросе физического уничтожения фюрера.

Адам фон Трот цу Зольц был третьим основным человеком кружка «Крейзау». Карьерный дипломат, он родился в 1909 году и, подобно Мольтке, часть времени на обучение провел за границей. Он был стипендиатом фонда Сесиль Родес в Соединенных Штатах, учился в Мэнсфилде и в «Бэлиоль колледж» в Оксфорде, разделял взгляды некоторой части британской интеллигенции. В частности, он сблизился с Бертраном Расселом и сэром Стеффордом Крипсом, будущим лидером лейбористов. В те годы он надеялся на то, что «Великобритания спасет Германию от демонов», и выступал за «настоящую битву за права человека». Он увлекался Гегелем и не принимал толкование великого философа идеологами нацистского режима. Он считал, что «война, как решающий момент суда над миром, в настоящее время представляется абсурдом». До 1939 года он всю свою энергию направлял на то, чтобы избежать войны против Великобритании. Его знакомства в британском высшем свете позволили добиться встречи с лордом Галифаксом. Но встреча успехом не увенчалась. Начиная с 1940 года вместе со своими друзьями из кружка «Крейзау» он стал задумываться о послевоенном будущем страны, будучи уверен в том, что должен был сложиться новый международный порядок, основанный на мирном разрешении споров. Он привлек туда также несколько молодых дипломатов, самым известным из которых был Бернд фон Хефтен. Стоя к власти ближе, чем Мольтке и Йорк, он понял необходимость действовать и с 1943 года стал безоговорочно поддерживать план покушения.

Эта группа интересна не столько ее прямым участием в Соппротивлении, сколько большой умственной работой, проведенной ею для формирования послевоенной Германии в ходе трех встреч в Крейзау и на Гортензиенштрассе, состоявшихся с 22 по 25 мая 1942 года, с 16 по 18 октября 1942 года и с 12 по 14 июня 1943 года. Составленная в ходе этих встреч программа была намного более широкой, чем программа «ветеранов», нацеленная в основном на организацию государственной власти. В новой программе затрагивались не только институциональные вопросы, в ней шла речь о вопросах экономических, общественных, административных, об отношении между церковью и государством, о природе международных отношений. С точки зрения конституциональной это была очень прогрессивная программа. В обсуждавшемся вопросе подотчетности правительства парламенту только «реформаторы» безоговорочно высказались «за». Но добавили к этому одно положение, которое впоследствии обеспечило успех ФРГ: «вотум конструктивного недоверия». Для того чтобы добиться отставки правительства, парламент должен был непременно предложить кандидатуру нового канцлера, что гарантировало бы некую стабильность правительства. Преамбула *Конституции* 1949 года, начинающаяся словами «сознавая ответственность перед Богом», также является непосредственным результатом деятельности кружка «Крейзау». Главной заслугой Мольтке и Йорка можно считать то, что для участия в подготовительных работах и даже в пленарных заседаниях они сумели привлечь личности с совершенно различных горизонтов: экономистов – Карла Дитриха фон Трота, Хорста фон Айнзиделя, Людвига Эрхарда, будущего канцлера и отца «немецкого чуда»; протестантских теологов из исповедующей церкви – Теодора Штетльцера, Хайниха фон дер Габленца, Эжена Герштенмайера; представителей культа и католических кругов – Ганса Петерса, Альфреда Дельпа, Лотара Кенига; а главное – социал-демократов и профсоюзных деятелей в лице Карло Мирендорфа, Теодора Хаубаха, Вильгельма Лешнера и Юлиуса Лебера. Сила проекта «Крейзау» заключалась в этом представительстве различных направлений, что позволило отразить в нем широкий спектр политических мнений различных слоев общества, которых поколение Герделера, Попица, Хасселя даже не желало слушать, настолько оно было напугано большевистской угрозой. И это широкое представительство придало проекту настоящую легитимность. Штауффенберг, желая привлечь для участия в государственном перевороте как можно более широкое представительство всего общества

Германии, мог черпать в кружке людей и идеи. Это было, по его мнению, неизменным условием успеха по причине оставшейся еще достаточно большой популярности фюрера.

В своем великолепном труде по Соппротивлению в Германии Барбара Коэн резюмировала пункты, по которым заговорщикам удалось достичь согласия. Вот они: «1) единодушное осуждение политической системы Веймарской Германии; 2) необходимость построения сильного государства, которое должно было при этом иметь социальную направленность; 3) необходимость обеспечения в конституции широких прав органов местного самоуправления; 4) постановка экономической политики под контроль государства; 5) создание структуры самоуправления экономики; 6) интеграция рабочего в экономические процессы в качестве партнера предпринимателя; 7) восстановление правового государства; 8) критика политических партий и их представителей во власти». Эти идеи потом стали основой построения после войны федеральной республики с конституцией и «социальной рыночной экономикой».

А вот военные, обдумывая план действий и необходимые для этого средства, вовсе не думали о лице будущей Германии. Помимо желания уменьшить последствия неизбежного поражения и покончить с ужасами войны и расовой политики, они не выработали никакого конкретного плана действий после государственного переворота. Заговорщиков из числа самых высокопоставленных военных можно было сосчитать на пальцах одной руки. Помимо Штюльпнагеля, Фалькенхаузена, Шпейделя, которых не было в Берлине, поскольку они находились во Франции или в Бельгии, в заговоре участвовали только генерал Бек и генерал-фельдмаршал фон Вицлебен.

Бек родился в 1888 году в семье промышленника и стал потом начальником штаба кронпринца. Хотя он и был очень предан монархии, все же продолжил службу в рейхсвере. С 1933 по 1938 год он был начальником Генерального штаба, а затем яростно воспротивился военной политике Гитлера и высказал ему свою позицию в Цоссене, неподалеку от Берлина, где находилась Главная ставка. Вскоре он был снят фюрером со своего поста «за малодушие». Он был одним из участников попытки государственного переворота в момент заключения Мюнхенского сговора. Тогда он ясно изложил свою позицию в послании к офицерам: «История сурово осудит тех руководителей, которые не предприняли все возможное для того, чтобы не допустить войны. Дисциплинированность солдата заканчивается там, где совесть и чувство ответственности запрещают ему выполнять приказ [...]. Солдат, поставленный на самый высокий пост, проявит отсутствие величия, если он будет рассматривать свой долг только через призму выполнения порученной ему задачи, не принимая в расчет интересы народа». Его сразу же после этого сняли. Поразившись «жестокостям в Польше», он до такой степени сблизился с Герделером, что вскоре все заговорили о группе Бека – Герделера. Он рассматривался в качестве будущего главы государства освобожденной Германии, но из-за болезни не смог принять активного участия в попытках переворота 1943 года, хотя всем своим авторитетом поддерживал усилия, направленные на создание организованного «корпоративного общества».

Жизненный путь родившегося в 1881 году генерал-фельдмаршала фон Вицлебена был примерно таким же. Близкий сотрудник Бека, он принял участие в попытке путча 1938 года. Он был сторонником сохранения прусских традиций, «справедливой войны», на тему которой так много написал король-сержант Фридрих-Вильгельм⁷⁹ в своем «*Политическом завещании*».

«Мой дорогой преемник, вам следует укреплять то, что начали делать ваши предки [...]. Молите Бога и никогда не начинайте несправедливую войну». На основании этих лютеранских ценностей, он был полон тех моральных принципов армии, в которой впервые при Великом Курфюрсте⁸⁰ были запрещены грабежи и осуждено насилие над гражданским населением. Он не мог смириться с жестокостью нацистов. Несмотря на то что он успешно участвовал в польской кампании и, главное, во французской кампании, за что и получил маршальский жезл, в

---

⁷⁹ Король Пруссии в 1713–1740 гг.

⁸⁰ Правил с 1640 по 1688 г. Хотя и не следует строить иллюзий относительно практического применения подобных правил, которые ничуть не уменьшили число грабежей и фактов насилия, они стали все-таки моральными принципами, которых должны были придерживаться военные, особенно офицерский корпус.

подчиненных ему войсках он всегда запрещал всякое насилие против гражданских лиц. В качестве начальника штаба войск на западе он выступил против оккупационной политики Гитлера во Франции, считая ее негуманной и контрпродуктивной. После того как в 1941 году его отстранили от командования, он занял свою позицию 1938 года и без колебаний предоставил свою шпагу на службу заговорщикам группы Бек – Герделер, будучи готов взять в свои руки командование армией. К Беку и Вицлебену можно добавить корпусного генерала Хепнера, пусть даже его мотивация была не столь понятна. Великолепный вояка, он, наряду с Гудерианом, считался лучшим командующим танковыми войсками. После того как он самостоятельно принял решение отступить со своим 6-м корпусом под Москвой, он был вызван в Ставку и наказан «за трусость и неподчинение приказам». Это унижение нанесло ему глубокую душевную рану, и он примкнул к противникам нацистов среди военных. И невозможно было понять, сделал ли он это по убеждению или же из чувства оскорбленного самолюбия.

У свежее испеченных генералов Ольбрихта и Трескова опыт жизни и службы был разный. Ольбрихт родился в 1888 году в семье скромного учителя лицея и поначалу был хладнокровным и взвешенным технарем.

Приняв участие в войне 1914 года в качестве пехотного офицера, он увидел вблизи все ужасы современной войны. Он был ранен, разжалован, награжден. Главной своей задачей он считал избежание ненужных жертв среди своих солдат. Хотя он и сумел сделать довольно удачную карьеру в начале существования Третьего рейха, он всегда был ярким противником войны. Проходя службу в Главном штабе, он сблизился с Беком. Когда разразилась война с Польшей, он написал: «Это – война. И не с одной только Польшей. Это – искра в пороховом складе. При всем этом за возвращение Судет заплачена слишком высокая цена, одному лишь Богу известно, какая высокая». Руководствуясь искренним пацифизмом, он в качестве командующего резервной армией тщательно разрабатывает детали государственного переворота, плана «Валькирия». Хеннинг фон Тресков был моложе его и не имел травмирующего психику опыта непосредственного участия в боях на фронте. Его в Соппротивление привели религиозные убеждения и гуманная этика. Он постоянно читал Библию, с которой не расставался даже на фронте, был близок к «Лиге пасторов»⁸¹ Дитриха Бонхеффера и Мартина Нимёллера. Сразу после «дела Фритча – Бломберга» и «Хрустальной ночи» он пришел к выводу о том, что физическое уничтожение фюрера было единственной возможностью покончить с ночью, охватившей Германию. В качестве начальника штаба группы армий «Центр» под командованием генерал-фельдмаршала фон Клюгге, начиная с 1943 года он был одним из самых активных заговорщиков, пытавшихся устроить покушение на фюрера. Несмотря на неудачи, он не оставлял своего замысла. Он был особенно полезен тем, что привлек к участию в заговоре молодых офицеров младше его по званию, которые в нужный день могли бы взять на себя функции штаба: Фабиана фон Шлабрендорфа, Рудольфа фон Герсдорфа, Хайнриха фон Леендорфа, Ганса фон Харденберга, Бернда фон Кляйста, Ганса Ульриха фон Ертцена.

В самой Германии, помимо Трескова и Ольбрихта, в составе участников заговора было всего несколько генералов, в частности командующий Берлинским округом Пауль фон Хазе и начальник войск связи Эрих Фельгибель. Но они не играли решающей роли в развитии операции и не принимали активного участия в подготовке переворота. Приступая к обязанностям начальника штаба резервной армии генерала Ольбрихта на Бендлерштрассе, что неподалеку от Тиргардена в центре Берлина, в задачу Клауса входила координация действий всех участников доброго дела, чтобы добиться наконец желаемого результата.

План «Валькирия»

---

⁸¹ «Чрезвычайная пасторская Лига» была основана в 1933 году и объединила около трети пасторов страны и стала ядром исповедующей церкви в противовес церкви рейха, которая под руководством Людвиг Мюллера полностью подчинилась режиму. После ареста Нимёллера она ушла в подполье под руководством епископа Вюртембергского монсеньора Вурма и установила тесные связи с кружком «Крейзау» и людьми, принимавшими участие в заговоре 20 июля.

В план Ольбрихта входило использовать против фюрера приказы, которые тот поручил ему подготовить. Дело было в том, что в конце 1942 года Гитлер поручил АХА разработать план борьбы с беспорядками внутри страны. Он опасался восстания 7 миллионов иностранцев, находившихся на территории рейха: военнопленных, заключенных концлагерей, жителей оккупированных стран, насильственно вывезенных на работы в Германию. Массивные бомбардировки немецких городов, плохие новости с Восточного фронта, перебои с питанием также могли вызвать волнения населения. Он рассчитывал на то, что в случае необходимости армия сумеет восстановить общественный порядок, взяв власть в свои руки и введя в стране военное положение.

Это был план «Валькирия», и Ольбрихт моментально оценил, какие выгоды для себя могла извлечь из него оппозиция. С той поры она могла спокойно готовить захват власти вермахтом и устранение партии и СС, не вступая в противоречие с приказами высшего руководства. Когда должен был наступить час государственного переворота, достаточно будет запустить операцию «Валькирия». Все будет подготовлено заранее. Не надо будет даже указывать, что это будет путч. Военачальникам, которые не посвящены в тайну, можно было просто сказать, что они подчиняются главнокомандующему и законной власти. Использовать директивы фюрера для того, чтобы его сместить, – это была великолепная идея, возможно единственная, дававшая возможность всерьез заняться государственным переворотом в условиях полицейского государства.

Ольбрихт, которому было поручено организовать все это, с усердием взялся за дело. Было предусмотрено два уровня опасности: «Валькирия I», при котором приводились в состояние боевой готовности все части вермахта на территории рейха, и «Валькирия II», когда вермахт брал власть в свои руки. Приказы были вложены в опечатанные конверты и разосланы всем командирам частей и всем командующим округов, как в Германии, так и в зонах оккупации. Было особо подчеркнуто, что документы, касавшиеся операции, должны были храниться в бронированных сейфах и что «никто из лиц, не имевших отношения к вермахту, не должен был знать о плане и указанных в нем действиях». Другими словами, ни СС, ни гестапо, ни СД не должны были быть к ним допущены.

Поначалу директивы, написанные Ольбрихтом и его подчиненными, имели вид классических воинских приказов. По версии от июля 1943 года предусматривалось, что в течение шести часов после начала операции «Валькирия I» части и учебные подразделения должны были быть перегруппированы в отдельные батальоны, способные решать самостоятельные боевые задачи. Сразу же после начала операции «Валькирия II» эти части должны были установить контроль над стратегически важными и ценными объектами, музеями, электростанциями и радиостанциями. Особое внимание было уделено Берлину. Был составлен список из 61 важного объекта, включая министерства, рейхсканцелярию, штабы СС, отделения гестапо, здания партии, радиостанции, короче говоря, все центры власти нацистов. Эта задача поручалась двум подразделениям: расквартированному в Потсдаме 9-му резервному батальону, наследнику гвардейских пехотных полков, и танковому училищу в Крампнице, находившемуся в часе езды от Берлина. Постепенно, под влиянием часто прилетавшего в столицу Трескова, план был улучшен. Военным округам было предписано еженедельно докладывать о состоянии сил и средств, которые могли быть задействованы в операциях по поддержанию порядка. Начиная с августа 1943 года было также предусмотрено, что офицеры могли самостоятельно на своем уровне вводить в действие план «Валькирия», не дожидаясь начала всеобщей операции. Целью этого было позволить заговорщикам выиграть время, не вызывая подозрений.

С появлением в ноябре 1943 года Штауффенберга план стал еще более эффективным. Были уточнены общая концепция и организация действий. Объявление плана «Валькирия II» должно было означать немедленный переход всех воинских частей в подчинение генерал-фельдмаршалу фон Вицлебену. Это было желанием всей армии, которой надоело постоянное вмешательство фюрера в сферу ее компетенции. Таким образом, этот акт был достаточно популярен. Для того чтобы у исполнителей плана не было угрызений совести, было решено объявить, что Гитлер был убит «бессовестной бандой партийных руководителей, никогда не бывавших на фронте». Вицлебена собирались представить в качестве

незаинтересованного воина, вставшего на службу «руководства рейха для сохранения законности и порядка». В случае необходимости предусматривалось даже объявить, что это правительство возглавил Геринг, наследник, выбранный самим фюрером.

Как несравненный логистик, Клаус сразу же оценил опасность слишком медленных действий. Он опасался затяжек с формированием частей, приказов и их изменений, сомнений, которые могли закрасться в некоторые умы. И тогда в новом варианте действий от 11 февраля 1944 года было предписано, чтобы все боеспособные части, независимо от численности, незамедлительно выдвигались к назначенному им объекту. В первую очередь это касалось танковых и бронегренадерских⁸² частей. На их стороне была мобильность и огневая мощь. Поскольку основная часть армии была на фронте, именно им предстояло заменить ее и огнем и гусеницами подавить все попытки сопротивления. Он особый упор сделал также на установление контроля над всеми партийными органами по всей стране. План предусматривал теперь арест не только *гауляйтеров*, но и *крейзляйтеров*, то есть руководителей окружных организаций. Совместно с комендантом Берлина генералом фон Хазе и префектом столицы Хальдорфом он разработал отдельный план для Берлина, о котором знали только заговорщики. Накануне покушения должен был быть отдан приказ к действию. По получении «Приказа 1» должны были быть приведены в состояние повышенной готовности наиболее верные части: танковое училище в Крампнице, пехотное училище в Дебенитце, училище аспирантов и унтер-офицеров в Потсдаме, училище в Трептове. Когда Гитлер будет уничтожен, «Приказ 2» должен был стать сигналом к выдвиганию к центру города. О последовательном захвате стратегических объектов речь больше не шла. Вся полнота власти переходила в руки армии. *Комендантскому батальону* Берлина под непосредственным командованием Хазе вменялось установить полный контроль над министерским кварталом, организовав непроходимый барьер безопасности вокруг центра города южнее реки Шпрее. Стратегически важный квартал между Бранденбургскими воротами, улицами Унтер ден Линден и Вильгельмштрассе также должен был быть отрезан от мира. Таким образом, сразу же должны были захвачены такие важные объекты, как рейхсканцелярия, штаб-квартира гестапо и СС на улице Принц Альберт Штрассе, Министерство внутренних дел и Министерство пропаганды Геббельса. Училище из Крампница с танками и курсантами должно было занять позиции вокруг Бендлерблока, где находились АХА и штаб резервной армии, чтобы обеспечить их прикрытие. Это место должно было стать самым важным местом путча, штабом заговора, откуда Ольбрихт и Штауффенберг должны были руководить операцией. Все очень рассчитывали на смелость людей из Крампница и на их командира в случае возможной контратаки. Одновременно с этим военные училища при поддержке Комендантского батальона должны были захватить радиостанции в Тегеле, Вустерхаузе и Цессене, а также радиобашню на Мазурской Аллее. По инициативе принимавших участие в заговоре префекта полиции Берлина и начальника криминальной полиции Небе полиция должна была «сотрудничать с армией всеми возможными способами». Казармы подразделений СС должны были быть захвачены регулярными войсками. Офицерам в черных мундирах собирались отдать приказ поступить в распоряжение вермахта и запретить выходить на улицу с оружием. В случае оказания сопротивления войска должны были открыть огонь на поражение. Все непокорные офицеры должны были быть без суда расстреляны перед их солдатами. Сразу же после получения известия о покушении одно из подразделений бронегренадеров должно было занять аэродромы Тампельсхоф и Рангсдорф. Этот план был во многом творением Штауффенберга. Однако ему приходилось работать над ним совместно с другими заговорщиками. В частности, генерал Фельгибель настаивал на том, чтобы не разрушать радиостанции и телефонные узлы, а просто захватить их, чтобы не помешать ведению боевых действий на фронте. Достаточно было отключить связь со Ставкой фюрера. Достойная похвалы забота со стороны генерала войск связи. Но последствия ее могли быть очень тяжелыми. Поскольку никто из заговорщиков не знал, как работали эти установки, невозможно было обеспечить полную изоляцию Берлина от страны. Клауса это раздражало. Это было раздражение провидца, он опасался того, что в случае непредвиденного разворота

---

⁸² Мотопехота, действующая при поддержке легких танков.

событий связь могла обернуться против заговорщиков. Но Фельгибель был генералом, а он – полковником. Пришлось подчиниться.

Составление этих планов захватило его целиком. Задача была тем более сложной, что он не должен был вызывать подозрений. Днем в своем кабинете на Бенлерштрассе он работал над вопросами мобилизации, снабжения, обучения тех толп молодых людей, которых рейх готовился бросить в огонь войны. У него было чувство того, что он являлся невольным сообщником огромного злодеяния. В феврале 1944 года он пожаловался Аннабель Сименс, дальней родственнице Йорка фон Вартенбурга, содержавшей тайно квартиру на Терезианенштрассе, ставшую штаб-квартирой заговора: «Я снова и снова вынужден работать, чтобы посылать десятки тысяч мужчин на бесполезную смерть [...]. Придется пожертвовать собой, чтобы спасти тысячи». Когда другие офицеры уходили домой, он по вечерам в Бендлерблоке составлял с Ольбрихтом самые секретные приказы. Работать было трудно. Вокруг сновали шпики. Налеты авиации союзников часто нарушали покой берлинских ночей воем сирен, лучами прожекторов ПВО и треском зажигательных бомб. Приходилось прекращать работу, убирать компрометирующие документы, спускаться в бомбоубежище. Штауффенберг лично печатал документы на машинке, затем протирал валик спиртом, чтобы не оставлять следов печатания. Черновики приходилось постоянно сжигать и спускать пепел в унитаз. Он, несомненно, проявил себя большим профессионалом. Он оставлял мало документов, кроме тех, что могли официально относиться к плану «Валькирия». Никаких видимых следов. Откровения только лишь в кругу доверенных лиц в АХА между Ольбрихтом, Штауффенбергом и его адъютантом лейтенантом Вернером фон Хефтенем. И ничего общего с дилетантством «политиков» из числа заговорщиков.

Если в АХА Клаус соблюдал крайнюю осторожность, ему все же надо было заручиться поддержкой некоторых тщательно отобранных им людей, в чьем молчании и общности он мог быть вполне уверен. Он много ездил, принимал людей в своем кабинете, прощупывал их с максимальным вниманием. В некоторых случаях он мог опереться на воинов, в чьей верности не сомневался. В каждом из двадцати одного военного округа рейха он назначил офицера по связям на случай государственного переворота. Все они были или родственниками – Николаус фон Юксюль в Праге, Людвиг фон Леонорд в Мюнхене, или друзьями – Герман Кайзер в Висбадене, Хассо фон Бехмер в Данциге, или друзьями друзей, как Хайнрих фон Лердорф⁸³ в 1-м военном округе в Кенигсберге, бывшем стратегически особенно важным из-за близости к Ставке Гитлера в Растенбурге. С этой стороны он мог не опасаться разглашения тайны.

Однако надо было посвятить в тайну и некоторых войсковых офицеров. Это была сложнейшая задача. В ходе заседания народного суда Роланд фон Хёсслин рассказал о том, как его обхаживали 1 апреля 1944 года в кабинете Штауффенберга в Берлине во время встречи, организованной одним общим приятелем: «Опираясь на статистические данные, он нарисовал мне плачевное состояние наших людских резервов. Потери были несравненно большими, нежели численность резервистов, которые могли пополнить ряды сражавшихся частей. Численность сухопутных войск уменьшалась ежемесячно на армейский корпус [...]. Следовательно, в Германии могли наступить смутные времена, как это было в 1918 году. Получалось, что резервная армия была единственной силой, которая гарантировала порядок. Посему офицерскому корпусу следовало быть очень бдительным [...]. Ему суждено было действовать по своему усмотрению после полного падения авторитета государства». Он якобы добавил к этому «Гитлера долой», чтобы «народ смог избежать катастрофы». На допросах в гестапо Хёсслин заявил: «Должен признать, что эти слова моего начальника, этот призыв к моей офицерской чести меня потрясли. Они тронули меня сильнее, чем обзор ситуации на фронте, который был сделан до этого». Но он не сказал о силе убеждения Штауффенберга, его умении взывать к кастовой солидарности и к взаимопомощи собратьев по оружию. Разве они не служили оба в 17-м Бамбергском полку? Класс умел приноравливаться к собеседникам. Для того чтобы уговорить полковника Бюркера, он сыграл на патетических струнах. Обрисовав ему плачевную обстановку и заверив в том, «что еще не поздно все исправить», он прочел отрывок

---

⁸³ Близкий человек Хеннинга фон Трескова.

из поэмы «Антихрист» Георге: «Когда народ стряхнет стыда оцепенение,/Из спячки выйдя опостылевшей ему,/Он вспомнит роль свою, свое предназначение,/Поймет, что было ясно Богу одному./Прозрение придет [...] Рук поднятых возникнет вал/И стяги правды ветер утренний взметнет/Гвардейцев короля, который на колени встал,/Приветствуя своих героев и господ». И вдруг внезапно спросил: «А ты хотел бы оказаться среди этих героев?» Слегка удивившись этой странной речи, Бюркер дал свое согласие.

Средства не имели значения. Штауффенберг пожинал богатый урожай. И не разу не ошибся в выборе. Нет ни единого признака утечки информации из воинской среды. Он был настолько осторожен, что командир Комендантского батальона майор Ремер узнал обо всем только тогда, когда его подразделению надо было выполнить тактическую задачу. Достаточно было согласия его начальника генерала фон Хазе, все остальное зависело от самих заговорщиков. В Берлине, помимо кавалерийского училища в Крампнице, практически ни один офицер из числа командиров не был посвящен в тайну.

С технической точки зрения подготовка государственного переворота представляет собой прекрасный образец немецкой организованности. Оставалась одна, но большая трудность. Как начать операцию «Валькирия»? Ольбрихт на это не был уполномочен. Судьбоносный приказ мог отдать только Фромм, командующий резервной армией. До 7 июня 1944 года он теоретически мог сделать это только по распоряжению фюрера. Высадка союзников в Нормандии все изменила. Опасаясь беспорядков в стране и сознавая необходимость направления на запад не менее двадцати дивизий, Гитлер собрал генералов в своем Орлином Гнезде в Берхтесгадене, в Бергхофе. Там он заслушал доклад Фромма об основных направлениях операции «Валькирия». В этой поездке генерала сопровождал Штауффенберг. Там он впервые увидел диктатора так близко. И воспользовался поездкой для того, чтобы лично проверить меры безопасности, которые обеспечивали его защиту. Резервной армии было дано право по своему усмотрению вводить военное положение и брать власть в свои руки, включая и власть над гауляйтерами партии. Фромм стал ключевым игроком этой игры. И все это понимали.

Начиная с апреля Ольбрихт делал все, чтобы Штауффенберга назначили начальником штаба резервной армии. Это назначение состоялось 1 июня. В штабе Ольбрихта Клауса заменил Мерц фон Квирнхайм. Благодаря этой умелой перестановке, заговорщики сидели теперь в штабе АХА и в штабе резервной армии. И только положение Фромма оставалось двусмысленным. Его многие считали выскочкой-карьеристом без глубоких убеждений. Ольбрихт полагал, что тот будет на их стороне в связи с ухудшением военной обстановки на востоке. Ведь в июне 1944 года русские стояли уже на пороге Восточной Пруссии. И тогда Штауффенберг решил сыграть ва-банк в надежде, что в случае неудачи воинская взаимовыручка не позволит его начальнику рассказать кому-то еще об их разговоре. В июне он открылся ему, объяснив, что, по его мнению, «единственным выходом был государственный переворот». Фромм не обиделся, скорее наоборот. Он поблагодарил его за откровенность и с двусмысленной улыбкой добавил: «Если вам удастся этот государственный переворот, не забудьте про Кейтеля». Из этого Клаус понял, что дело было сделано. Генерал его не выдал. Теперь он мог свободно работать и плести заговор. Однако он ничего не выиграл. Фромм, естественно, был готов поддержать государственный переворот, если бы Гитлер был убит и если бы его перспективы были достаточно серьезны. Но в случае возникновения трудностей он ни за что бы не ручался... Эта ситуация смертельной опасностью нависла над всем планом.

Политические рифы

Штауффенберг прекрасно справился с планированием военной операции. Но куда сложнее было справиться с соперничеством планов, а также честолюбием и с задними мыслями. С некоторой наивностью, замешанной на хорошей порции реакционного цезаризма, он верил в идеальный порядок, при котором мессия мог бы собрать вокруг себя своих апостолов ради спасения Германии. Мир политики был ему совершенно чужд, часто по причине полного расхождения с его манерой мышления и существования. Попадание в котел конкретных действий стало для него суровым испытанием, где он, однако, доказал свою зрелость.

Перед своим отъездом в Тунис он при посредничестве Бертольда встретился с

большинством из «ветеранов» группы Герделера – Бека и с «реформаторами» кружка «Крейзау». 8 января 1943 года он даже принял участие в собрании под председательством Бека. По возвращении с фронта он возобновил установленные ранее контакты. Но все, так или иначе, его раздражало.

Ему были достаточно близки идеи Герделера. Но его политические приемы, разговоры терминологией партий, министерств, площадей, его неосторожность и оторванный от реальности оптимизм, равно как и его претензии на пост канцлера после государственного переворота, казались Клаусу совершенно неуместными. В условиях, когда популярность фюрера в народе еще высока, вызов должен был, как он считал, прозвучать убедительно. Требовалось либо найти харизматичного лидера, каковым Герделер не являлся, либо поставить канцлером всех устраивавшего человека, который смог бы показать, что кузнецы новой Германии вовсе не были кадилоносцами старого порядка, а были инициаторами продуманного обновления страны. Штауффенберг предложил на этот пост кандидатуру Вильгельма Лейшнера, профсоюзного деятеля и бывшего депутата от СПГ, с которым он встречался благодаря кружку «Крейзау». Как же возмутились Герделер и Хассель! Они считали, что это означало бы протаскивание через окно большевизма, который был выставлен за дверь при Веймарской республике. Штауффенберг не был в этом уверен, но ничего не сказал. И все-таки сумел добиться, чтобы его протеже был рассмотрен на пост вице-канцлера. Решение Герделера назначить политических руководителей к офицерам по связи в каждом военном округе также казалось ему скандальным. Если даже такие личности, как Хайнрих фон Дона в Кенигсберге или Эвальд фон Клейст-Шменцин в Штеттине, были вне всяких подозрений, то назначение к ним политических руководителей означало бы возрастание опасности утечки информации вдвое.

Еще больше его беспокоил Попиц. Он полагал, что, когда человек считает себя слишком ловким, талантливый кукловод в конечном счете сам может запутаться в своих нитках. Он был просто взбешен, узнав о том, что бессменный министр финансов имел контакты с Гиммлером. И резко выступил против этого, пригрозив выйти из состава группы, если эти контакты будут продолжены. Арест гестапо адвоката из «конюшни» Попица Карла Лангбена подтвердил его подозрения. Мы не знаем точно, что потом предпринял этот политический интриган, но точно известно, что волк положил глаз на эту овчарню.

С членами кружка «Крейзау» он испытывал трудности другого порядка. Высокие этические нормы этих людей воспрещали им идти на компромиссы. Это делало их слепыми, когда требовалось действовать. Больше всего его злил Мольтке. Похожий с виду на худого пастора, тот постоянно старался прочесть мораль и требовал уважения к категорическому императиву. В ходе одной встречи на Гортензиен-штрассе у Йорка фон Вартенбурга, в то время, когда люди погибали в лагерях, горели в огне, он раскритиковал предложение Штауффенберга о покушении. «Действуй так, чтобы твой поступок мог быть при этом общим правилом», – сказал он ему. Клаус ушел, хлопнув дверью, произнеся при этом слова Гегеля: «Вы хотите иметь чистые руки, но у вас нет рук». Подобные стычки происходили все чаще. В ноябре 1943 года он разгорячился и сказал: «Времена чаевничания и салонных разговоров прошли». А затем ушел с собрания вместе с Аннабель Сименс, которой заявил: «Идем домой. Этот Мольтке не в состоянии вынести вида даже капли крови». Арест Мольтке в январе 1944 года снял многие трудности, тем более что остальные члены кружка были ему очень симпатичны, особенно Йорк фон Вартенбург, оказавший ему помощь в налаживании контактов с левыми.

В ноябре 1943 года Клаус познакомился, таким образом, с Юлиусом Лебером. Они были совершенно разными людьми. Известный журналист, Лебер по происхождению был пролетарием, по убеждению – марксистом. Некоторое время он проработал главным редактором газеты «*Любекер фольксберихт*», а во времена Веймарской республики был депутатом от СПГ. Объединяло их то, что оба были офицерами. В звании лейтенанта Лебер отличился в войне 1914 года. Был награжден, трижды отмечен в приказе. Он был одним из немногих в социалистической партии, кто защищал интересы армии. Этого было вполне достаточно, чтобы завоевать доверие Штауффенберга. Тем более что теперь бывший марксист больше верил в людей, нежели в идеи. Он был готов участвовать в возрождении открытой и плюралистической Германии. Очень скоро между ними установились подлинные дружеские отношения. Лебер

даже попытался убедить своего друга войти в контакт с действовавшей в подполье коммунистической партией, КПГ. Но Клаус и Лейшнер от этого воздержались. Они не хотели, чтобы вместо коричневой чумы страну поразил красный рак. Но, несмотря на все, Лебера попросили тайно встретиться с представителями КПГ Антоном Зевтковым и Францем Якобом. Первая такая встреча состоялась 22 июня 1944 года. Лебер вел себя осторожно и лишь намеками поведал о возможном государственном перевороте. Коммунисты скрепя сердце согласились дать гарантии свободы вероисповедания и права собственности. Но потребовали, чтобы Красная армия заняла часть Германии. Следующая встреча была назначена на 4 июля. Но в тот день все пошло вовсе не так, как было намечено. Вместо двух членов КПГ пришли трое. Третьим был внедренный в их партию агент гестапо. На другой день Лебер был арестован. Под пытками он никого не выдал. Но заговорщиков охватила тревога, и все стали винить Штауффенберга. Некоторые обвинили его в том, что он совершил проступок по своей наивности. Невозможно было предположить, что этот арест был случайным. Считалось, что коммунисты предпочли торпедировать план переворота, разоблачив заговор, который якобы мог лишить Москву важного козыря в Европе⁸⁴.

Но Клаусу все-таки удалось подобрать работоспособное правительство, представлявшее весь спектр политической жизни Германии. Задача была не из легких. Все знали об ожесточенности боев на фронтах, об угрозе ареста и хрупкости заговора. И ему казалось поразительным, что делили шкуру еще не убитого медведя. После многочисленных обсуждений и споров 26 мая 1944 года в ходе встречи Герделера, Хасселя и Йорка были наконец определены основные члены будущего кабинета министров. Потом были некоторые перестановки, но баланс сил сохранялся. Бек должен был стать главой государства, Герделер – канцлером, Лейшнер – вице-канцлером. Пост главы Министерства иностранных дел теоретически отходил к Хасселю, даже несмотря на то, что бывший посол в Москве Фридрих фон Шуленбург делал все, чтобы получить этот портфель. При этом он упирал на то, что его знание России могло облегчить переговоры с противником, стоявшим у границ рейха. Министром внутренних дел должен был стать Лебер, а Министерство юстиции отдавалось Йозефу Виремейру, бывшему представителю центра. Министром финансов должен был стать Попиц или Эвальд Лезер. Генерал Хепнер – министром обороны.

Петер Йорк фон Вартенбург становился государственным секретарем рейхсканцелярии с задачей координации деятельности этой разношерстной коалиции⁸⁵. Огромным успехом Штауффенберга стало то, что он сумел заставить работать вместе стольких честолюбивых людей. В этом полностью проявились его умение вести переговоры и его сила убеждения. Ему пришлось побороться за то, чтобы сделать невозможное: свести вместе бывших членов ННП⁸⁶ и представителей СПГ. Работа по формированию этого фантомного правительства преобразила Клауса. Вместо экзальтированного молодого человека, противника новых сил, предстал умелый человек действия, готовый к компромиссам, способный глядеть в будущее и с широким кругозором. Реальность возобладала в нем над его убеждениями. В 1944 году он проявил себя настоящим государственным деятелем. Он преодолел узость своих убеждений и поднялся над своими природными наклонностями.

В поисках политического решения

---

⁸⁴ Эту мысль, в частности, поддерживал Фабиан фон Шлабрендорф в своей книге *«Офицеры против Гитлера»*. Советские архивы, открытые на некоторое время в эпоху правления Ельцина, потом снова стали закрытыми, и этот вопрос остался невыясненным.

⁸⁵ Состав этого фантомного кабинета министров был еще не до конца определен. Самые достоверные сведения о нем можно найти в архивах гестапо и в документах Кальтенбруннера. Хотя оставались некоторые нерешенные вопросы, названные здесь люди входили во все разрабатывавшиеся схемы. Единственным твердым изменением было то, что после ареста Лебера на его место планировался Фридрих Дитлоф фон Шуленбург, что было естественно с точки зрения должности префекта Берлина, которую он в то время занимал.

⁸⁶ Герделер, Попиц, члены Немецкой национальной народной партии.

Одной из задач заговора было, естественно, определение границ Германии после заключения мира. Основываясь на унаследованных от Бисмарка принципах, Штауффенберг, как и большинство его товарищей, вплоть до 1943 года полагал, что рейх, как минимум, должен оставаться в границах, существовавших до 1914 года в сердце европейского континента. Старая гвардия Герделер – Хассель была более претенциозна. Эти люди хотели, чтобы «жизненное пространство» немцев было расширено до пределов, отмеченных такими империалистическими геополитиками, как, например, Карл Хаусхофер. Вспомним, что в меморандуме Ароза 1940 года, который должен был стать основой для переговоров с союзниками, Ульрих фон Хассель не допускал пересмотра результатов аншлюса Австрии и аннексии Судетской области. Единственными уступками, на которые он готов был пойти, касались восстановления границ Польши до 1939 года и отказа от Эльзаса и Лотарингии. Герделер же требовал большего. В ходе встреч со шведским банкиром Валленбергом в 1943 году он настаивал на сохранении за Германией польских приобретений и на полуавтономном статусе Эльзаса и Лотарингии.

Штауффенберг считал, что во второй половине 1943 года эти предельные требования были неуместны. Ухудшение обстановки на фронте и решение, принятое союзниками на встрече в Касабланке (проходила с 12 по 24 января 1943 года), о требовании «безоговорочной капитуляции» вынуждали действовать быстрее, свергнуть режим и только после этого постараться спасти то, что было возможно. Прошли те времена, когда Черчилль на заседании кабинета министров 27 ноября 1941 года сказал: «В июле мы во всеуслышание заявили, что не станем вести никаких переговоров с Гитлером и нацистским режимом. Но было бы слишком говорить о том, что мы не готовы разговаривать с Германией, руководимой армией. Сейчас невозможно предсказать, что за правительство будет в Германии, когда их сопротивление ослабнет и когда они захотят вступить в переговоры».

Клаус очень внимательно следил за контактами, установленными с противниками рейха. Не столько для того, чтобы защитить гипотетические территориальные претензии, по поводу которых он не строил иллюзий, сколько для того, чтобы завязать полезные знакомства для нового правительства, которые могли понадобиться, когда оно должно будет попробовать положить конец войне. В 1943 году немецкие армии, хотя и отступали по всем фронтам, но все еще имели высокий потенциал. Идея избежать дальнейших столкновений в течение многих месяцев и лет и связанных с этим тяжелых потерь могла бы, несмотря ни на что, понравиться союзникам, как на Западе, так и на Востоке, и давала бы шанс добиться приемлемого мира. Кроме того, получение от них гарантий было бы хорошим ходом для привлечения на свою сторону нерешительных, заставив звучать их патриотическую струнку по случаю государственного переворота. Это также давало возможность оценить оба направления, которые открывались перед немецкой дипломатией: политическое сближение с западными союзниками вплоть до создания некоего союза против коммунистической России или мир по расчету с СССР из чисто геополитических соображений в развитие немецко-советского пакта от 1939 года. Используя эти веса, можно было бы вынудить победителей быть более милосердными. Именно по этой причине Штауффенберг постоянно настаивал на удержании фронта любой ценой, даже после возможного успеха заговорщиков. «Это необходимо для того, чтобы столкнуть врагов лбами», – сказал он в ноябре 1943 года Бертольду и капитану 2-го ранга Альфреду Кранцфельдеру.

Что касалось русских, то некоторое время были какие-то надежды договориться. В ходе последнего расширенного собрания кружка «Крейзау» (12–14 июня 1943 года) Адам фон Тротцу Зольц сказал, что он пытался встретиться с представителями СССР, чья территория от Крыма до Ленинграда еще была оккупирована немцами. Он заявил, что можно было вести разговор с дипломатами, однозначно отбросив их идеологическую зашоренность. Казалось, что игра стоила свеч, поскольку Сталин заявлял, что он разделяет Германию и нацистов. В июле 1943 года он благословил образование «Национального комитета "Свободная Германия"» в подмосковном лагере Лунево. Вскоре к нему присоединился «Союз немецких офицеров за свободную Германию» во главе с генералом фон Зейдлицем. Поначалу создалась иллюзия наличия доброй воли на Востоке. Но поражения немецких войск летом 1943 года развеяли всякие надежды. «Национальный комитет "Свободная Германия" стал фактически марионеткой

в руках Москвы, и его использовали в военно-пропагандистских целях для того, чтобы подтолкнуть немецких солдат к дезертирству. Впрочем, без особых успехов. Когда Адам фон Трот цу Зольц попытался вступить в переговоры о мире с послом СССР в Стокгольме Александрой Коллонтай, ему всякий раз вежливо отказывали. Штауффенберг считал, что только после государственного переворота можно будет о чем-то договориться. А пока он всячески поносил генералов, перешедших на сторону русских: «То, что делаю я, – государственное преступление. Но то, что делают они, – это измена родине».

Зато он полностью поддержал демарши Мольтке в отношении западных держав, считая это намного более серьезным делом. Уже летом 1943 года тот встретился в Турции с послом США в Каире Александером Керком, с которым познакомился, когда Керк работал еще в Берлине. Он дал послу знать, что группа высокопоставленных генералов готовилась свергнуть фюрера и что она была готова начать переговоры для облегчения высадки десанта и совместного планирования операций на Западе. Дипломат выслушал его очень внимательно. Они договорились увидеться еще раз. Но заокеанский дипломат был осторожен, потребовал назвать фамилии участвовавших в заговоре офицеров, чтобы иметь возможность оценить серьезность намерений. Требования соблюдения тайны подполья вынудили отказать послу в этой просьбе, на этом все и закончилось.

Осенью 1943 года Хельмут Джеймс фон Мольтке снова взял в руки посох странника после разговоров с Штауффенбергом. Оба они понимали, что война была проиграна. Понимали и то, что мир потребует больших жертв, включая территориальные потери. Кстати, Мольтке был уверен в этом начиная с 1940 года. Еще тогда он сказал своим друзьям по кружку «Крейзау», что после окончания боевых действий Германия, возможно, потеряет Силезию, которая отойдет к Чехии или к Польше. И пояснил, что это будет «платой за грехи нашего народа». Нет смысла говорить, что с такими высказываниями он считался закоренелым пораженцем, готовым торговать родиной-матерью. В конце 1943 года это все еще считалось ересью. Но Клаус все понимал и уже тогда горевал об уменьшении германского пространства. Поэтому при его поддержке Мольтке несколько раз посетил Стамбул, где встречался с руководителем Управления стратегических служб (УСС), этой секретной службой американцев, прообраза ЦРУ. Он потребовал встречи с Керком. Ему пообещали, что тот приедет. Ему должны были сообщить об этом шифровкой по радио. Весь ноябрь в условленное время он не отрывал уха от радиоприемника в ожидании оговоренной фразы. Но так ее и не услышал. В конце концов, он решил вернуться на берега Босфора, чтобы вручить американцам полный меморандум, составленный совместно с Адамом фон Тротом цу Зольцем под руководством Штауффенберга. Он пробыл там с 11 по 16 декабря и вручил-таки текст генералу Тиндолу, военному атташе в Анкаре, поскольку никто рангом выше его не принял.

Этот меморандум показывал, как сильно изменились взгляды заговорщиков, насколько они были готовы пойти на уступки, насколько понимали, что прошли времена имперских амбиций и что надо было защищать высшие интересы Германии, защитить свой народ от большевистской язвы. Это был проект соглашения «с Германией, полностью очистившейся от национал-социализма», призванный наладить «политическое и военное сотрудничество с союзниками» без всяких предварительных условий. Оккупация Германии англо-американцами приветствовалась по «политическим и моральным основаниям». Принималась и безоговорочная капитуляция. Составители просто рассчитывали на традиционный англосаксонский реализм и терпимость по отношению к побежденным, на то, что эти качества позволили бы не повторять тех ошибок, что были совершены при подписании Версальского мира. Главным был Восточный фронт. Его собирались держать по линии Тильзит – Львов, и военные власти рейха хотели бы получить возможность перебросить туда все силы. Армия собиралась наладить честное и всесторонне сотрудничество с союзниками в надежде на изменение их планов, как это случилось при подписании Таурогенской конвенции. Подобная договоренность позволила бы не квалифицировать предполагаемый путч как «удар кинжалом в спину», что принесло бы много бед. Немецкое правительство должно было быть сформировано исключительно из противников нацизма и состоять из политических деятелей разных направлений, включая социалистов из СПГ и даже, при необходимости, «честных и независимых коммунистов», чтобы не быть отрезанным от трудящихся масс. Это переходное правительство должно было приложить все

силы к восстановлению правового государства и бороться против Советского Союза, «этой смертельной опасности для Германии и семьи европейских народов». Целью этой борьбы было бы не победить СССР, а убедить его принять разумные условия мира, а затем и установить с ним «сердечные» отношения. Для того чтобы избежать впредь всплеска национализма, связанного с Берлином, правительство намерено было обосноваться в Южной Германии в Баварии, или в Австрии.

После ареста Мольтке 18 февраля 1944 года этому проекту суждено было остаться пустой бумажкой. В любом случае, он появился на свет с большим запозданием, когда война была почти проиграна, и посему американцы его отвергли, хотя сам генерал Тиндол отнесся к нему всерьез. Он немедленно переправил документ в Белый дом, где тот лег на стол Рузвельта, который тщательно изучил его вместе с генералом Маршаллом и начальником УСС полковником Донованом. Они поняли, что это один из путей, «который мог бы спасти жизни нескольких сотен тысяч человек при окончательном решении вопроса о высадке на Западе». Но союзнический долг взял верх. На встрече в Москве в октябре 1943 года участники антигитлеровской коалиции взяли на себя обязательство не подписывать сепаратный мир с Германией и информировать друг друга обо всех попытках поиска мира со стороны стран «Оси». Находившиеся еще под впечатлением как от удара грома, которым стало подписание германо-советского пакта о ненападении, американцы жили в страхе перед возможным внезапным изменением обстановки и неожиданным примирением двух диктаторов. Донован в одном из своих писем Рузвельту категорически возражал против продолжения переговоров с немцами. Поэтому УСС было дано указание продолжать поддерживать контакты с немцами, но не обещать ничего конкретного. 14 мая 1944 года Государственный секретарь США даже дошел до того, что сообщил содержание меморандума советскому послу в Вашингтоне.

Хотя проект Мольтке был самым серьезным из мертворожденных проектов, он был далеко не единственным. В ноябре 1943 года Бертольд попытался связаться с тайными службами Англии при посредничестве банкира Валленберга. Военно-морской атташе Швеции в Берлине майор Ёстберг согласился содействовать этому. Во время ужина в служебной столовой военного флота он отметил единственное требование заговорщиков: недопущение оккупации страны советскими войсками. Он передал предложение англичанам, но на этом все и закончилось.

Сблизившийся с американцами в Мадриде друг Бертольда, руководитель отделения «Люфтваганза» в испанской столице Отто Йон, предложил организовать весной 1944 года встречу Рузвельта, Эйзенхауэра и принца Пруссии Людовика-Фердинанда. Подавив свои монархические убеждения, Штауффенберг твердо выступил против этого, поскольку опасался того, что перспектива реставрации монархии могла отпугнуть союзников, в понимании которых династия Гогенцоллернов была неразрывно связана с прусским милитаризмом.

Последним из тех, кто попытался найти дипломатическое решение, был, судя по всему, Адам фон Трот цу Зольц. После ареста Мольтке он стал основным советником Клауса по вопросам внешней политики. Они тем более хорошо понимали друг друга, что молодой дипломат был лишен угрызений совести, которые мучили Мольтке. Он хотел добиться реального решения вопроса независимо от цены, которую пришлось бы заплатить. При посредничестве все той же Швеции, нейтралитет которой был очень удобен для воюющих сторон, он встретился в марте, а затем в начале июня 1944 с руководителем местного отделения *Интеллидженс сервис*. Меморандумы, которые он ему вручил, содержали большую часть предложений Мольтке. Там было особенно подчеркнуто, что новое военное правительство после успешного покушения согласно было выполнить требование о безоговорочной капитуляции и установить границы Германии такими, какими они были в 1936 году. То есть без Австрии и Судетской области. Его главной заботой была активная деятельность коммунистов. Именно поэтому высказывалось возражение против прямого управления страной со стороны англо-американских оккупационных войск, предусматривавшегося планом Моргентау, о содержании которого автор меморандума явно что-то знал. В меморандуме указывалось на опасность начала партизанской войны в тылу войск союзников, что могло погрузить страну в хаос. Для того чтобы избежать гражданской войны, чтобы местные власти и полиция сотрудничали с оккупационной администрацией, союзников призывали проявлять сдержанность. Было предложено, чтобы военных преступников судили сами немцы, а не

иностранные суды, которые выглядели как трибуналы победителей. Также было указано на то, что для примирения с населением надо обязательно считаться с мнением немцев, особенно с теми, кто участвовал в Соппротивлении. Там наглядно показывалась катастрофическая картина Германии, поделенной надвое с советской зоной оккупации, где установился бы национал-большевизм. Этот документ был доведен до сведения Черчилля. Как и Рузвельт, тот решил ничего не предпринимать, оставив вопрос открытым: «К этому можно будет вернуться, если их покушение удастся».

Высадка союзников в Нормандии 6 июня 1944 года все изменила. В поражении Германии больше не сомневался никто. Это был всего лишь вопрос времени. О чем можно было еще вести переговоры? О немногом. Только о том, чтобы избежать оккупации страны Красной армией. Для заговорщиков в этом заключалась вся сложность, но это было и их шансом. Сложность состояла в том, что теперь они не могли предложить ничего, кроме своего пота и своих слез. Шанс был в том, что преодолеть Рубикон нерешительным военным стало намного проще.

Доказательством этому может служить поведение Роммеля. Если верить Хофакеру, великий Роммель, этот «Лис пустыни», грозный командующий Африканским корпусом, готов был сознательно примкнуть к заговорщикам. 17 июня, спустя несколько дней после высадки союзников, он был вызван в Бергхоф, чтобы доложить обстановку. В присутствии генерал-фельдмаршала фон Рунштедта он, как командующий Западным фронтом, твердо заявил фюреру: Западный фронт не может долго продержаться, армия близка к коллапсу, надо искать политическое решение. Гитлер был в ярости. Ему возразили, с ним не согласились в том, что только победа могла быть единственным возможным исходом тотальной войны. Он не удержался и произнес: «Пусть Роммель занимается своим фронтом и прекратит играть в политику». Из этого генерал-фельдмаршал сделал свои выводы. Когда в начале июля Цезарь фон Хофакер отправился в Ла Рош-Гийон для того, чтобы прозондировать состояние умов военных на Западном фронте, генерал Шпейдель сказал ему, что Роммель⁸⁷ вроде бы был готов выступить против Гитлера и бросить все силы против русских.

Тогда Хофакер подробно рассказал Шпейделю о планах Штауффенберга. Шпейдель выразил свою личную поддержку. Неизвестно, знал ли генерал-фельдмаршал о планах покушения. Ясно только то, что он был не против заключения мирного договора с союзниками. 10 июля он сказал полковнику Гансу Латтману: «Поскольку я имею высокую репутацию у союзников, попробую договориться с Западом вопреки воле Гитлера при условии, что они согласятся совместно с нами выступить против русских». 14 июля он сделал еще один шаг. На востоке русские продвигались вперед. Фронт держался лишь чудом. Над группой армий «Север» нависла угроза окружения в Рижском котле. Советские войска вышли к Висле, русские пушки уже вели огонь по Восточной Пруссии. Он сказал Клюге, который должен был 16-го встретиться с фюрером, что бы он спросил, согласен ли Гитлер пойти на политическое решение либо не согласен. «В противном случае я раскрою Западный фронт: самое главное в том, чтобы англо-американцы оказались в Берлине раньше русских». Клюге пообещал передать послание. Но Гитлер ничего не ответил. В конечном счете все это не имело продолжения, потому что 17 июля во время американской бомбежки на узкой сельской дороге Роммель был тяжело ранен. И этот увенчанный лаврами генерал-фельдмаршал, которого обожала вся Германия, этот на редкость скромный военачальник, престиж которого мог бы очень сильно помочь заговорщикам, был выведен из игры.

Штауффенберга это повергло в отчаяние. Но это не давало ему повода отказаться от действия. К тому времени он уже перестал строить иллюзии относительно политических решений. 1 июля он говорил лейтенанту Тиршу: «Государственный переворот ничего не сможет изменить, но спасет жизни многих». Пусть даже он не удастся, но он смоеет с них «стыд и позор ничегонеделания». Примерно то же самое он сказал Герделеру и Беку, а также своим близким –

⁸⁷ Отсутствие информации и само участие Роммеля в государственном перевороте вызывает много споров. В своей монументальной биографии «Эрвин Роммель» (Париж, изд-во Перрен, 2009 г.) Бенуа Лемей утверждает, что генерал-фельдмаршал ничего не знал о плане покушения и что Хофакер неправильно истолковал слова Шпейделя. Однако бесспорно то, что он рассматривал возможность вступления в союз с американцами.

Адаму фон Трот цу Зольцу, Йорку и Мерцу фон Квирнхайму. Кенигсберг, город дорогих его сердцу тевтонских рыцарей, город Канта, как и всю Восточную Пруссию, спасти уже не представлялось возможным. Единственное, что еще можно было сделать, так это направить на запад и на восток эмиссаров, чтобы попытаться поговорить «как военный с военным [...], но нам еще не известно, как на это отреагируют за границей. Мы должны поступать так, как подсказывает нам наша совесть». 13 июля в ходе обеда вдвоем с Мерцем фон Квирнхаймом в столовой резервной армии, он высказал все, что у него накопилось на душе: «Право будет заменено бесправием. Я понимаю, что мы похороним немецкий воинский дух. Какой мы можем получить мир? Мир рабов. Военная каста будет уничтожена раз и навсегда. Однако мы должны действовать ради Германии и Запада». Но надо было еще успешно совершить покушение. А предыдущие попытки вовсе не обнадеживали.

Трудновыполнимое покушение

Действительно, период с сентября 1943-го по 20 июля 1944 года был отмечен невероятной чередой сорвавшихся покушений из-за внезапной трусости исполнителей или технических неполадок. Больше всего надежд Штауффенберг возлагал на участника заговора полковника Штиффа. Тот был начальником Организационного департамента ОКР и имел прямой доступ к Гитлеру в ходе совещаний в Бергхофе или в Ставке фюрера «*Вольфшанце*» («*Волчье логово*») в Восточной Пруссии. Он был близок к Трескову и уже в 1943 году заявил, что готов принять участие в покушении. Но при этом всякий раз откладывал дату покушения. После долгих споров с другими заговорщиками он решил прибегнуть к взрывчатке.

После неудачной попытки в марте 1943 года покушение было намечено на 1 октября. Гитлер должен был принять участие в показе новых образцов вооружения в казарме на Терезиенштрассе. Там же должен был находиться и Штифф. В его столе была взрывчатка. Он мог действовать. Но ничего не случилось. Штауффенберг разозлился. Штифф в оправдание заявил, что операция имела смысл только в том случае, если бы рядом с фюрером был Геринг. Преемник должен был погибнуть вместе с ментором. Теоретически это был хороший план, но он зависел от многих случайностей.

Тогда Клаус сказал Ольбрихту, что лично займется этим. Штиффу он больше не доверял. И готов был лично выполнить «грязную работу» и, если придется, пожертвовать собой. Но Ольбрихт был против. Клаус был необходим в штабе, чтобы руководить операцией «Валькирия» после покушения. Надо было найти других добровольцев, готовых действовать вместе со Штиффом или без него. Среди младших офицеров таких добровольцев было много.

Хеннинг фон Тресков предложил повторить мартовскую попытку. Было известно, что Гитлер намеревался посетить командующего группой армий «Центр» генерал-фельдмаршала фон Клюге, который на сей раз дал свое добро на проведение акции. Охранники, близкие к Хеннингу – полковник фон Клейст, капитан Эггерт, лейтенант фон Фосс и майор фон Эрцен, – были готовы стрелять в фюрера, когда тот войдет в зал с оперативными картами. Гитлер намеревался побывать в Минске, Орше, Смоленске. Весь октябрь заговорщики ждали его с большим нетерпением. 28 октября случилось непредвиденное. Клюге попал в серьезную автомобильную аварию. А в его отсутствие надеяться на приезд диктатора не приходилось. Это была еще одна несбывшаяся надежда.

Тогда к Штауффенбергу, по рекомендациям Хайнриха фон Лендорфа и Фридриха Дитлофа фон Шуленбурга, явился капитан фон дем Бусше. Тот раньше служил в 9-м Потсдамском полку и был настоящим воякой. Он несколько раз был ранен, награжден Железным крестом и постоянно стремился вернуться на передовую, хотя в качестве единственного кормильца семьи мог бы оставаться в тылу. Покрытого шрамами рейтара мучила совесть, и он стал фанатически ненавидеть нацизм после того, как стал свидетелем убийства 3000 евреев на Украине, неподалеку от города Дубно, от рядом СС и местной полицией. Для него убийство тирана было поступком логичным, поскольку человек, которому присягнули в верности, сам предал христианские ценности, которые поклялся защищать. Попав в кабинет Штауффенберга, он был очень быстро убежден Клаусом, который «поражал своим спокойствием среди штабной суеты, подобно Александру Великому накануне битвы под Граником». Они сошлись во мнении, что и

католики, и протестанты должны были сплотиться, поскольку и Лютер и святой Фома оправдывали то, что при чрезвычайных обстоятельствах могла быть пролита кровь. Штауффенберг предложил ему отправиться в Мауэрвальд с приказом, встретиться там со Штиффом и подготовить на месте покушение. Бусше согласился, удивившись при этом, что тот полковник, у которого было больше всего возможностей для действия, не хотел заняться грязной работой. Ему пришлось ответить, что «тот был нервным наездником, который мог все сорвать». Эта элегантная перифраза означала, что у того не хватало на это смелости. Капитан попал в «Вольфшанце», где Штифф принял его в бункере для гостей, в первый раз. У него не было взрывчатки. Тогда ему предложили взрывчатку британского производства с кислотным взрывателем. Единственным, что смущало, было то, что невозможно было с точностью установить момент взрыва, время срабатывания детонатора занимало от четырех до двенадцати минут. Это было все равно что готовить покушение, играя в наперстки. Бусше готов был умереть, это ведь было его ремеслом, но умереть ради чего-то стоящего. Он отказался подвергать себя бессмысленному риску и вернулся в Берлин требовать выдать ему взрывчатку и детонаторы немецкого производства. Несколько дней он провел в императорском дворце на улице Унтер ден Линден. В разрушенном бомбардировками и частично горевшем городе среди деревянных украшений в стиле рококо он предался воспоминаниям с одной из потомков дома Гогенцоллернов. А тем временем служивший в саперном батальоне бывший подчиненный Штауффенберга по Тунису лейтенант фон Хаген раздобыл для него взрывчатку. Но надежных детонаторов он не нашел. Поскольку Бусше был готов на самопожертвование, он нашел единственный выход: детонатором могла стать ручная граната. Ее достал один офицер из 9-го Потсдамского полка. Задержка взрыва равнялась всего четырем секундам. Этого было вполне достаточно. Уложив свой арсенал в ранец, капитан вернулся в Мауэрвальд. Он был готов. И ждал своего часа. Но Штифф все тянул. То ссылался на отсутствие Геринга, то на невозможность представить его Гитлеру. После трех дней ожидания Бусше уехал окончательно. Прекрасная возможность была упущена. Но он оставил у себя взрывчатку, на всякий случай. В июле 1944 года, когда гестаповцы обыскивали его барак, его спасло чудо. Заряд был спрятан на шкафу. Ищейкам не пришло в голову влезть на стремянку.

В феврале 1944 года по вине Штиффа сорвалась еще одна попытка покушения. Штауффенбергу стало известно о подготовке показа нового обмундирования и о том, что 11 февраля фюрер был намерен лично там присутствовать. Надо было найти молодого офицера, который мог бы рассказать о своем фронтовом опыте и, таким образом, принять участие в совещании. Штауффенберг сразу же подумал о сыне своего друга Клейста. Тот был в команде выздоравливающих при все том же 9-м Потсдамском полку. 28 января он вызвал его телеграммой. Молодой лейтенант Хайнрих явился. Штауффенберг был на месте. Ему была известна ярая ненависть членов этой семьи к нацистам. И он сразу же изложил ему план действий. Предложение было не из приятных: надо было подорвать себя вместе с Гитлером во благо Германии. Заставлять его пойти на это он не хотел. И поэтому дал ему на размышление сутки. Хотя Хайнрих и был смел, но умирать он не торопился. Он отправился за советом к отцу, тайно надеясь на то, что его запрет жертвовать собой спасет его от этого опасного шага. Словами, полными римского величия, отец не оправдал надежды сына. Прусский офицер не должен бояться смерти. Если он упустит эту уникальную возможность, он будет сожалеть об этом до конца своих дней. «Сделай это, – сказал он в заключение, – ради Христа, ради наших предков, ради Пруссии». С наполненной печалью душой, Хайнрих снова пришел к Штауффенбергу. Там ему вручили портфель со взрывчаткой. Ему оставалось лишь дожидаться решающей минуты. Но она так и не наступила. Штифф опять в последнюю минуту отложил покушение из-за отсутствия Геринга и Гимmlера.

Штауффенберг пришел в отчаяние. Вечные колебания этого полковника «с влажными ладонями» могли все сорвать. Заговор мог быть раскрыт. А русские приближались. Англо-американцы могли начать высадку с минуты на минуту. И тогда не было бы предмета для переговоров. Он взял все в свои руки и решил обойтись без Штиффа. А главное, отказался от безумной затеи покончить разом со всеми нацистскими главарями. Это было бы идеально, но нереально. Главное, надо было убить фюрера. А потом действовать по обстановке. Ему удалось приставить одного из своих людей, капитана фон Брайтенбуха, адъютантом к Клюге. Капитану

суждено было стать рукой судьбы. 11 марта сменивший Клюге генерал-фельдмаршал Эрнст Буш был вызван в Бергхоф. Его сопровождали только два офицера: начальник его штаба и адъютант. Они полетели туда на самолете «Фокк-Вульф-200». Самолет приземлился в Зальцбурге. Их встретил «мерседес». Вдали показался Бергхоф. Сумка Брайтенбуха была набита взрывчаткой. Детонатор был установлен на три секунды. По плану он должен был броситься к Гитлеру, якобы чтобы обнять его, и взорваться с ним вместе. Охваченный волнением, он стал ждать в зале «орлиного гнезда» у большого окна с видом на баварские Альпы. Вокруг было множество генералов: Кейтель, Йодль, Рунштедт и даже этот чертов Геринг. Все складывалось удачно. Все начали входить в рабочий кабинет фюрера согласно должностям и званиям. Брайтенбух оказался одним из последних. Но в самую последнюю минуту дорогу ему преградил офицер СС: «Сегодня совещание будет проходить без участия адъютантов». Дверь закрылась. Совещание началось. Брайтенбух был вынужден ходить взад-вперед перед закрытой дверью всего в нескольких метрах от тирана.

После этого случая других серьезных попыток покушения больше не было. Некий полковник куда-то исчез после того, как пообещал заложить бомбу в купе Гитлера, когда тот поедет на поезде из Берлина в Берштегсгаден. Делать было нечего, решил Штауффенберг, «он передумал». Нет необходимости описывать подробно испытываемое им тогда чувство одиночества. Случайности, глупость одних, трусость других – все, казалось, было против него. Начиная с мая 1944 года он стал думать о том, как бы ему самому покончить с фюрером. Несмотря на возражения Ольбрихта и Трескова, он считал эту ставку очень важной. И перепоручить это не мог никому.

Тайна, покрытая мраком

Остается загадкой, как могло случиться, что все эти собрания, проекты, группы, заговоры не были раскрыты полицейскими диктаторского режима? Почему все это оставалось тайной? И до каких пор продолжалось?

Следует четко различать сам заговор военных и политические группы, которые были с ним связаны. Офицеры умели держать язык за зубами. Сегодня трудно представить себе, что такое бывший кастовый дух. С одной стороны, были самые разнообразные люди, а с другой – офицеры. Между ними не было различий в званиях, различие заключалось только в их природе. До прихода Гитлера к власти в *рейхсвере* действовали суды чести. Когда обнаруживалось непристойное поведение какого-нибудь офицера, считалось, что он запятнал честь всего офицерского корпуса. Из офицерского круга не должно было исходить утечки информации. В случае недостойного поступка офицер обязан был принять участие в дуэли или покончить с собой. Еще при Веймарской республике было много историй о лейтенантах, которые предпочли умереть, а не признать за собой карточный долг. Дуэль все еще была в моде. До 1914 года только командир части мог запретить своим подчиненным смывать кровью допущенные проступки. Честь шпаги требовала непременно держать слово офицера. Можно было быть последним прохвостом, лжецом, игроком, ветреником, кем угодно, но оставаться при этом офицером. Офицер никогда не предавал своих товарищей. Те правила, что действовали в повседневной жизни, естественно, распространялись и на попытку государственного переворота. Мы уже видели нескольких генералов, к которым обращался Штауффенберг, – Манштейн, Клюге, Фромм и ряд других. Большинство из них не одобряло его плана. Но никто не выдал доверенную им тайну. Опиравшаяся на клановые традиции и братство по оружию, вековая солидарность армии проявились тут в полную силу. К тому же все это, несомненно, было усилено чувством презрения, которое *вермахт* питал к выскочкам из партии и СС, оторванным от немецких традиций, неизвестно откуда взявшимся, поднявшимся наверх в смутные времена. Кроме того, большая часть заговорщиков в свое время служили в 17-м Бамбергском кавалерийском полку и в 9-м Потсдамском пехотном полку, учились вместе в Военной академии. К чувству принадлежности к армии добавлялось еще и чувство солидарности однополчан.

Немаловажную роль играло и социальное происхождение. Штауффенберг, Тресков, Ольбрихт знакомили с планами заговора только людей из знатных семей или надежных друзей.

К закону военного братства присоединился и закон братства по крови, а он запрещал выдавать своих на растерзание злобной толпе. О заговоре ничего не знала плеяда офицеров, которые получили погоны от режима, провозгласившего себя «социалистическим», и в любом случае не имевших другого выхода, как восполнить ряды офицеров, павших на фронте. Они были слишком молоды, находились под влиянием пропаганды и поэтому остались в стороне от заговора. В этом была сила заговора. В этом была и его слабость.

Само содержание плана «Валькирия» объясняет эту скрытность. Готовый план не вышел за пределы группы заговорщиков. Он отвечал запросам властей. И даже получил одобрение Гитлера. После этого стало довольно просто работать над ним, не привлекая к себе внимания служб безопасности рейха. Напомним, что часть этих служб, включая абвер, хотела бы покончить с диктатором.

И наконец, работа полицейского аппарата тоже помогла сохранению этой тайны. Нацистскую систему часто характеризовали как «поликратия» – многочисленность цепей управления, которые взаимно переплетались и усиливались, но могли также привести к бездействию в случае споров между службами. Хотя оставившее о себе страшную память гестапо было всемогуще, имея армию доносчиков и провокаторов, оно было не единственной службой безопасности. Были еще и другие государственные органы: криминальная полиция *Крипо*, служба безопасности и разведки СС (СД), органы партии, служба разведки армии (абвер), не говоря о других независимых органах. Возможно, каждая из этих служб что-то знала о том, что готовилось нечто, но ни у одной из них не было полной картины, настолько тщательно хранилась информация. Сила тоталитарной советской системы была в том, что там работала единая служба внешней разведки и контрразведки, называемая ГПУ, НКВД или КГБ. Но нацистский режим так и не вышел на такой уровень «организации».

Очень показательным в этой связи явился доклад Кальтенбруннера, от имени которого гестапо составило окончательную служебную записку по событиям 20 июля. Там показана вся глубина дотошности и изобретательности, проявленная следователями при отыскании всех нитей заговора в армейской среде. Потребовались многие недели для того, чтобы установить связи между различными подозреваемыми. Такие важные сведения, как происхождение взрывчатки, использовавшейся при покушении, остались в тени. Нет сомнения в том, что гестапо ничего не знало о попытке убийства фюрера и о двойной направленности операции «Валькирия».

Все, что было истиной относительно чисто военного заговора, мало подходило для примыкавших к нему политических групп. Известно, что Герделер и Хассель находились под наблюдением. Попиц сам поделился своими намерениями с Гиммлером. Но ничего страшного не случилось по нескольким причинам. Этим милых политиков на самом деле никто не считал всерьез опасными. Они невольно были прекрасными источниками информации. И к тому же представляли гарантии на случай изменения обстановки. Именно так считал руководитель СС, намеревавшийся доить одновременно двух коров. В решающий момент он мог бы воспользоваться этим либо для того, чтобы доказать свою преданность Гитлеру, уничтожив их, либо для того, чтобы встать на сторону победителя. Очевидно, что именно тут и происходила утечка информации. Впрочем, это была уже не утечка, а поток информации. В своем «Дневнике войны» Эрнст Юнгер 27 марта 1944 года отметил после разговора с Хофакером: «Провели анализ ситуации, в ходе которого он упомянул фамилии некоторых лиц, в первую очередь фамилию Герделера, которая вот уже несколько лет встречается во всех подобных "комбинациях". Особенно если знать Попица и Йессена. Не может быть, чтобы Живодер и Толстобрюх⁸⁸ничего об этом не знали». Уж если даже живший в Париже и не входивший в узкий круг заговорщиков Юнгер знал все подробности заговора, понятно, что большая часть руководителей рейха были также хорошо информированы.

Кружок «Крейзау» был более закрытым и более отдаленным от властей страны. Со временем гестапо стало следить за ним более пристально. И в январе 1944 года, после прослушивания телефонных разговоров, был арестован Мольтке, а в июле 1944 года был

---

⁸⁸ Под такими кличками в «Дневнике» Юнгера проходили Гиммлер и Геринг. Гитлера он называл там Книболо.

схвачен Юлиус Лебер. Но и у того, и у другого хватило мужества ничего не выдать под пытками. Им был известен план Штауффенберга. Они могли разрушить его всего несколькими словами. Его спасло их молчание.

В конечном счете именно оппортунизм некоторых нацистских заправил, среди которых был сам Гиммлер, умение хранить военную тайну и мужество некоторых допрошенных членов Сопротивления позволили ядру заговора остаться нераскрытым до самого 20 июля. Частично известными стали лишь политические проекты гипотетического устройства Германии послегитлеровского периода.

Лаутлингенская программа и призыв к действию

В голове Штауффенберга планы государственного переворота, должно быть, вызвали лирическое настроение. Он даже считал это делом первостепенной важности. Он прекрасно осознавал важную роль слова в нацистской Германии. Ему хотелось противопоставить что-то зажигательным речам фюрера, этому лающему в темпе адского стаккато голосу, который гипнотизировал народ. Он почти разделял советы Эрнста Юнгера, данные Хофакеру: «Вы должны будете также перекричать его в микрофон. Если вы не проявите всей мощи голоса, покушение не станет успешным».

Штауффенберг готовил воззвание с таким же упорством, которое он приложил и для подготовки государственного переворота. Он работал над ним начиная с сентября 1943 года, прибегнув к помощи Маргарет фон Овен, подруги жены Трескова. Та славилась тем, что умела помалкивать. По вечерам в Берлине она под диктовку печатала проекты воззвания. Вначале она вела себя сдержанно. Но когда услышала слова «фюрер Адольф Гитлер мертв», вскричала: «Что это такое? Во что меня втянули?» Это пахло государственной изменой. Но Хеннингу и Клаусу удалось найти нужные слова, чтобы убедить ее действовать с ними заодно. Они напомнили ей о судьбе тысяч заключенных в лагеря евреев, о преступлениях государства, о рейхе, который катился к гибели. Объяснили, что профессия офицера не ограничивалась лишь пассивным повиновением, что надо было взять на себя выполнение преступления для того, чтобы избежать еще больших преступлений. Что это было долгом по отношению к родине – Германии и собственной совести перед лицом Господа. Маргарет сдалась. Дом Бертольда, где проживал и Клаус, стал мастерской писателя. Обстановка там была тихая, вполне буржуазная. Никто и подумать не мог, что там зрела трагедия. Стоявший в тени высоких сосен в жилом квартале Ванзее, этот большой дом напоминал жилище патриция или горное шале с деревянной надстройкой и большим балконом. Он походил на жилище отставного нотариуса. Однако именно в нем Клаус ходил по кабинету, служившему ему «аудиторией». Под его диктовку фрейлейн фон Овен печатала на машинке. Чтобы не оставлять отпечатков пальцев, она работала в резиновых перчатках. Каждый вечер машинка тщательно протиралась, а лента уничтожалась. Бумаги прятались в тайник. Они опасались визита гестапо, обыска. Одним ноябрьским вечером им показалось, что их выследили. Бертольд, Клаус и Маргарет шли по Трабенергассе с документами в руках, возвращаясь от Бека. Вдруг сзади послышался шум мотора. К ним медленно приближалась машина СС. Они ускорили шаг. У них были при себе доказательства существования заговора. Поравнявшись с ними, машина резко затормозила. Это была катастрофа. Они уже приготовились к тому, что из нее выскочат люди, приехавшие их арестовать. Но этого не случилось. Тревога была ложной. Черная тень ускорилась и исчезла в ночи. Они решили быть осмотрительнее и больше не носить с собой компрометирующих документов.

Для того чтобы придать тексту больше конкретики, Штауффенберг обратился за помощью к приятелям из кружка Штефана Георге. На Тристангерштрассе в перерыве между поездками в Афины поселился Рудольф Фарнер. Они вместе подыскивали слова, которые могли бы всколыхнуть немецкую душу. Клаус старался отойти от «лживого языка штампов». В декабре 1943 года он прочитал текст Герделеру, Беку, Мике и своему дяде Юкскюлю. Вердикт был категоричен: народ ничего из этого не поймет. Текст был слишком литературным, перегружен метафорами. Бек нанес последний удар: «Нам нужно вовсе не литературное произведение». Это значило, что Штауффенбергу надо было все переделать. Именно в этот момент Фарнер вернулся

к своим поэтическим трудам. Уезжая, он подарил Клаусу золотой перстень с гравировкой «*Finis Initium*» («Конец – это начало»).

Этот случай очень показателен. Он указывает на многогранность личности Штауффенберга. Профессиональный офицер, талантливый тактик, несравненный логистик, он многие дни провел за работой над документом, который должен был стать и политическим, и зажигательным. Он составил план операции «Валькирия» с точностью часовщика. И в то же самое время оттачивал предложения. Из-под мундира солдата опять проступил литератор.

Но это было лишь начало конца. Штауффенберг послушал советы заговорщиков. Проекты воззвания начали становиться более конкретными, вводная часть – более мудрой. Чтобы внушить людям, что операция «Валькирия» была результатом внутренних разборок между нацистами, воззвание начиналось такими словами: «Фюрер умер. Преступная группа далеких от фронта руководителей партии сделала попытку совершения государственного переворота. В стране вводится чрезвычайное положение. Вся полнота власти перешла в руки военачальников».

Затем перечислялись предложения, в которых были отражены чаяния «ветеранов» и «реформаторов». Проект воззвания менялся каждую неделю. Некоторые его варианты были утеряны. Запомним некоторые темы, которые упоминались во всех вариантах. Очень часто Бертольд и Клаус работали над ними во время наездов в Лаутлинген. Затем приводили их в порядок в Берлине вместе с Маргарет. Поэтому неправильно называть документ программой Лаутлингена. Но она осталась именно под этим названием.

Германия будущего «ни в коем случае не должна была стать реставрированной моделью бывшей Германии». Она должна была положить конец нацистской системе, при которой «честь и достоинство, свобода и жизнь ничего не стоили». Системе, при которой «истребление евреев проводилось бесчеловечными, ужасными и глубоко постыдными способами». Системе, при которой «воля Господня постоянно попиралась». Будущее правительство должно было основываться на сотрудничестве всех слоев общества и на воле народа, представленной малыми сообществами в лице коммун, профсоюзных объединений, на общности интересов. Если народ решит высказаться, он должен будет делать это через «свободное представительство, которое должно будет учитывать неизбежное расхождение позиций и взглядов». Имущество не должно было стать определяющим критерием. Упор будет сделан на важную роль профсоюзов, на сотрудничество между хозяином и трудящимся. Техника ради техники, культ индустриализации, концентрация экономики будут отвергнуты. Социальный вопрос должен быть постоянной заботой. Речь шла о справедливой заработной плате, о социальном страховании на случай несчастных случаев, болезни, потери работы, выхода на пенсию. Это не был проект, направленный на защиту интересов какой-то одной касты. Было обещано проведение аграрной реформы. Крестьянин должен был стать хозяином земли, на которой он работал. Штауффенберг не был сторонником крупных землевладельцев в лице прусских и померанских юнкеров. Он призывал их уйти в историю, поскольку места им в жизни больше не было. При всем том считал, что спасение могло прийти только сверху, без проявления эгоизма в виде четкой формы патернализма и корпоративности. Он выступал за благородство сердец и «духовное превосходство». Он отбросил всякий догматизм, всякий дух системы. Новая Германия должна была, «начиная с каждого человека, работать как можно лучше». В то же самое время он предостерегал от соблазна очищения и сведения счетов, возникавшего при любом государственном перевороте. В июне 1944 года он написал текст, в котором заранее осуждал «тех, кто в обстановке всеобщего беспорядка хотел бы воспользоваться событиями, чтобы предпринять самостоятельные действия левой, центристской или правой направленности».

К тому времени ждать государственного переворота оставалось недолго. Воззвание, найденное гестапо в бумагах Герделера, вероятно, было тем документом, который лучше всего выражал созревшие планы Штауффенберга. Текст его был проверен и перепроверен совместно с Герделером и Беком, которые одобрили его 14 июля. После ритуального разоблачения нацизма, искажившего немецкий идеализм, шла программа из двенадцати четких и ясных пунктов, острых, как лезвие ножа. Она предусматривала воссоздание правового государства; независимость юстиции и судов; переоценку общественной и частной морали, борьбу с лживой

пропагандой, свободу совести и вероисповеданий; формирование новой системы воспитания молодежи на основе христианских ценностей и уважения других народов; разработку новой Конституции федерального государства, основой которого должно было стать самоуправление; создание новой административной системы; обеспечение экономической свободы на основе частного предпринимательства и свободной конкуренции; проведение социальной политики, обеспечивающей всем равное право на создаваемые богатства; бюджетное оздоровление; продолжение войны для защиты границ родины; установление нового мирного мирового порядка.

Последний пункт с согласия генералов он написал особенно хорошо: «Мы предупреждали об опасности развязывания этой войны, принесшей столько страданий человечеству, и мы имеем право говорить об этом открыто. Мы считали и считаем, что существовали другие средства для обеспечения наших интересов [...]. Ради будущего нам придется быть смелыми, чтобы очистить имя немца и снова завоевать доверие других народов». Это обращение должен был зачитать народу генерал Бек, будущий глава государства, сразу же после смерти Гитлера и удачного проведения переворота.

Штауффенберг написал также еще одно обращение, намного более сжатое, предназначенное для вермахта. В нем не было никакой программы. Только необходимая информация. Армия взяла власть в свои руки, воинская сплоченность должна сыграть свою роль, фронт не должен распасться. Последний вариант был составлен так: «Фюрер мертв. Преступные бессовестные элементы долгое время удерживали власть, преследуя свои личные интересы, злоупотребляя неограниченной властью. Вам известно, что вермахт и народ с горечью подчинялись их бессовестным деяниям. Они надеялись спастись, с безразличием принося в жертву немецкие жизни, невзирая на лежащую в руинах родину [...]. Они рассчитывали на то, что смогут скрыть свои преступления, хотели утопить в потоках крови голос закона и чести [...]. Мы должны действовать, потому что за нашей спиной были совершены преступления, покрывшие несмываемым пятном немецкую честь. В час смертельной опасности, нависшей над родиной, вермахт перешел к действию, наказал предателей, взял в свои руки всю полноту власти. Ныне воин руководит рейхом и осуществляет руководство войсками. Этот воин опытный, имеет необходимые знания и незапятнанную совесть. Все классы общества, все земли рейха должны сплотиться вокруг него. Солдаты, вместе с главнокомандующим армией я клянусь руководить вами с мудростью, требовать от вас только те жертвы, что являются крайне необходимыми во имя спасения родины». Дальше шли классические призывы проявлять отвагу и боевой дух.

В назначенный день «Д», когда Берлин будет захвачен, это послание за подписью Бека или Вицлебена должно было быть разослано по телетайпу в самые отдаленные роты. Но развитие событий решило все иначе. Первый «приказ» так и остался на бумаге до тех пор, пока не попал в руки Красной армии... И теперь он покоится в архивах в Москве.

Клятва

Отшлифованные необходимостью действовать, освобожденные от отягощавшей восприятие поэтической шелухи, эти документы показывают, как легко Штауффенберг приспособился к обстановке, как он умел подчиняться поставленной цели. Но в них не видно частички его самого, частички поэта. В час начала главной битвы в его жизни он хотел заставить поэта молчать.

Вечером 4 июля он встретился с Рудольфом Фарнером и Бертольдом в бункере последнего в штабе ВМС, находившемся в двадцати километрах от Берлина. Это была ночь накануне сражения. А также прощальная песнь. Им суждено было попытаться развязать гордиев узел. Что должно было случиться после того, как они распахнут врата ада? Может быть, их ждал успех? Лавры освободителей? Или смерть и позор? И тогда, для истории, для приятелей по кружку Георге, чтобы доказать, что они не совершили ничего постыдного, при тусклом свете керосиновой лампы, под звездным небом бранденбургского лета, в стороне от всех, они составили клятву, клятву заговорщиков. В ней слышно биение сердца Клауса в момент высших откровений. Жить ему оставалось всего шестнадцать дней. Он понимал, что конец жизненного

пути был, возможно, близок. С братьями по крови и по сердцу он написал в форме завещания: «Мы верим в будущее Германии. Мы знаем, что в Германии есть силы, которые призывают ее привести народы Запада к лучшей жизни. Мы сознаем, что действуем в духе нашего народа, который объединил в себе наследие греков и вероучение христиан и создал западное общество. Мы хотим нового порядка, который сделает всех немцев опорой государства и гарантирует им право и справедливость, не даст поверить в ложь о равенстве и обеспечит им то положение, которое определено естеством. Мы хотим видеть народ, который имеет корни в родной земле, сблизился с силами природы, находит счастье в совместной жизни, которая ему дана, который живет пристойно и гордо, который выше зависти и недоброжелательства. Мы хотим вождей, которые будут выходцами из разных слоев общества, будут подчиняться Божьей воле, подавать пример здравомыслия, дисциплинированности и самопожертвования. Мы объединились, чтобы создать тайное сообщество, служащее установлению нового порядка, проявляя качества и действуя так, как это будут делать будущие руководители. Мы клянемся жить безупречно, верно служить, хранить абсолютное молчание и помогать друг другу».

20 Июля, надежды и мученики

После стольких неудач действовать надо было незамедлительно. Штауффенберг, будучи мозгом заговора, стал и его исполнителем. Он светился своей природной харизмой. «Несмотря на то что на войне в Тунисе он потерял глаз и руку, – сказал позже Альбрехт фон Кессель, – он все еще походил на юного бога войны. Он всех нас пленил своими темными вьющимися волосами, тяжелым взглядом, выправкой и страстью, которая исходила из всего его существа». На это была необходима душевная сила, поскольку чем дальше, тем рискованнее становилась задача, тем символичнее она становилась, тем более походила на самопожертвование, тем меньше оставалось шансов на успех.

В начале июля Штауффенберг окончательно решил совершить убийство тирана лично. Остальные заговорщики не были от этого в восторге. Они понимали, что он был единственным, кто мог удержать в своих руках все нити операции «Валькирия». Ольбрихт был слишком нерешительным, Фромм занимал выжидательную позицию. У Мерца не было достаточного опыта и решимости. Вицлебен и Бек уже давно отошли от повседневного руководства армией. Было слишком рискованно допускать, чтобы один и тот же человек стал и руководителем и исполнителем плана. Ведь если бы его арестовали или убили, провал был бы неминуем. Однако ничтожные результаты предыдущих попыток покушения не оставляли другого выбора. Клаус прекрасно понимал, что шансы на успех были невысокими. В начале июля он сказал Людвигу Тормалену: «Шансов 50 на 50 [...]. Но если дела пойдут так и дальше – как они идут, никто из нас не сможет больше жить со спокойной совестью. Семья не имеет больше смысла, она больше не возможна. А больше ничего и нет [...]. Речь идет не о фюрере, не о родине, не о моей жене, не о моих четверых детях, а обо всем немецком народе». Он полностью разделял мнение Хеннинга фон Трескова, который за ужином вдвоем 7 июля сказал ему: «Покушение должно быть произведено во что бы то ни стало. Пусть оно и не увенчается успехом, но надо действовать [...]. Главное – показать всему миру и истории, что немецкое Сопротивление даже ценой своей жизни посмело перейти к решительным действиям. Все остальное не имеет никакого значения». Его друг граф Харденберг написал, что «в нем было античное величие [...], потому что он шел на самопожертвование, прекрасно это осознавая».

Последние трудности

В первых числах июля накопилось много плохих новостей. Начальника штаба 3-го Берлинского военного округа генерала фон Роста назначили командиром 3-й бронегренадерской дивизии. Это был серьезный удар по плану. Был утерян стратегически важный пост. Хотя все находившиеся в столице части были в подчинении руководства резервной армии, оперативно они подчинялись командованию военного округа. После ухода Роста нельзя было полагаться на

его сменщика генерала Отто Герфурта. Что же касалось командующего округом генерала фон Кортенцфлейша, ему также нельзя было доверять. Он был офицером старой закалки, дисциплина стала его религией, и он никогда не стал бы выполнять незаконные приказы. Для того чтобы избежать неприятностей с ним, было решено, что Ольбрихт вызовет его к себе на Бендлерштрассе в день начала операции и задержит его там так долго, как это только будет возможно. А в штаб-квартиру военного округа, располагавшуюся в доме 144 по улице Гогенцоллердам, немедленно отправится генерал фон Тюнген, генеральный инспектор войск Берлинского гарнизона. Тот был сторонником государственного переворота, борец за воинскую честь. Он особенно прославился тем, что в ходе войны во Франции воздал почести кадетам военного училища в Сомюре, столь мужественно оборонявшим мосты через Луару. Заговорщики надеялись, что у него хватит власти, чтобы объявить себя командующим округом и подтвердить законность приказов, пришедших от руководства резервной армии.

Вызывала беспокойство и обстановка в училище в Крампнице, на которое делалась основная ставка при проведении путча. Начальник училища полковник Момм был приятелем Штауффенберга. В конце июня он организовал вечеринку по случаю назначения Клауса в АХА и его ухода к Фромму. За бокалом шампанского были обсуждены последние детали подготовки путча. В ходе импровизированной карусели Штауффенберг опять проявил свои лучшие качества кавалериста. Он был в парадной форме, в белом летнем френче, со всеми обменивался штуками, дружескими похлопываниями по плечу. Перспективы были радужными, все было весело, атмосфера казалась тем более праздничной, что каждый осознавал, что танцевал на краю вулкана и что надо было испытать до дна радости жизни, которой их в любой момент могли лишиться. Но после бала *идущих на смерть* всех ждало глубокое разочарование. В начале июля Момм получил назначение на Восточный фронт⁸⁹. И с той поры выступление училища зависело от четкости проведения операции «Валькирия».

Обстановка в Комендантском батальоне была не лучше. Конечно, комендант Берлина генерал фон Хазе безоговорочно поддерживал идею свержения Гитлера. Но он не был командиром батальона майором Ремером. Этот молодой офицер прошел обучение в партийной школе, был высокопоставленным руководителем *гитлерюгенда*, чей значок он с гордостью носил на мундире. Он выполнял бы только те приказы, которые, по его мнению, соответствовали бы воле фюрера. Начальник штаба Берлинского округа подполковник Хайнц предложил под надуманным предлогом перевести его в Италию, чтобы на эту важнейшую должность поставить верного человека. К несчастью, Хазе отказался это сделать. Он верил в дисциплинированность своего подчиненного. И думал, что тот выполнит любой полученный от него приказ.

Расквартированная в Котбусе, в 100 километрах от Берлина, бронегренадерская бригада также не внушала особого доверия. Штауффенберг провел учения на случай возникновения внутренних беспорядков. И спросил, сколько времени потребуется бригаде, чтобы занять Гамбург. Методом простого деления этого времени на три он понял, что бригада смогла бы вступить в Берлин через пять часов. Но командира части тоже перевели на другое место службы. А сменившему его офицеру никак нельзя было открывать все карты. Успех операции зависел напрямую от убийства Гитлера и от того, насколько убедительным покажется план операции «Валькирия».

Наконец, выход Красной армии с боями к Бугу и Пруту не давал Трескову возможности отлучиться из штаба 2-й армии, которая вела тяжелые бои. В день начала операции приходилось обходиться без него. Это было катастрофой, поскольку этот энергичный, уважаемый, талантливый генерал был, несомненно, единственным, кто мог добиться принятия самых сложных решений.

На политическом фронте дела обстояли ничуть не лучше. Соппротивление все еще не имело единой точки зрения политиков и военных. После ареста Лебера Штауффенберга стали обвинять в легкомысленности. Герделер пожаловался прибывшему 12 июля в Берлин Гизевиусу

⁸⁹ Хотя 20 июля он еще не уехал к месту нового назначения и находился в Берлине, начальником училища он уже не был. Это не помешало ему приказать после получения сигнала о начале операции «Валькирия»: «Денщик, бутылку шампанского, боров умер». К сожалению, командовал курсантами не он, а полковник Глеземер.

на то, что ему не сообщили всех подробностей заговора. Он выступал против верховенства военных над политиками. Геллендорф, казалось, тоже был близок к этому. Клаус якобы все тянул на себя, ограничил контакты гражданских с Беком и Ольбрихтом и не сообщил все подробности своего плана начальнику полиции. Каждый из них явно не отдавал себе отчета в том, что успех столь рискованной затеи предполагал сохранение тайны и ограничение информации. В ночь на 14 июля состоялось примирительное собрание с участием Штауффенберга, Герделера, Гизевиуса, Бека, Вицлебена, Гельдорфа, Шахта⁹⁰, Ольбрихта и Мерца фон Квирнхайма. Совецание должно было пройти на вилле Шахта. Но тем временем бомбардировки союзной авиации сделали свое дело. Вилла превратилась в груды дымившихся развалин. В назначенное время все собрались в подвале, где царствовала темнота, усиленная отблесками догоравших зданий. При дрожащем свете керосиновой лампы началась долгая процедура взаимных упреков. Герделер обвинил Штауффенберга в желании установить «военную диктатуру» вместо демократии. В своих «Мемуарах» Гизевиус жестоко высказался в адрес Клауса. Он представил его «типичным штабным офицером, лучше которого Гитлеру и желать не приходилось». Он напал на него тем более энергично, что знал, что именно из-за него, Клауса, он не был предварительно рассмотрен на столь желанную им должность «комиссара рейха по обновлению и восстановлению общественного порядка». В решающую минуту вопросы о персоналиях вернулись, словно бумеранг. Штауффенберг пришел от этого в отчаяние и сделал вид, что намеревается покинуть собрание. Бек остановил его и подтвердил свое полное доверие. Но при этом Бек вместе с Вицлебенем опять потребовал, чтобы переворот начался только при условии, что одновременно с Гитлером будут убиты Гиммлер и Геринг. Это означало отсрочку акции до греческих календ. Клаус заявил: «Да хотите ли вы действовать, в конце-то концов?» Бек заверил, что хочет. Но Клаус не был до конца успокоен. Он сказал Гизевиусу: «Будьте осторожнее, вы в Цюрихе слишком много болтаете, когда-нибудь из-за вас с нами случится несчастье». Обговорили последние детали. На следующий день Клаус должен был лететь в «Волчье логово», Ставку Гитлера в Восточной Пруссии. Час покушения пробил. Все остальные вопросы были неважны.

Сорвавшаяся попытка покушения 15 июля

14 июля Фромм был вызван для участия в совещании штаба, которое должно было состояться 15-го. Естественно, Штауффенберг должен был его сопровождать. Темой совещания было формирование 15 новых дивизий для отправки на Восточный фронт. Клаусу суждено было впервые посетить «Волчье логово» и встретиться с фюрером. До того времени он видел его только в Бергхофе, неподалеку от Берштехсгадена. Риск был велик. Он совсем не знал этого места. Но считал, что затягивать с покушением больше нельзя.

15 июля в 7 часов утра генерал и его начальник штаба вылетели в Ставку. В 9 часов 30 минут самолет приземлился в Растенберге. Их сразу же отвезли в штаб, который одновременно являлся Ставкой фюрера. Это был большой комплекс зданий и бункеров, располагавшихся в пятидесяти километрах от Кенигсберга среди лесов и Мазурских болот. В июле там было очень жарко. Роились тучи комаров. Основные руководители рейха имели там свои резиденции: Гиммлер – в Хошвальде, Геринг – в Голдап Реминтене, Рибентроп – в Штейнорте, а ОКХ – в Мауэрвальде. Через несколько минут машина проехала за первый рубеж охраны, *Штркрейз П*. Штауффенберг прижимал к груди свой портфель.

Там вместе с материалами, о которых он должен был доложить, лежали толовая шашка и два химических взрывателя. Для того чтобы не привлекать к себе внимания подозрительным стуком часов, он решил использовать бесшумный детонатор. Кислота, находившаяся в герметичной емкости, начинала действовать после того, как капсула ломалась простым нажатием руки. Она постепенно должна была разъесть вещество, разделявшее два стержня ударника. Когда эти стержни соединялись, по ним пробегал электрический заряд, и сразу же следовал взрыв. Трудность состояла в том, что невозможно было точно предугадать момент

---

⁹⁰ Бывший министр финансов Гитлера, к тому времени полностью примкнувший к заговору.

взрыва. Принимая во внимание погодные условия, надо было ждать взрыва от четырнадцати до двадцати девяти минут. Кроме того, приведение в действие взрывателя предусматривало аккуратное сжатие металлической капсулы клещами. Для человека с одной рукой это уже было довольно трудно сделать. А всего тремя пальцами эта манипуляция была из разряда акробатики. Сделать это под столом, незаметно, было невозможно. Поскольку на совещаниях в штабах было принято, что офицеры выходят и входят по мере необходимости, Клаус хотел незаметно выйти, запустить бомбу в действие, а затем вернуться с ней в зал.

Вначале все шло хорошо. После завтрака с руководством штаба базы оба офицера резервной армии были препровождены в бункер Кейтеля, чтобы подготовиться к докладу. Штауффенберг с удовлетворением отметил, что их не стали обыскивать. Им был выдан специальный пропуск (*зондераусвайс*) на проход за второй рубеж охраны, где находился сам Гитлер. Там все было тихо, не чувствовалось никакого напряжения. Было намечено целых три совещания. Первое начиналось в 13 часов и предусматривало анализ общей обстановки. На втором, в 13 часов 40 минут, должна была рассматриваться обстановка на Восточном фронте. Третье совещание, намеченное на 14 часов 20 минут, посвящалось обсуждению вопроса резервной армии и формированию 15 новых дивизий. Было достоверно известно, что фюрер собирался принять участие в первом совещании. Относительно двух других уверенности в его участии не было.

Клаусу удалось переговорить со Штиффом⁹¹ и Фельгибелем. Роль последнего была определяющей. Он командовал всеми средствами связи «*Волчьего логова*». И только он один мог отрезать Ставку от остального мира. Оба они были готовы действовать. Все было намечено на 14 часов. Но тут прибыл приказ генерала Вагнера, представителя заговора в штабе армии в Цоссене, потребовавшего отложить покушение, поскольку Штифф сообщил ему, что Гиммлер с Герингом не собирались участвовать в совещаниях. Штауффенберг был взбешен. Он, с бомбой в портфеле, был в логове людоеда, всего в 400 метрах от бункера, а ему не давали возможности действовать. Он был вне себя. И заколебался. Потом попросил соединить его с Бендлерштрассе, чтобы получить инструкции от самого Ольбрихта.

А там уже были приняты некоторые меры. Согласно плану, Мерц фон Квирнхайм начал выполнение операции «Валькирия I» начиная с 7 часов утра, чтобы обеспечить безопасность в Берлине. В частности, в аэропорту, куда должен был приземлиться Штауффенберг по возвращении из Растенбурга. Комендантский батальон был приведен в состояние боеготовности. Кадеты училищ в Крампнице, Дёберице и Потстдаме разобрали оружие и готовы были двинуться на захват указанных им объектов. Первые бронемашины уже дошли до колонны Победы. К половине пятого они уже окружили правительственный квартал. Когда Клаус позвонил Мерцу, тот был потрясен. Операция уже началась. Мосты были сожжены.

Его никто не предупредил о решении генерала Вагнера. Вскоре связь прервалась. С Ольбрихтом переговорить не удалось. Штауффенберг продолжал звонить, ответом ему было молчание. Спустя полчаса новый звонок. На проводе был Мерц фон Квирнхайм. Он смог лишь подтвердить приказ Вагнера. Ольбрихт не мог обойтись без поддержки штаба в Цоссене. Он отменил операцию. Это было разочарование и злость. Клаус не желал этого слышать. И спросил у своего бывшего товарища по военному училищу: «Знаешь, Али, теперь это только наше с тобой дело. Что ты на это скажешь?» Последовало долгое молчание. Потом послышался ответ: «Сделай это». Штауффенберг вернулся в бункер. Оглядел зал оперативных карт, прежде чем запустить механизм бомбы. Было 15 часов 07 минут. Гитлер только что вышел. Все надо было начинать сначала.

В самолете, который доставил его в Берлин, душа его кипела. У него было ощущение того, что его предали. Выйдя из самолета, он сразу же отправился в Бендлерблок. Встреча с Ольбрихтом прошла бурно. Штауффенберг заявил, что его подставили. Его выводила из себя генеральская трусость. «Следующая попытка будет последней», – сказал он. Кроме этого, им пришлось очень сильно потрудиться, чтобы объяснить начало операции «Валькирия». Ольбрихт

⁹¹ Начальник Оперативного управления, его мы уже неоднократно упоминали. Он играл заметную роль в заговоре, но всякий раз, когда надо было действовать, все откладывал. Человек убеждения, ярый противник нацизма, он, казалось, был парализован страхом действия, а возможно, и просто страхом.

направил задействованным в ней частям приказ, где указывалось, что это были учения. Командиры частей в это поверили, но в штабе резервной армии все прошло не столь гладко. 17 июля Ольбрихта вызвал к себе Фромм. Он был в ярости оттого, что оказался игрушкой в попытке покушения, первой жертвой которого он мог стать сам. Не желая взлетать на воздух вместе с фюрером, он заявил, что в следующий раз, когда его вызовут в Растенбург, вместо него поедет начальник штаба.

16 июля, все еще находясь под впечатлением недавней неудачи, Штауффенберг пригласил на завтрак Мерца фон Квирнхайма. Развитие событий приводило их в отчаяние. Видя нерешительность генералов, они решили действовать самостоятельно, пусть даже без поддержки других заговорщиков. Тем придется подчиниться, когда они окажутся перед свершившимся фактом. Отступить было слишком поздно. Этот день стал решающим. Хотя путч оставался делом всей организации, он все больше становился восстанием полковников, готовых выкрутить руки своим командирам для достижения успеха или ради символичности.

В тот же день Клаус и Бертольд собрали у себя на Ванзеенштрассе самых верных друзей: Адама фон Трота цу Зольца, Дитлофа фон Шуленберга, Хофакера и Мерца. Они осудили пассивность генералов и решили перейти к действию несмотря ни на что. Хофакеру было поручено отправиться в Париж, чтобы подтолкнуть к действию Клюге, Штюльпнагеля и Шпейделя и добиться раскрытия Западного фронта даже в случае провала покушения. Основной задачей была «центральная» – захват власти в Берлине, но на всякий случай не исключался и парижский вариант.

17 июля пришла плохая весть. Заговорщикам удалось узнать, что СД намеревалась арестовать Герделера. Это было бы катастрофой. Противник покушения, болтливый, непостоянный, он мог все рассказать, хотя и знал только о переговорах по мирному решению. Штауффенберг отправился к нему, чтобы уговорить бежать в Париж под крыло Штюльпнагеля. Не тут-то было. С почти старческим упрямством бывший бургомистр Лейпцига отказался. Его судьба связана с Германией. Он никуда не поедет. В любом случае, его не посмеют арестовать. Гиммлеру нужны новые политики...⁹²

Опасность полицейского вмешательства не оставляла другого выхода, кроме как начать действовать незамедлительно. Когда 18 июля пришло сообщение, что Фромма и Штауффенберга вызывают 20 июля в «*Волчье логово*», каждый понял, что это был последний шанс перед многочисленными арестами вследствие неизбежного допроса Герделера. Тогда-то Клаус и сказал Бертольду: «Выбора нет. Рубикон пройден». На следующий день он постарался убедить в этом генералов. Он отправился к Вицлебену, где его ждали генерал Хепнер, генерал фон Хазе и майор фон Леонроде из 9-го Потсдамского полка. Настроение у всех было мрачное, ситуация – драматическая. Надо было или начинать действовать, хотя был риск того, что Гиммлер и Геринг прилетят в Берлин, чтобы подавить мятеж в зародыше, или выжидать, но тогда всех заговорщиков арестует гестапо. Вицлебен с трудом, но дал свое согласие. Сразу же после этого, примерно в три часа дня, Штауффенберг примчался в свой кабинет на Бендлерштрассе. Он собрал десяток верных офицеров из АХА и резервной армии. И изложил им сложившуюся ситуацию. Все безоговорочно пообещали свою поддержку.

Затем он приказал своему водителю *фельдфебелю* Швайцеру отправиться за документами к полковнику Фрицу фон дер Ланкену⁹³ и доставить их к нему домой на Тристанерштрассе. Швайцеру были вручены два пакета из плотной бумаги со штампом «*Секретно, строго конфиденциально*». Не задавая лишних вопросов, он доставил пакеты по назначению. Он не знал, что отвез на квартиру своего начальника две бомбы. А тот тем временем отправился в

---

⁹² Герделер, как и Попиц, продолжал верить в то, что Гиммлер вел двойную игру и готов был примкнуть к государственному перевороту в случае его успеха. Это не было столь уж беспочвенно, если судить по терпимости, которую последний проявлял в отношении «клуба среды», о чьей деятельности был прекрасно осведомлен. Но в случае провала можно было не сомневаться в том, что репрессии были бы тем более жестокими, что *рейсхфюрер* был лично знаком с заговорщиками и постарался бы замести следы. Это было похоже на заключение сделки с дьяволом, поскольку неизвестно было, куда это могло завести.

⁹³ Офицер штаба АХА.

штаб армии в Цоссене, чтобы еще раз встретиться с генералом Вагнером и заручиться его поддержкой. Вагнер подтвердил, что сразу же после убийства Гитлера на него можно будет полностью рассчитывать. Заметив вполне понятную напряженность Штауффенберга, он предложил ему пойти поохотиться на зайцев в песчаных дюнах вокруг здания штаба. За несколько часов до дела всей своей жизни Клаус успокоил свои нервы охотой на грызунов.

По дороге домой он зашел в церковь Штеглица. И присутствовал на мессе. Стены церкви подрагивали от далеких взрывов. Свечи качались. В последний раз, встав на колени, он помолился Богу. На Тристанерштрассе он провел вечер с Бертольдом и Адамом фон Тротом цу Зольцем. Потягивая коньяк и покуривая гаванские сигары, они читали вслух стихи Штефана Георге. Клаус пытался дозвониться до Нины, отдохавшей с детьми. Не удалось. Авиация союзников разрушила телефонную станцию в Энингене. Луатлинген оказался отрезанным от мира. Утром он уехал, не сумев попрощаться с родными.

Покушение

Утром 20 июля Бертольд отвез брата в берлинский аэропорт Рангсдорф. На взлетной полосе в 7 часов они встретили адъютанта Штауффенберга лейтенанта фон Хефтена. Их ждал «Хейнкель-111» с прогретым уже мотором. Но взлететь мешал туман. Бертольд вынужден был уехать на службу в ОКМ. В 8 часов самолет наконец взлетел. Под шум моторов Штауффенберг дал последние инструкции. После двух с четвертью часов полета в турбулентности, пролетев над великолепными пейзажами Пруссии, большими площадями лесных угодий, над озерами и болотами, самолет приземлился в Растенбурге. Рубеж охраны № 2 преодолели беспрепятственно. Клаус и Хефтен позавтракали вместе с офицерами Ставки. Напряженные, как пружины, они с трудом перенесли сальные шутки нескольких генералов СС. Штауффенберг задумчиво молчал, Хефтен нервно перебирал аксельбанты. В 11 часов их провели за первый рубеж охраны к начальнику организационного управления генералу Бюхлю для короткого доклада. Штауффенберг отдал компрометирующий портфель адъютанту. В 11 часов 30 минут их отвели к Кейтелю для выработки общей позиции для доклада. Хефтен остался в приемной. Он аккуратно прижимал к груди бомбы. Как потом рассказал на допросе в гестапо молодой адъютант фельдфебель Фогель, возбуждение лейтенанта показалось ему подозрительным. И он спросил у него, все ли в порядке. Лейтенант ответил, что все нормально. На этом разговор закончился.

В зал совещаний Кейтеля прибыл адъютант Гитлера с плохой для заговорщиков новостью. Ежедневный доклад фюреру был перенесен на 12 часов 30 минут из-за внезапного приезда Муссолини на специальном поезде для обсуждения вопроса об усилении итальянского фронта. Времени для запуска взрывного механизма бомбы почти не оставалось.

Штауффенберг попросил разрешения выйти, чтобы освежиться и сменить рубашку. Порученец Кейтеля майор фон Фрейенд предложил ему сделать это в его кабинете. Хефтен последовал за своим начальником. Было уже 12 часов 25 минут. С максимально возможной быстротой Клаус распаковал бомбы. У него было на это всего несколько минут. Пока Хефтен помогал ему сменить рубашку – эту версию надо было отработать до конца, – он раздавил первый взрыватель с помощью клещей, специально приспособленных для его искалеченной руки, и воткнул взрыватель в пластиковую взрывчатку. Затем неловкими пальцами попытался проделать это со вторым взрывателем. Шло время. В дверь постучали. Это был Фогель. Майор фон Фрейенд послал его напомнить, что совещание должно было вот-вот начаться. За дверью нетерпеливо прохаживались Кейтель и Бюхль. Хафтен приоткрыл дверь и приказал унтер-офицеру не тревожить инвалида войны. Напряжение достигло предела. Руки Клауса дрожали. Ему никак не удавалось взвести второй взрыватель. Запотевшими пальцами он никак не мог удобно взяться за клещи. Без помощи Хефтена это было очень сложно сделать. Ему говорили, что достаточно было и одной бомбы. Пусть будет одна. Он быстро положил ее в портфель, а другую отдал Хефтену. Потом вышел к рассерженному Фрейенду, сказавшему ему: «Штауффенберг, да пойдете же скорее, вы заставляете фюрера ждать». Желая помочь Клаусу, услужливый штабной офицер решил понести его портфель те 400 метров, которые оставалось пройти до зала совещаний. Штауффенберг пришел в ужас, но вынужден был согласиться. Свой

драгоценный портфель он получил назад, когда вошел в бункер. Там он проявил твердость духа и попросил, чтобы его посадили поближе к Гитлеру. При этом сослался на частичную потерю слуха при ранении на фронте. Когда он вошел в зал, генерал Хойзингер докладывал обстановку на Восточном фронте. Фюрер и генерал Варлимонт бросили на него взгляды. Кейтель представил его, Фрейенд попросил какого-то генерала уступить место, чтобы поместить Клауса поближе к Гитлеру. От фюрера его отделял только генерал Хойзингер⁹⁴. Штауффенберг поставил портфель рядом с бетонной опорой массивного дубового стола для карт. Все было готово, оставалось только ждать взрыва. Этот человек – посланец судьбы все еще выглядел довольно бодро, хотя жизнь его висела на волоске. После окончания войны генерал Варлимонт⁹⁵ так вспоминал об этой мимолетной встрече: «В кавалерийских бриджах штабного офицера с розовыми лампасами⁹⁶, в сапогах со шпорами, он был похож на вечного воителя. Я едва был знаком с ним, но когда увидел его там с черной повязкой на глазу, с искалеченной рукой в пустом рукаве [...], то понял, что от него исходила спокойная горделивость, которая отличала элиту немецких офицеров». Было 12 часов 35 минут. Штауффенберг подал знак Фрейенду. Ему нужно было срочно связаться по телефону с генералом Фельгибелем. Он отошел от стола с картами. Какой-то офицер уселся на его место и отодвинул его портфель, чтобы поставить свой. Телефонист бункера соединил его с Фельгибелем. Как было условлено, Штауффенберг кашлянул в трубку и положил ее. Это был сигнал того, что покушение должно было состояться. Ничего никому не сказав, он устремился в комнату адъютантов, где его ожидал Хефтен. В спешке он забыл взять фуражку и пояс. Фельгибель последовал за ним. Они были уже в 200 метрах от зала совещаний, когда раздался взрыв. Внутри первого кольца охраны поднялась паника. Крышу бункера снесло. Из окон вырвалось пламя. Эсэсовцы бросились к бункеру и вытащили оттуда какого-то человека в габардиновом мундире фюрера. Штауффенберг был потрясен. Ему показалось, что он узнал фюрера. Дело было сделано. Он это смог. Тиран был мертв. Фельгибель устремился в штаб войск связи, чтобы отрезать телефонную связь с внешним миром. Клаус с Хефтенем вскочили в ожидавшую их машину. На подножках они доехали до южных ворот зоны охраны № 1. Но уже была объявлена тревога. Никто не мог покинуть территорию. Штауффенберг вышел из машины, выпрямил спину. И властным голосом приказал поднять шлагбаум: «По специальному приказу фюрера!» Это произвело впечатление на унтер-офицера, и тот подчинился.

На КПП зоны охраны № 2 возникли затруднения. Начальник поста отказывался подчиниться. Полковник или нет, но приказ есть приказ. Надо было договариваться. Время поджимало. Вокруг ревели сирены. Штауффенбергу пришлось позвонить коменданту охраны капитану фон Моллендорфу, чтобы тот дал команду охранникам пропустить машину. В 13 часов они выехали за пределы зоны охраны. Машина на полной скорости помчалась на базу Вильгельмсдорф. Хефтен на ходу выбросил вторую бомбу в окно. Освободившись от компрометировавшего их багажа, офицеры сели в самолет, который взлетел в 13 часов 15 минут. В 15 часов 45 минут «хейнкель» приземлился в Рангсдорфе. Ступая снова на столичную землю, Штауффенберг был уверен, что убил тирана. Но по виду что-то было не так. В аэропорту было необычайно тихо. Никто их не встречал. Не видно было также разведывательных бронемашин из Крампница для обеспечения безопасности аэродрома. Там царил повседневная рабочая обстановка. Даже верного водителя Швейцера не было видно. Он устремился к телефону, чтобы позвонить на Бендлерштрассе. Его соединили с Мерцем. Он сказал ему, что Гитлер был убит. Было 4 часа дня. В голосе друга слышалась радость, поскольку ходили самые противоречивые

⁹⁴ Будучи офицером консервативных взглядов, он не принимал непосредственного участия в подготовке переворота, но был довольно близок с Беком и Вицлебенем. После войны он стал одним из основателей бундесвера.

⁹⁵ Осенью 1945 года он написал «меморандум генералов», призванный обелить офицеров и их подчиненных. Особый упор он сделал в нем на пример Штауффенберга, стараясь показать, что Генеральный штаб не весь ответственен за преступления Гитлера. На Нюрнбергском процессе он был осужден на пожизненное заключение.

⁹⁶ Лампасы генералов были ярко-красными.

слухи. Мерц попросил его приехать как можно скорее. Операция «Валькирия» еще не началась. Ольбрихт колебался. Начиная с половины первого дня никто ничего точно не знал. Клаус рассердился. Он взял машину командира базы. Для того чтобы добраться до Бендлерблока, ему потребовалось тридцать минут. В 16 часов 30 минут он оценил всю глубину катастрофы.

Поворот судьбы, неудачники операции «Валькирия»

Будучи научен горьким опытом 15 июля, Ольбрихт не захотел начинать операцию «Валькирия», не получив известий об удачном покушении. Теоретически ее надо было начать за пять часов до ожидавшегося возвращения Штауффенберга, то есть часов в 11 дня, чтобы задействованные в ней части были уже на местах. По его приказу Мерц должен был дожидаться точных сведений. В 13 часов связь с «*Волчьим логовом*» прервалась. Это было хорошим предзнаменованием. Значит, покушение состоялось. Однако Фельгибель не до конца выполнил свою задачу. Хотя он и прервал телеграфную и телефонную связь, он не довел все до конца. Развитие событий лишило его способности действовать. Он очень скоро узнал о том, что Гитлер остался жив. Взрывом бомбы были ранены несколько генералов. Пятеро из них впоследствии умерли. Фюрер был слегка ранен: поверхностный ожог руки и легкая контузия от взрывной волны. Бомба была передвинута. Бетонная тумба стола спасла тирана. В любом случае, заряд не был достаточно мощным. Нужен был взрыв двух бомб. Накануне утром из-за жары было принято решение проводить совещание в наземной постройке, а не в подземном бункере, и это значительно уменьшило мощность взрывной волны. Горячий сжатый воздух, который мог бы убить всех присутствовавших, разорвав им легкие, вырвался через крышу и окна, словно пробка из бутылки шампанского. В очередной раз удача была на стороне палачей, словно бы подтверждая пророческие и трагически трусливые слова генерала фон Фритча, произнесенные им в 1941 году: «Этот человек – судьба Германии. Он должен выполнить свой долг до конца, возможно, до последней капли».

Фельгибель не знал, что ему делать. Он готовился к удачному покушению, а не к сорвавшейся попытке. Он забыл – конечно же случайно – отключить линии связи Кейтеля и Гимmlера, то есть самые главные линии. Кроме того, позвонил сам. В разговоре с начальником связи армии в Цоссене генералом Тиле⁹⁷ он намеками сообщил, что фюрер остался жив. Он не пожелал пойти на сделку с честью офицера и сообщать ложную информацию. Начала разворачиваться трагедия. Уже в 13 часов 15 минут заговорщики в ОКХ, генерал Вагнер и генерал Тиле, знали о том, что фюрер, возможно, был жив. Это их парализовало. В тот же самый момент эту новость узнали Ольбрихт и Мерц. Так тщательно разработанная операция была уже бесполезна. Были предусмотрены различные варианты действий. Смерть Гитлера. Смерть Гитлера и Гимmlера. Смерть Гитлера, Гимmlера и Геринга. Но только не сорвавшееся покушение и не раскрытие заговора. И не то, что оставшийся в живых диктатор будет готов потребовать смерти путчистов. Была половина второго дня. Ольбрихт не мог ни на что решиться. Он был в шоке. Но решил этого не показывать и отправился, словно ничего не случилось, обедать с генералами в столовую Бендлерблока. Он надеялся на то, что за время его отсутствия ситуация прояснится. Мерц остался один, без начальника, судьей ему была лишь его совесть. Он был всего лишь полковником, но у него была возможность отправить распоряжение, приказ, он не мог связаться в полете с возвращавшимся в Берлин Штауффенбергом. Надо было что-то решать. Он очень скоро понял, что отступить было слишком поздно. В любом случае заговорщиков ждали жестокие репрессии. И тогда он поступил следующим образом. В 14 часов он по своему усмотрению отдал за подписью Ольбрихта приказ начать операцию «Валькирия I». Его поддержал майор фон Эрцен. Военные училища в Крампнице и Дёберице получили приказ выступать для подавления «беспорядков в стране». Майор Роде, участник заговора в Крампнице, немедленно выступил с вооруженными

⁹⁷ Как и генерала Вагнера, его уговорил примкнуть к заговору Вицлебен. Он, несомненно, был готов содействовать установлению нового порядка, но опасался, что в случае, если диктатор уцелеет, в Германии могла начаться гражданская война. В тот час он решил, что был не вправе притворяться и распространять ложные слухи о смерти Гитлера.

до зубов аспирантами и двумя самоходными зенитными установками. Обойдя стороной училища войск СС в Лихтерфельде и в Ланквице и убедившись, что там все было спокойно, он занял позицию рядом с колонной Победы, будучи готов двинуться на Бендлерштрассе или в другое место, где понадобится его огневая мощь.

В это самое время Мерц фон Квирнхайм собрал офицеров штаба АХА. Он объявил им, что начался путч СС, что Гитлер убит, что армия взяла в свои руки всю полноту власти, что отныне главнокомандующим становился генерал-фельдмаршал фон Вицлебен. Потрясенные, но испытывавшие наконец-то облегчение, офицеры отправились претворять в жизнь план «Валькирия I». В 15 часов Ольбрихт вернулся с обеда. На все вопросы своего начальника штаба он отвечал уклончиво. Прибыл Хепнер и стал торопить его ввести в действие план «Валькирия II». Тот никак не решался это сделать. Перед тем как его повесили, Хепнер описал его «возбужденным, покрытым потом, раздавленным ответственностью, которая была выше его». Ольбрихт приказал позвонить Тиле и Вагнеру в Цоссен. Они оба посоветовали подождать. Вермахт ни в коем случае не должен был стрелять по вермахту. К 15 часам 30 минутам была восстановлена связь с Растенбургом. Фельгибель больше уже не мог дольше ее прерывать. Но ничего не случилось. Мерц понял это так: если о покушении не было объявлено, если о том, что Гитлер уцелел, не сообщили по радио для поддержания победных реляций, значит, Штауффенбергу все удалось. В этот момент в распоряжение Ольбрихта прибыл полковник Кратцер, начальник службы пропаганды вермахта. Согласно плану «Валькирия I», он привез с собой в грузовике двадцать офицеров связи, готовых взять контроль над радиопередатчиками Берлина. Ольбрихт попросил его подождать. Тут поступил звонок от Штауффенберга с сообщением о смерти Гитлера. Наконец-то пришла хорошая новость, что-то конкретное, за что можно было ухватиться. Ольбрихт сдался. В 16 часов 05 минут телетайпы объявили о начале операции «Валькирия II». С опозданием в пять часов. Но приказ Ольбрихта должен был быть завизирован Фроммом. Надо было убедить того поставить свою подпись на этом приказе.

Ольбрихт отправился в кабинет Фромма. И попросил его начать операцию «Валькирия II», поскольку фюрер был убит. Фромм не поверил ни единому его слову. И приказал соединить его с Кейтелем, что и было незамедлительно исполнено. Кейтель подтвердил, что было совершено покушение, но оно сорвалось. Гитлер был жив, Гиммлер находился на пути в Берлин, где должен был незамедлительно взять в свои руки командование резервной армией. Кейтель воспользовался звонком, что бы узнать новости о Штауффенберге. Его исчезновение из «Волчьего логова» вызвало сильные подозрения. Фромм все понял. И изобразил удивление и негодование. Естественно, он отказался подписывать приказы по операции «Валькирия II». Ольбрихт вернулся к себе удрученным, он был готов все бросить. И сказал Хепнеру и Мерцу: «Не вышло, он отказался что-либо подписывать». Мерц ответил ему на это, что слишком поздно что-то отменять, что приказы уже отданы. Тут Фромм вызвал их к себе в кабинет. Узнав о том, что операция «Валькирия» уже началась, он стукнул кулаком по столу и вызвал охрану, чтобы арестовать Ольбрихта и Мерца. И пообещал отдать их под суд за государственную измену. Было 16 часов 30 минут.

В это время в двери появился Штауффенберг. Он подтвердил смерть фюрера и добавил: «Я сделал это. Я видел его мертвым. Никто не мог бы после этого уцелеть». Фромм в ответ сослался на Кейтеля. «Ложь, ложь, как всегда, он всегда обманывает», – спокойно ответил на это Клаус. Но никого этими словами не убедил. Вероятно, лишь он один был в этом уверен. Фромм велел арестовать всех троих. И посоветовал Клаусу немедленно покончить с собой, поскольку «он запятнал мундир немецкого офицера». И тогда произошла удивительная сцена. Невиданная в этом уютном кабинете, пропахшем буржуазным духом с его мебелью от Бидермейера, с его клубными креслами, с его запахом воска и обитыми плотной тканью стенами. Началась драка между Фроммом и Штауффенбергом. В штабе офицеры дрались как чернь. В конце концов Штауффенберг и Хефтен выхватили пистолеты. Фромм был побежден. Ему оставалось лишь подчиниться. Генерал Хепнер⁹⁸ сказал, что берет командование резервной армией в свои руки.

---

⁹⁸ См. главу «Выбор Антигоны» и последующие главы. Отстраненный от командования 8 января за трусость и неисполнение приказа, тот вскоре сблизился с Беком и безоговорочно поддерживал все планы заговора.

Без лишнего насилия Фромм был арестован, заперт в одной из комнат, к которой была приставлена охрана.

И тогда началось самое сложное. Надо было наверстать упущенное время. Приказы были закодированы, их передача потребовала много времени, очень много времени⁹⁹. Приказ о начале операции «Валькирия» начал поступать в военные округа к 17 часам, к 17 часам 30 минутам и еще позднее. Штауффенбергу пришлось предварять письменные приказы распоряжениями по телефону. Сидя в своем угловом кабинете с типично монашеской обстановкой – стол, три стула, железный шкаф, – он не отрывал от уха трубку из черного бакелита, которая связывала его с внешним миром.

Тем временем на Бендлерштрассе начали стекаться заговорщики: Бек, Шверин, Гельдорф, Гизевийс, Герштенмайер.

В Берлине события начали развиваться довольно удачно. Генерал фон Хазе сделал то, чего от него ждали. В 16 часов он вызвал к себе в штаб на Унтер ден Линден майора Ремера. И сказал тому, что фюрер был убит и что его комендантский батальон «Великая Германия», расквартированный в районе Моабит, должен был окружить министерский квартал. Три роты немедленно выступили на задание при поддержке нескольких бронемашин и пулеметных установок. В 18 часов 30 минут задание было выполнено. Никто не мог проникнуть на Потсдамплатц, Доротеенштрассе, Герман Герингштрассе, Фридрихштрассе и Вильгельмштрассе. Плотное оцепление из войск и лошадей окружило район по его периметру. Четвертая рота была послана на Бендлерштрассе для обеспечения безопасности штаба резервной армии. Согласно обязательствам, Небль предоставил людей из криминальной полиции в распоряжение заговорщиков. Берлинские пожарные тоже выступили на стороне путчистов. Начальник полиции Гельдорф сформировал 20 отрядов полицейских для проведения арестов руководителей режима.

Командующий военным округом генерал фон Кортенцфляйш прибыл по вызову Ольбрихта. Когда его поставили перед свершившимся фактом, он отказался присоединиться к заговорщикам, расплакался и стал просить отпустить его. Его поместили под арест. Части, от которых ждали многого, с точностью выполнили порученные им задания. Получив приказ от подполковника Бернардиса, 1-я Коттбусская бригада немного замешкалась. Ее начальник штаба подполковник Штириус медлил с выдвиганием бронетехники. Но командир части полковник Шульте Хойтзаус решил, что приказы были настоящими.

Они были отданы руководством резервной армии. Только вот подпись была другой. Армией командовал уже Хепнер. В такой сложной обстановке в этом не было ничего странного. К 18 часам первые самоходные пулеметные установки были уже в пригородах Берлина, заняли здания СА, захватили мосты и установили контроль над радиоустановками в Кенингсвинтерхаузене. Училище Деберица захватило передатчики на Мазуреналлее, в Тегеле и в Науене. К несчастью, обещанные Тиле специалисты, прибывшие в первые часы операции, куда-то пропали. И пока офицеры ходили по залам, они не подозревали о том, что за их спинами радиостанции продолжали работать на передачу. Три учебных батальона из Крампница и рота училища аспирантов из Потсдама под командованием майора Эрцена¹⁰⁰ двигались к указанным им объектам. Они овладели передатчиком в Цоссене и колонной двинулись к Тиргартену. Командир части полковник Глеземер не до конца понимал, что происходило. Он запросил подтверждения в инспекции бронетанковых войск. Какой-то незнакомый ему офицер подтвердил, что приказы были подлинными. И тогда он отправился на Бендлерштрассе. Его принял Мерц и объяснил, что СС попыталась взять власть. Его кровь офицера вермахта взбунтовалась. Он сразу же встал под команду Ольбрихта. Часть аспирантов с пулеметом и

---

⁹⁹ Законно заботясь о сохранении конфиденциальности связи, начальник службы связи резервной армии капитан Клаузинг, сторонник заговора, использовал только телексы с грифом «государственная тайна». Таких телексов было всего четыре, хотя в системе армейской связи было двадцать шесть подобных аппаратов. Задержка с передачей приказов во многом объясняется решением не нарушать принятые правила, пусть даже в чрезвычайной ситуации.

¹⁰⁰ Реактивный переносной противотанковый гранатомет. – Прим. пер.

*панцерфаустами*¹⁰¹ была направлена на усиление комендантского батальона. Казалось, Берлин был взят под контроль. Тогда Мерц и Штауффенберг собрали офицеров штаба резервной армии в кабинете Фромма и объявили им, что Гитлер был мертв, а СС хотела захватить власть. Особое впечатление на них произвел Хепнер с пятью звездочками на воротнике мундира. Сообщение о взятии под стражу Фромма никого не смутило. Там был новый командир, он казался компетентным и решительным. Все обрадовались тому, что в лице Вицлебена весь вермахт будет управляться умелым генерал-фельдмаршалом. Отправленный на разведку обстановки лейтенант фон Клейст подтвердил, что министерский квартал был уже окружен. Оставалось только провести аресты членов партии. В Бендлерблоке стало легче дышать. Несмотря на неудачу покушения, во что Штауффенберг все еще отказывался верить, ничто еще не было потеряно.

«Валькирия» выпускает когти

Но червь уже проник в плод. Когда генерал Вагнер в Цоссене узнал, что Гитлер остался жив, он упал духом и все рассказал. Получив нагоняй от Кейтеля, он во всем признался своему начальнику: и о своем участии в заговоре, и о планах заговорщиков. Это было трагическое стечение обстоятельств. Он обязался до возвращения Гимmlера восстановить порядок в войсках. А тем офицерам, у кого могли возникнуть сомнения и которые позвонили бы в ОКН, впредь должна была выдаваться информация о том, что происходил государственный переворот и что Гитлер был жив.

И тогда на заговорщиков обрушился первый удар. Лейтенант Хаген, один из офицеров нацистской пропаганды, случайно оказался среди солдат комендантского батальона, перед которыми он должен был выступать. Его удивило всеобщее оживление. Когда он услышал о том, что был отдан приказ арестовать лидеров партии, он помчался в кабинет Геббельса в Министерстве пропаганды на Вильгельмплатц. Министр пришел в крайнее возбуждение. Он подтвердил, что имела место попытка государственного переворота, но фюрер остался жив, что надо было любой ценой подавить беспорядки, корни которых следовало искать «среди реакционных сил армии». Хаген тут же вернулся к Ремеру. Несмотря на возражения последнего, он усадил его в машину, заставив отложить все дела, и отвез к Геббельсу. Ремер был поражен. Он впервые в жизни оказался с глазу на глаз с тем источником голоса, чьи зажигательные речи ему довелось слышать так часто. Министр пропаганды обрисовал ему обстановку. Ремер колебался. С одной стороны, у него был приказ, а с другой – слово помощника фюрера. Тогда Геббельс взял инициативу в свои руки. Он позвонил в «Волчье логово», поскольку связь к тому времени была уже восстановлена. И протянул трубку Ремеру. На другом конце провода был Гитлер. Он спросил: «Ремер, вы узнаете этот голос?» Ремер был поражен: «Да, мой фюрер, я вас узнал». Гитлер сразу же заявил: «Судьба рейха в ваших руках». Он тут же наградил майора Железным крестом и отдал ему всю полноту власти в Берлине до возвращения туда Гимmlера. Ремер очень разозлился на то, что оказался игрушкой в руках заговорщиков. Заговор был ему отвратителен. Ветер изменил направление. Было 19 часов. Главный козырь заговорщиков перешел в чужие руки.

В военных округах обстановка была неясной. С 18 до 22 часов Штауффенберг не выпускал из руки телефонную трубку, стараясь убедить нерешительных в том, что Гитлер был убит, и в необходимости начинать операцию «Валькирия». Всякий раз письменные распоряжения доходили до округов с большим опозданием, между 19.30 и 20 часами. Генералы перезванивали в ОКХ или лично Кейтелю. Никто не верил словам Штауффенберга, что все это было лишь пропагандой. В Первом военном округе, ключевом, поскольку на его территории находились Ставка «Волчье логово» и Верховное командование вермахта (ОКВ), командиры выжидали. Клаусу не удалось связаться с главнокомандующим в Кенигсберге. Он переговорил лишь с его адъютантом подполковником Эрдманом, который и слышать ничего не хотел. То же

---

¹⁰¹ Офицер штаба Трескова. Он был прикомандирован к генералу фон Хазе в штабе Берлинского округа, выполняя функции офицера связи с военным округом.

самое было и в Бреслау, Касселе, Ганновере, Мюнхене, Штутгарте. И только в Дрездене, Праге, Вене и Париже отчаянные звонки Клауса возымели действие.

На фронте все было тихо. Тресков хотел было направить в Берлин подкрепление. Но сделать это он был бессилён. Единственное, что ему удалось добиться, был один эпизод, лишенный политических или военных последствий, но достойный остаться в анналах истории, настолько он был удивительным. Бывший участником заговора с самого его зарождения, майор Филипп фон Безелагер¹⁰² получил 18 июля приказ выступить в тыл со своим кавалерийским полком, воевавшим на Восточном фронте. В 200 километрах позади линии фронта полк должен был встретиться с грузовиками, которые имели приказ доставить людей в один из польских аэропортов. Группа армий «Центр» приготовила эскадрилью транспортных самолетов «Юнкерс-52» для доставки 1200 человек в Берлин. Безелагер, в кармане которого лежала карта столицы с выделенными красным карандашом стратегическими объектами, совершил невероятный рейд по немецким тылам. За сорок восемь часов элитная часть немецких механизированных войск добралась до Польши, чтобы принять участие в уничтожении нацистской системы. 20 июля они ждали приказа на посадку в самолеты. Естественно, пришел совсем другой приказ. Чудом того дня, который принес так мало утешительного, было то, что майору удалось вывести свой полк снова на передовую, и при этом никто ни о чем не догадался.

К несчастью, очень плохие новости заговорщики услышали по «Радиостанции "Великая Германия"». Поскольку радиопередатчики не были выведены из строя, вкрадчивыми одновременно гневным голосом Геббельс во всеуслышание объявил, что была предпринята попытка покушения на «нашего любимого фюрера», который намерен вскоре обратиться к нации.

С того момента ситуация стала ухудшаться лавинообразно. Клаус был бессилён остановить этот процесс. Кавалерийская бригада из Коттбуса услышала это сообщение по радио. Шульте немедленно позвонил в штаб военного округа, потребовал соединить его с Кортенфляйшером. Дежурный офицер сказал ему, что тот скрылся с Бендлерштрассе, а его вроде бы заменил генерал фон Тюнген¹⁰³. Но и с Тюнгеном связаться не удалось. Спустя несколько минут обергруппенфюрер СС (генерал) Ютнер установил контроль над штабом на Унтер ден Линден. Он арестовал Хаза, немедленно отменил состояние боевой готовности и приказал бригаде вернуться в казармы. Дойдя до Ферхрберлинерплатц, бригада повернула назад. По тому же сценарию прошло возвращение между 19.00 и 20.30 училищ из Деберица и Крампница. В распоряжении у заговорщиков больше не осталось никаких частей. Комендантский батальон под командованием генерала Рейнеке начал стягиваться к Бендлерблоку. Обстановка резко ухудшилась. Каждый из заговорщиков почувствовал, что дело было проиграно. Воцарилась обстановка окончания игры. Казалось, Штауффенберг был единственным, кто старался ободрить проигравших. Обмякнув в креслах, выкуривая сигарету за сигаретой, Бек, Шуленбург, Гельдорф и Гизевиус пытались найти выход. Бек хотел передать по радио давно уже составленное воззвание к восстанию. Но передатчики уже не были под контролем заговорщиков. Гизевиус, единственный, кто остался в живых, в своих «Мемуарах» выставил себя в хорошем свете. Он якобы выступил за последний всплеск: расстрелять нескольких офицеров СС, напасть с отрядом офицеров на министерский квартал, схватить Геббельса и шефа гестапо Мюллера и убить их. Пусть канава пролитой крови сделает невозможным всякое отступление. Но никто его не послушал. Он посчитал это трусостью и нерешительностью. Но он, казалось, забыл, что в Бендлерблоке не было другого вооружения, кроме личного оружия присутствовавших там офицеров. Что с ними можно было сделать против автоматов и пулеметов комендантского батальона? Это стало бы героическим поступком, лишенным всяких шансов на успех. Красивым поступком для истории. К 20 часам

---

¹⁰² Этот случай прекрасно описан самим Филиппом фон Безелагером в книге «Мы хотели убить Гитлера», 2008.

¹⁰³ Отставной генерал. Он согласился встать на сторону Бека. Но был явно не в состоянии понять всю сложность государственного переворота.

появился Вицлебен в парадном мундире генерал-фельдмаршала. Штауффенберг надеялся, что он сможет возродить надежду и придать новые силы проигравшим. Напрасные ожидания. Вицлебен прибыл из Цоссена, где переговорил с генералом Вагнером и узнал, что покушение сорвалось. Он яростно набросился на Клауса: «Какое свинство с вашей стороны!». Ударив кулаком по столу, он стал размахивать своей обесцвеченной саблей. Он упрекнул его в промахах «Валькирии»: радиостанции не были взяты под контроль, части не имели единого управления, тыловое обеспечение было никуда не годным – стало известно, что участвовавшее в заговоре оружейное училище Берлина не получило грузовиков, и курсантам пришлось ехать в район замка на трамваях. Штауффенберг и Ольбрихт оправдывались, как могли. Оставалась лишь одна реальная надежда. Переворот вполне удался в Вене и Париже. Клаус связывал с этим все надежды. Но в 20 часов 30 минут Вицлебен решил, что месса была закончена. Произнеся: «Все, конец, по домам», единственный генерал-фельдмаршал из участников заговора ушел на встречу со своей судьбой.

Разные успехи в Вене и Париже

Однако в Вене и Париже перспективы все еще были обнадеживающими. Причина этого заключалась в том, что там государственный переворот был особенно хорошо подготовлен. У Штауффенберга там было много умных и верных друзей.

Временно исполнявшим обязанности командующего 17-м военным округом в Вене был генерал фон Эзенбек, бывший командир боевой группы, с которым Клаус познакомился в 6-й танковой дивизии в ходе французской кампании. Еще до поступления распоряжений по телетайпу, в 17 часов он уже переговорил со Штауффенбергом по телефону. У него не было никаких причин не верить словам старого товарища. Он ненавидел режим и СС. И всю свою энергию бросил на выполнение операции «Валькирия». В 19 часов вермахт патрулировал на Ринге, занял вокзалы, руководство СС, гестапо, гауляйтер, начальник полиции, комендант гарнизона были обезоружены и арестованы. До решения их дальнейшей судьбы их поместили в удобных салонах штаба военного округа под надежной охраной, обеспечив хорошим запасом сигарет и коньяка. Армейские офицеры заняли казармы подразделений СС и установили контроль над ними. Телефонные станции и радиопередатчики также перешли под контроль армии. Без согласия Штауффенберга в Вене ничего не происходило. Это был успех. Но временный. Кейтель по телефону старался сделать все, чтобы отменить операцию «Валькирия». Ему удалось связаться с Эйзенбеком и объяснить тому всю ситуацию. Эйзенбек перезвонил на Бендлерштрассе. Он был огорчен, убежденный в том, что старый товарищ по оружию его подставил. Несмотря на отчаянные мольбы Клауса: «Не надо отступать», в 21 час чрезвычайное положение было отменено. Нацистские руководители были развезены по их учреждениям, им принесли полагавшиеся извинения. На австрийскую столицу снова упала коричневая ночь.

В Париже обстановка складывалась по-другому. Многие служившие там офицеры были участниками заговора, в частности главнокомандующий немецкими войсками во Франции Штюльпнагель, его начальник штаба Шпейдель¹⁰⁴ и подполковник фон Хофакер. Как было показано в начале книги, операцию «Валькирия» смогли начать в Париже намного раньше, чем в других местах. Сразу же после покушения полковник Финк сообщил Хофакеру о начале операции. Это было около 14 часов. Несмотря на возражения генерал-фельдмаршала фон Клюге, главнокомандующего Западным фронтом и прямого начальника Штюльпнагеля, желавшего удостовериться, что Гитлер действительно был мертв, все началось согласно плану. До 20 часов, будучи введен в заблуждение Бекком и Вицлебенем, Клюге не предпринимал ничего для того, чтобы отменить приказы своего подчиненного. Вечером того же богатого событиями дня он переговорил со Штиффом из Ставки фюрера. Не найдя в себе сил соврать под слово офицера, тот подтвердил, что Гитлер уцелел. В тот решающий момент, когда заговорщики появились в штаб-квартире в Ларош-Гийон, они были уверены в том, что смогут склонить на

---

¹⁰⁴ Шпейдель на самом деле был начальником штаба Роммеля, но после ранения генерал-фельдмаршала был откомандирован в распоряжение Штюльпнагеля.

свою сторону старого генерал-фельдмаршала. Клюге пригласил их отужинать с ним. В большой столовой дворца при свечах обстановка была ледяной. Их было пятеро: Клюге, Штюльпнагель, их начальники штабов, соответственно Блюментритт и Шпейдель, а также Хофакер. Прислуге было приказано удалиться. В абсолютной тишине, изредка прерывавшейся звоном хрустальных бокалов, слово взял Хофакер. Говорил он складно. Рассказал всю историю заговора, описал опасности, которым подвергались заговорщики, изложил, какие с ним связывала надежды армия. Глядя в глаза Клюге, он закончил речь такими словами: «То, что сейчас происходит в Берлине, не самое главное. Намного важнее те решения, что приняты здесь, во Франции. Я обращаюсь к вам, ваше превосходительство, от имени Германии и ее будущего. И настоятельно прошу вас сделать то, что на вашем месте мог бы сделать генерал-фельдмаршал Роммель, с которым я разговаривал не далее как 9 июля. Возьмите на себя командование освободительной армией Германии. В Берлине армейский генерал Людвиг Бек в настоящее время возглавляет государство. Создайте же аналогичную ситуацию здесь, на Западном фронте [...]. Положите конец войне, начав переговоры с врагом. Прекратите бессмысленное кровопролитие [...]. Тем самым вы сможете также отвести от Германии угрозу самой великой катастрофы в ее истории». Речь явно не дала ожидаемого результата. Клюге ворчливо произнес: «Так вот, господа, дело в том, что покушение не увенчалось успехом». Когда ужин закончился, Штюльпнагель отвел Клюге в сторонку. Он рассказал ему все подробности операции «Валькирия» в Париже и сказал, что вермахт нейтрализовал СС. Придя от этого в ужас или разозлившись на то, что ему выкручивали руки, Клюге встал на дыбы. Он выпроводил гостей и на прощание не подал им руки, а Штюльпнагеля отстранил от командования. Перед уходом он посоветовал ему переодеться в гражданскую одежду и скрыться как можно быстрее. И мечтательно добавил: «Да, если бы свинья была мертва.» Начавшийся с победных труб день заканчивался дурным водевилем. С того времени надеяться на успех в Париже уже было нельзя. Провал заговора в Берлине не мог быть компенсирован успехами во Франции. Место Штюльпнагеля занял Блюментритт. Оставалось лишь сделать так, чтобы избежать пролития немецкой крови немцами же. Смелчак и рыцарь, генерал фон Бонебург-Ленгсфельд¹⁰⁵ взялся урегулировать это дело. Он лично освободил нацистов из-под стражи и пригласил их руководителей в дружеской обстановке пропустить по стаканчику в отеле «Мажестик». А их арест объяснил учениями. Но это никого не ввело в заблуждение. Он знал, что утром они же будут его пытаться. Но это было не важно, главное было соблюсти приличия. Французам не суждено было увидеть боевые столкновения немецких частей между собой на улицах Парижа.

А когда к 2 часам ночи последние нити парижского заговора были распутаны, в Берлине уже пролилась кровь.

Время мученика

Около 21 часа Штауффенберг решил пойти ва-банк. Он собрал в кабинете Ольбрихта всех офицеров АХА и штаба резервной армии и выложил карты на стол. Да, это был государственный переворот. Да, он пошел на преступление ради спасения Германии, чести немцев, запачканной огромным числом преступлений за долгие годы правления нацистов. Он обратился к их совести и призвал последовать за ним. Объяснил, что все еще можно было спасти, поскольку в Париже заговорщики овладели французской столицей. Надо было выстоять. Он сказал, что к Бендлерблоку стягивался комендантский батальон. И призвал присутствовавших офицеров оказать сопротивление, для чего предложил разобрать то небольшое количество оружия, что было под рукой: несколько автоматов, пистолеты и ручные гранаты. Самое малое, что можно сказать о реакции на его слова, была холодность. Ни у кого больше не было сомнений в том, что путч провалился. Кандидатов в мученики не нашлось. Он вернулся в свой кабинет и безуспешно попытался связаться с Ниной. Около 22 часов он сумел дозвониться до Парижа. Ему захотелось попрощаться с Хофакером. Но тот был в то время в Ларош-Гийон. Ему ответил один из адъютантов Штюльпнагеля подполковник фон Линстов. Клаус выразил

---

¹⁰⁵ Временно исполняющий обязанности коменданта Парижа.

ему свои сожаления по поводу того, что он вовлек их в эту неудачную авантюру. Линстов возразил, что, если бы было можно, он снова совершил бы это. Таковы были последние слова, которые Штауффенберг высказал внешнему миру. Вскоре телефонная связь с Бендлерблоком была прервана.

В это самое время началась дворцовая революция. Один из порученцев Фромма, подполковник Гербер, потребовал, чтобы ему дали переговорить с его начальником. Штауффенберг категорически выступил против этого, объяснив, что тот находился под арестом. В коридорах послышались выстрелы. Никто не знал, кто открыл огонь. Несколько человек воспользовались розданными Клаусом автоматами, чтобы повернуть оружие против него. Пробив двери, пули рикошетом отлетали от стен. Заговорщики вскоре остались в меньшинстве. Колеблющиеся воспользовались этим, чтобы заслужить прощение. Штауффенберг был ранен в плечо. Вскоре от нападавших отстреливались только Клаус, Мерц и Хефтен. Гизевиус куда-то скрылся. Бек стойчески ждал развязки. Он решил не продавать дорого свою жизнь. И ждал приговора судьбы. Клаус начал перезаряжать пистолет и отступил к своему кабинету. Хефтен успел сжечь всего несколько списков заговорщиков. Как последний упрек, Клаус бросил: «Вы все меня покинули».

Тем временем верные режиму офицеры устремились к комнате, где под арестом содержался Фромм. И освободили его. Он снова стал хозяином своего кабинета. Сцена, имевшая там место после обеда, повторилась с точностью до наоборот. Штауффенберг сдал свое оружие, бельгийский наган, с которым не разлучался со времен французской кампании. Вместе с ним были арестованы Бек, Хепнер, Ольбрихт, Мерц фон Квирнхайм и Хефтен. Никто из них не хотел ненужного кровопролития.

Не желая быть обвиненным в преступной слабости, а главное, стремясь убрать компрометировавших свидетелей, Фромм тут же собрал военный совет. Решение его не подлежало обсуждению и должно было исполниться незамедлительно. Хепнер потребовал, чтобы его заслушали люди, равные ему по званию, военный трибунал. Фромм согласился на это по старой дружбе. Беку, Ольбрихту, Мерцу фон Квирнхайму, Хефтену и Клаусу был вынесен смертный приговор. Время было 23 часа 15 минут.

Без особой надежды Штауффенберг сделал шаг вперед, чтобы защитить своих товарищей. И произнес четким голосом: «Все, что сегодня произошло, было сделано по моему приказу. Исполнялось лишь то, что я приказывал. Все остальные, как солдаты, как мои подчиненные, делали то, что должны были делать. Они ни в чем не виновны. Во всем повинен только я». Естественно, это ни к чему не привело. Ни Ольбрихт, ни Бек, ни Вицлебен не были его подчиненными.

Бек попросил дать ему оружие, как того требовала традиция немецких генералов. Фромм согласился. Бек медленно поднес пистолет к виску, произвел выстрел, но не убил себя и был еще жив. Спустя несколько минут его прикончили выстрелом милосердия, пустив пулю в голову. Незадолго до полуночи, под усиленной охраной вооруженных солдат из занявшего здание комендантского батальона, приговоренные к смерти спустились по лестнице, которая вела во внутренний дворик Бендлерблока. При свете разрывающих ночную тьму прожекторов пятерых мужчин подтолкнули к куче песка. Их уже ждала специальная расстрельная команда. Десять унтер-офицеров в касках лихорадочно вскинули оружие. Лейтенант Вернер Шади отрывисто отдавал команды в этом мрачном, огражденном с четырех сторон бетонными стенами дворе. Приговор был зачитан немедленно. Первым должен был пасть Штауффенберг. Но тут Хефнер бросился вперед, чтобы прикрыть его своим телом. И упал, изрешеченный пулями. Перед тем как настала его очередь, Клаус крикнул: «Да здравствует священная Германия!»¹⁰⁶ Берлинскую ночь разорвала вторая команда «Фойер!» («Пли!»). Жизнь полковника Штауффенберга оборвалась. Следом за ним в могилу пали Ольбрихт и Мерц.

¹⁰⁶ Идут споры о том, какими именно были последние слова Штауффенберга. Некоторые сторонники кружка Георге утверждают, что он якобы крикнул: «Да здравствует "Тайная Германия"!» Поскольку нет никаких достоверных свидетельств в пользу той или иной версии, кажется более вероятным, что в час откровения перед историей он предпочел бы воскликнуть «Священная Германия», что было понятно всем, а не «Тайная Германия», о которой знали лишь немногие.

Раздались контрольные выстрелы. Каждому пустили пулю в затылок. Прожекторы потухли. Тела отвезли и зарыли на кладбище Святого Матиаса Шенебергского¹⁰⁷.

В тот же час Фромм отправил телеграмму в «*Волчье логово*» и во все военные округа: «Попытка путча захлебнулась в крови». А радио рейха передало обращение фюрера к своему народу: «Небольшая клика преступных и ограниченных офицеров, не имеющих ничего общего с немецким народом, попытались поднять на меня руку. Но провидение в очередной раз спасло меня. В этом я вижу еще один знак одобрения той миссии, которую я перед собой поставил: спасти Германию [...]. Эта кучка узурпаторов очень малочисленна. Она не имеет ничего общего с вермахтом и уж тем более с немецкой армией. Это – всего лишь небольшая клика преступных элементов, которые вскоре будут беспощадно уничтожены [...].»

Мы в очередной раз сведем с ними счеты, как только мы, национал-социалисты, умеем это делать».

И тогда настало время мучеников, первым из которых стал Штауффенберг. Кроме Гизевиуса, большинству заговорщиков суждено было погибнуть. Самые удачливые из них покончили жизнь самоубийством: Тресков инсценировал нападение партизан, Эрцен заперся в кабинете и взорвал себя гранатой. Других ждал арест, унижительный судебный процесс и постыдная смерть. Гитлер с маниакальным вниманием следил за процессом над заговорщиками. Он не допустил, чтобы их судил Военный трибунал. Он пожелал, чтобы их к смерти приговорил Народный суд, рассматривавший случаи государственной измены. Прежде этого военных выгоняли из вермахта решением суда офицерской чести. Председательствовавший на нем генерал-фельдмаршал фон Рунштедт навеки замарал честь своих погон, допустив разжалование всех представших перед этим судом офицеров, желая услужить режиму на основании только представленных полицией документов.

После этого заговорщики могли предстать перед Народным судом, где заправлял кровожадный Фрайслер, которого сам Гитлер плотоядно называл «наш Вышинский»¹⁰⁸. Он только и умел, что требовать казни. Адвокаты выступали как обвинители. Чаще всего подозреваемым запрещалось говорить. Палачам нравилось выставлять их в таком смешном виде: без поясов и подтяжек, в ниспадавших иногда до лодыжек брюках. 8 августа к смерти был приговорен Бертольд, 30 августа Хофакер болтался в петле. Повозки с приговоренными к смерти сменяли друг друга, казни были похожими. Все погибли подвешенными за ребра на крюках мясника в тюрьме Плётцензее. С особым удовольствием Гитлер следил за условиями проведения казней. Он хотел, чтобы «предатели» чувствовали, как они умирают. Он требовал от палачей использовать струны от пианино, чтобы смерть не была мгновенной, чтобы агония длилась подольше. Часто по вечерам в последние месяцы существования нацистской Германии в горящем Берлине он приказывал показать ему фильм с очередной казнью. Именно так погибли около 200 человек, прямо или косвенно связанных с заговором. Не говоря уже о тысячах арестов. Конечно, были схвачены руководители, Герделер, Хассель, Вицлебен, офицеры, сообщники, но также и случайные люди, чьи фамилии на их беду были упомянуты в арестованных гестапо списках, особенно если они звучали аристократично. Что же касается тех, кто проявил лояльность режиму в одиннадцать часов, то и они поплатились своими головами. Фромм, Клюге и Вагнер, все они также сложили головы. Месть нацистов не ограничилась лишь участниками заговора. Их семьи также были без суда брошены в концентрационные лагеря во имя принципа семейной ответственности¹⁰⁹. В своей зажигательной речи Гиммлер объяснил это так: «Мы собираемся ввести абсолютную солидарную ответственность всего рода [...]. Это понятие мы унаследовали от наших древнейших традиций [...]. Достаточно перечесть

¹⁰⁷ На следующий день они были откопаны и сожжены.

¹⁰⁸ Вышинский – известный генеральный прокурор, выступавший обвинителем на процессах в Москве и полностью подчинявшийся воле Сталина. Он также заседал на Нюрнбергском процессе в качестве представителя обвинения от Советского Союза.

¹⁰⁹ На эту тему Фрей фон Хассель, дочь Ульриха фон Хасселя, написала великолепную книгу «*Мрачные дни*», 1999.

германские саги. Когда какая-то семья совершала преступление [...], все несли за это ответственность. Когда какая-то семья была осуждена и поставлена вне закона, говорили, что этот человек предатель, в его жилах течет кровь предателя, надо его уничтожить [...]. Семья графа Штауффенберга будет уничтожена до последнего колена». Поэтому Нина была брошена в Бухенвальд и разлучена с детьми, оставшимися под охраной СС¹¹⁰. Лишь чудом им удалось уцелеть¹¹¹. Александр, которого не привлекали в заговор из-за его неосторожности, дорого заплатил за то, что носил фамилию Штауффенберг. Его посадили в Штутхоф, а затем в Бухенвальд. Его жена Мелитта из-за этого погибла. Пытаясь прилететь на свидание с ним на своем маленьком самолете «Физелер Торх», она была сбита в апреле 1945 года американским истребителем. Имущество заговорщиков было конфисковано, а затем некоторые из них вторично потеряли его, поскольку оно после разгрома гитлеровцев было захвачено коммунистами из Восточной Германии. Рейх не ограничился только мстостью живым, он мстил и мертвым. Когда стало известно о причастности к заговору Трескова, его тело выкопали в присутствии всей семьи, включая восьмилетних детей, сожгли и развеяли пепел по ветру.

Умерев первым, Штауффенберг распахнул врата ада. Последние месяцы существования национал-социализма были самыми тяжелыми, самыми кровавыми. Но он также возродил честь оружия. «Сколько же новых жертв, – написал Эрнст Юнгер в своем парижском "Дневнике" 22 июля 1944 года. – И именно среди этих небольших кружков последних рыцарей, свободных умов, всех тех, кто думал и чувствовал выше мрачных страстей. Однако эти жертвы не напрасны, ибо они раскрывают внутреннее пространство и не дают нации всей целиком, одной массой, погрязнуть в ужасных глубинах судьбы».

Эпилог

С человеческой точки зрения поступок Штауффенберга 20 июля кажется ужасным провалом. Фюрер остался жив, государственный переворот сорвался, заговор был раскрыт, прошли сотни казней, тысячи арестов, старая Германия была обезглавлена. Но разве один Клаус должен нести ответственность за это фиаско? Следует ли осуждать за это и его товарищей по борьбе? Можно ли говорить, как это делают много светлых умов, что, «по сути, операции недоставало эффективности, не говоря уже о том, что офицеры, которые ею руководили, в большинстве своем являлись интеллектуалами-штабистами, а не настоящими воинами, как, например, Ремер¹¹²»?

Конечно же нет. Провал заговора имел не единственную причину. В основном исход его зависел от мелких деталей, трагических случайностей. Вначале был непредвиденный приезд Муссолини, сдвинувший на полчаса вперед совещание в Ставке. Не будь этого сдвига, Штауффенбергу, естественно, хватило бы времени на то, чтобы запустить обе бомбы. Мощность взрывной волны была бы тогда убийственной. И жизнь фюрера оборвалась бы в развалинах «Волчьего логова». То же самое могло бы случиться, если бы совещание проходило в обычном бункере, а не в деревянном бараке, который был выбран местом проведения совещания в тот день. Тогда хватило бы и одной бомбы. Коробка из железобетона стала бы могилой «самого величайшего военного гения всех времен». И дальнейшее развитие событий радикально

---

¹¹⁰ После войны жена Клауса нашла своих детей. Старший из них, Александр, пошел по стопам отца и поступил на службу в бундесвер. Службу он закончил генеральным инспектором. Имея самую большую выслугу среди офицеров новой немецкой армии, он стал неким мостиком между членами Соппротивления из вермахта и новой армией, интегрированной в НАТО.

¹¹¹ Можно предположить, что их тюремщики, обеспокоенные ходом войны, защищали их в надежде на то, что это им зачтется, когда придет время расплаты.

¹¹² *Иоахим Фест*. «Гитлер», 1973. Следует заметить, что в своей книге, посвященной 20 июля 1944 года, Иоахим Фест вернулся к этому анализу и проявил более критичное отношение к заговорщикам. См. *Иоахим Фест*. «Немецкое сопротивление Гитлеру», 2009.

изменилось бы. Решающей стала также слабость некоторых людей. Если бы Ольбрихт начал операцию «Валькирия» раньше, если бы Клюге, как он обещал это Роммелю, решился бы перейти Рубикон, все могло бы получиться. Клауса не в чем винить. Он допустил единственную ошибку, непростительную для штабного офицера, в обязанности которого входило предусмотреть все варианты действий: он не предусмотрел того, что Гитлер уцелеет. Если бы не это, возможно, достаточно было бы предпринять некоторые решительные действия, чтобы повлиять на развитие событий: взорвать центры связи вместо того, чтобы просто захватить их, расстрелять нескольких непокорных офицеров, организовать отряды из верных офицеров для своевременного захвата ключевых объектов. Надо было предусмотреть возможную неудачу покушения, подготовить запасы оружия и взрывчатки, не рядить переворот в одежды законности, а сделать его свершившимся фактом, насильственным и в некоторой мере революционным. Именно тут был предел мышления Штауффенберга. До начала действий, ограниченный логикой бюрократии и законности, он не был способен предположить немыслимое. После начала действий он подал типичный пример немецкого стратегического мышления. Оно было великолепным при планировании и выполнении, когда все шло в соответствии с намеченными планами, но посредственным, когда надо было приспособливаться к неожиданным поворотам событий. Именно это можно поставить ему в упрек. Все остальное стало игрой случая, фатальности, дьявольской песчинкой, попавшей в хорошо смазанную машину. Орудие судьбы, жертва судьбы, он в любом случае был единственным, кто довел до самого конца принятое им решение.

Остается один вопрос. Имел ли государственный переворот вообще смысл 20 июля 1944 года? Много говорилось, особенно в семидесятых годах, что в лучшем случае это был чисто символический поступок людей, желавших успокоить свою совесть, а в худшем – отчаянной попыткой реакционных элементов, желавших восстановления авторитарного государства ради сохранения привилегий своей касты. Это обвинение к Клаусу совсем не относится. Пусть он в молодости смирился с тем, с чем мириться было нельзя, но не только военные поражения сделали его непримиримым врагом Гитлера. Зверства на востоке, геноцид, разрушение правового государства, слепота высшего командования, посылавшего свою молодежь на бойню, очень скоро повлияли на его дальнейшее поведение. Еще до битвы у Эль-Алемейна, до Сталинграда, до того, как англо-американские бомбардировщики стали покрывать ковром бомб его родную землю, он уже был ярким противником национал-социализма. Его планы не были напрасными. Начиная с 1942 года он настаивал на том, чтобы новая Германия не была простой реставрацией старой. Вместе с заговорщиками из «Крейзау» он выступал за союз с трудящимися массами, с социалистами, с профсоюзами. Юлиус Лебер стал одним из его самых близких друзей. Сведение заговора к коалиции одной касты было бы самой большой ошибкой. Конечно, без этого дело не обошлось. При прочтении списка казненных в тюрьме Плетцензее складывается впечатление, что читаешь список аристократии: Клейст, Мольтке, Шверин, Хассель, Юксюль, Хесслин, Хофакер, Фалькенайн, Вицлебен, Хаммерштейн-Экворд... Это «класс, распрощавшийся с этим миром». Но там же, вместе с ними, были такие люди, как Лебер, Лейшнер, Бонхеффер, Герштенмайер, то есть те, в чьих жилах не было ни капли голубой крови, но с которыми Штауффенберг так увлеченно сотрудничал. Его смерть принадлежала как первым, так и вторым.

Помимо проектов на длительную перспективу, государственный переворот мог бы принести и немедленную пользу. Последние месяцы войны были особенно кровопролитными. С июля 1944-го по май 1945 года десятки городов были стерты с лица земли, погибли почти 5 миллионов немцев¹¹³, как на фронтах, так и в тылу, полтора миллиона евреев были уничтожены. Если бы в июле 1944 года война была остановлена, если бы Западный фронт был открыт, скольких жертв удалось бы избежать!

Именно неудача заговора придала Штауффенбергу его символическое величие. Раз уж Клаус со своими друзьями не смогли положить конец кровопролитию, люди решили увидеть в их борьбе стремление громким поступком смыть позор с Германии, навеки себя запятнавшей, не

---

¹¹³ В то время как с сентября 1939-го по июль 1944 г. их было «всего» 2,8 миллиона.

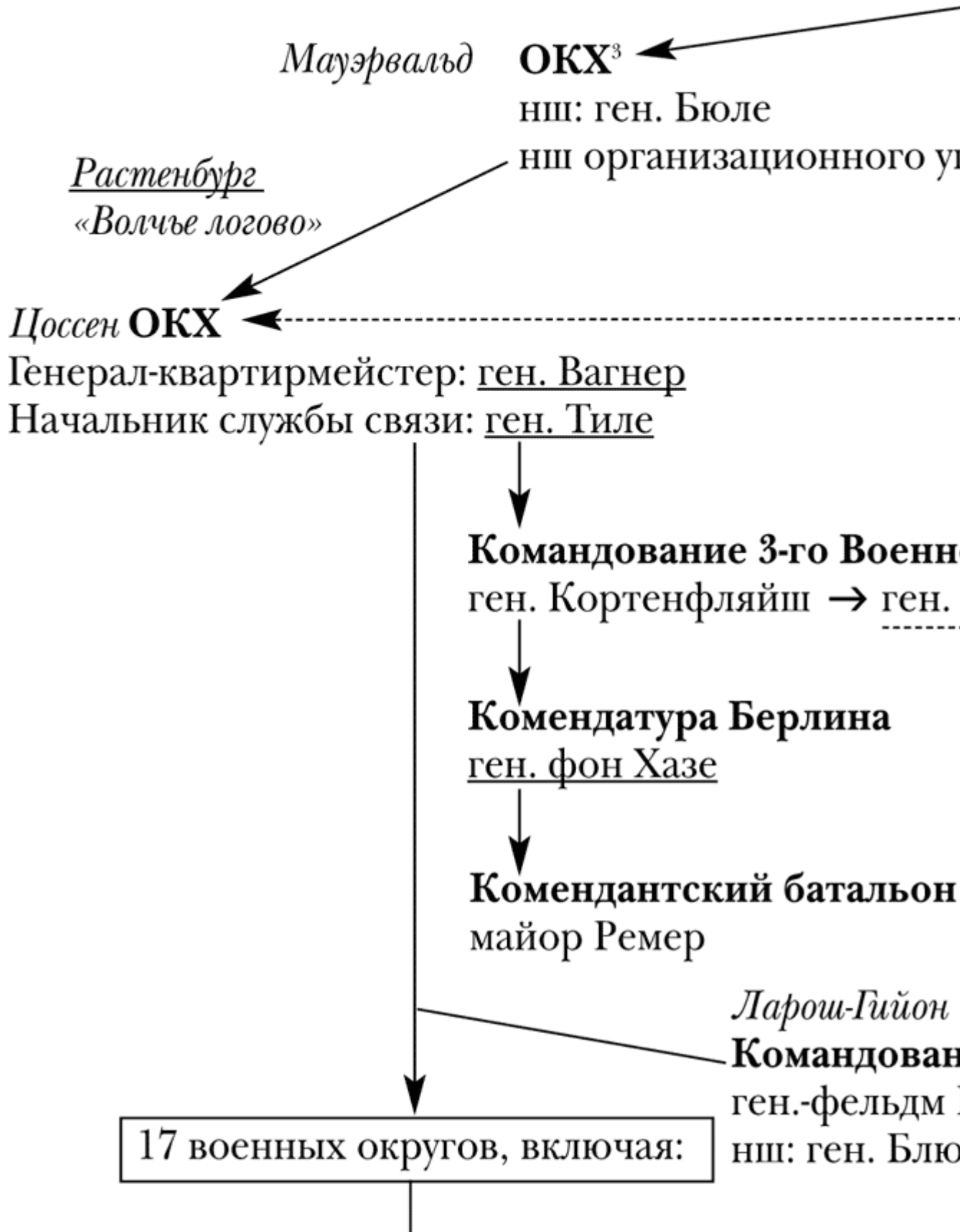
заботясь при этом о возможном результате своего поступка. Это – заблуждение.

Штауффенберг был мечтателем. Он в каждом деле стремился к успеху. Операция провалилась. Но самопожертвование осталось навечно.

То же самое говорил и Хеннинг фон Тресков накануне 20 июля в откровенной беседе с Фабианом фон Шлабрендорфом: «Если когда-то Господь обещал Аврааму пощадить Содом, если обнаружит в нем десять праведников, надеюсь, что благодаря нам Господь не станет уничтожать Германию. Никто из нас не станет жалеть о своей гибели. Мы сами надели на себя тунуку Нессуса». Штауффенберг был из числа этих праведников. Возможно, его смерть стала платой за то, чтобы потом послевоенная Германия, Федеративная Республика Германия, стала той свободной, процветающей и демократической страной, которая сейчас входит в состав свободной Европы.

Приложение

СХЕМА ОРГАНИЗАЦИИ

Благодарности

Одни книги пишутся по увлеченности, другие после долгих поисков. Эта книга стала результатом одной встречи. В 1996 году, когда я приехал на выходные в Германию, профессор Финк фон Финкенштейн из Университета Дюссельдорфа открыл мне архивные материалы заговора 20 июля, в котором участвовала и его семья. И мне сразу же подумалось, что необходимо подробнее ознакомить с этим заговором французских читателей. В основу этого проекта легли его воспоминания и его одобрение. И за это ему моя горячая благодарность.

Эта книга не увидела бы свет без свидетельств некоторых членов семей, которые были вовлечены в заговор. Не имея возможности назвать всех их, я хочу выразить благодарность детям, племянникам и внучатым племянникам Клауса фон Штауффенберга. Они с готовностью рассказали мне о нем и передали некоторые неопубликованные документы. То же самое относится и к семьям Хасселя, Хефтена, Трескова и Хофакера.

Мне хотелось бы также упомянуть Филиппа фон Безелагера, единственного участника заговора, кто дожил до 2008 года и в лагере молодых инвалидов Мальтийского ордена в 1995 году рассказал мне о своем поразительном рейде по территории Польши, для того чтобы прийти на помощь Штауффенбергу.

Мне также оказали неоценимую помощь документы Берлинского Фонда немецкого Сопротивления, расположенного сегодня в Бендлерблоке, в том самом месте, где Штауффенберг организовал свой заговор. Фонд с готовностью оказывал мне помощь и предоставлял документы, которые я хотел посмотреть.

Написание книги отнимает много времени в ущерб другим занятиям. Поэтому я благодарю моих самых близких сотрудников Брюно Фей, Бенуа Грюо и Александра дэ Куртий за то, что они поддерживали меня своей дружбой. Не могу также забыть о Дус Газемажур, Армель Фей, Амели дю Мениль и Анн-Кристин Роме, которые терпеливо выносили мои отлучки, связанные с историческими поисками.

Наконец, я испытываю особенные чувства к моему издателю Ксавье де Бартилла, чьи драгоценные и мудрые советы оказали мне огромную помощь в написании этого труда. Благодарю также Энтони Роули, который с поразительной простотой проводил анализ и разъяснял мне самые запутанные исторические вопросы. Наконец, моя благодарность касается всей увлеченной и вдохновенной команды издательства «Перрен», и особенно Мари-Лор Дефретен, Селин Делотр и Маргерит де Маркильяк.

Выборочная библиография

Неизданные источники

Архивы семьи Штауффенберг
Фонды «Мемориала немецкого Сопротивления»
«Постоянная выставка движения Сопротивления национал-социализму»

Библиография на немецком языке

Бракельман Гюнтер. Хельмут Джеймс фон Мольтке. 2007
Вальтерскирхен Урсула фон. Голубая кровь Австрии. 2000
Винклер Август.. Долгая дорога в ночи. 2000
Герсдорф, Рудольф-Кристоф фон. Солдат в подполье. 1977
Гизевиус Ганс Бернд. Пока не настал печальный конец. 1954
Гофманн Петер. Клаус Шенк граф фон Штауффенберг. 1992
Кроков Кристиан фон. Вопрос чести. 2002
Лиль Рудольф. 20 июля, портреты заговорщиков. 1994

- Малиновски Штефан.* От короля к фюреру: немецкая аристократия и национал-социализм. 2004
- Моммсен Ганс.* Немецкое сопротивление Гитлеру. 1996
- Райх Инесс.* Карл Фридрих Герделер. 1997
- Ридель Манфред.* «Тайная Германия»: Штефан Георге и братья Штауффенберг. 2006
- Ротфельс Ганс.* Немецкое сопротивление Гитлеру, один урок. 1958
- Фест Иоахим.* Рейх: долгий путь к 20 июля. 1994
- Шейриг Бодо.* Хеннинг фон Тресков. 2004
- Шлабрендорф Фабиан фон.* Офицеры против Гитлера. 1946
- Шрам Вальтер фон.* Мятеж генералов, 20 июля в Париже, репортаж. 1996
- Юбершер Герд.* Штауффенберг: 20 июля. 2004

Библиография на французском языке

- Альмейда Фабрис д'.* «Светская жизнь при нацизме», 2006
- Безансон Ален.* Несчастье века. 1998
- Безелагер Филипп фон.* Мы хотели убить Гитлера. 2008
- Блед Жан-Поль.* Бисмарк. 2005;
- История Пруссии.* 2007
- Вайзенборн Гюнтер.* Германия, которая была против Гитлера. 2000
- Гюйо Аделин, Рестеллини Патрик.* Нацистское искусство. 1987
- Денхоф Марион фон.* Произносить эти имена запрещено. 1994
- Дрейфюс Франсуа Жорж.* Современная Германия. 1991; Третий рейх. 1992
- Дюпё Луи.* Консервативная революция в Германии времен Веймарской республики. 1992;
- История культуры Германии.* 1989
- Кагенек Август фон.* Лейтенант танковых войск. 1994;
- Экзамен совести.* 1996;
- Война на Восточном фронте.* 1998;
- Эрбо, пилот истребительной авиации.* 1999;
- От Железного креста до виселицы.* 2004
- Канторович Эрнст.* Фридрих II. 1987
- Кнект Терри.* Монсеньор фон Гален. 2007
- Козн Барбара.* Немецкое сопротивление Гитлеру. 2003
- Крамарц Иоахим.* Жизнь и смерть офицера: Штауффенберг. 1996
- Лонгерих Петер.* Мы об этом не знали. Немцы и «окончательное решение», 2008
- Мёллер Хорст.* Веймарская республика. 2005
- Нольте Эрнст.* Между двумя фронтами. 2008
- Нольте Эрнст, Фюре Франсуа.* Фашизм и коммунизм. 1998
- Ришардо Филипп.* Гитлер, его генералы и его армии. 2008
- Саломон Эрнст фон.* «Проклятые». 1931; Вопросник. 1953
- Снейдер Марсель.* Потерянная тень Германии. 1999
- Фест Иоахим.* Гитлер. 1973
- Хассель Фей фон.* Мрачные дни. 1999
- Хассель Ульрих фон.* Дневник заговорщика 1938–1944 гг. 1996
- Шоль Ганс и Софи.* Письма и дневники. 2008
- Штейнер Марлис.* Гитлер. 1991
- Юнгер Эрнст.* Мир. 1992; Военные дневники. 2008